

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени академика С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

С. А. КАРПУХИН

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Монография

С а м а р а
Издательство Самарского университета
2016

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-2
К 267

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. З. Н. Бакалова,
д-р филол. наук, доц. В. Д. Шевченко

Карпухин, Сергей Александрович

К267 **Избранные работы по русской аспектологии:** монография /
С.А. Карпухин. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2016. – 152 с.

ISBN 978-5-7883-1128-9

В книге рассматривается круг вопросов, объединенных центральной для русской аспектологии проблемой – семантического инварианта глагольного вида. Проблема эта решается здесь комплексно – в системном, функциональном, когнитивном и дискурсивных планах, каждый из которых акцентируется в соответствующих очерках или служит исходным тезисом для смежных планов. Новое понимание сущности категории вида и закономерностей ее функционирования базируется на анализе достижений отечественных и зарубежных предшественников и обширного в жанрово-стилистическом отношении речевого материала.

Оригинальные взгляды автора, содержащиеся в книге, носят не отвлеченно-теоретический характер – они мотивированно проецируются как на развитие аспектологической мысли, так и на повышение культуры русской речевой деятельности.

Книга адресуется исследователям русской грамматики, преподавателям русского языка, студентам-филологам и всем интересующимся русским языком.

Подготовлено на кафедре русского языка и массовой коммуникации.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-2

ISBN 978-5-7883- 1128-9

© Самарский университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	4
<i>Движение и покой в русской речи</i>	6
<i>Русский глагольный вид в языковом сознании</i>	18
<i>К проблеме семантического инварианта русского глагольного вида</i>	31
<i>Семантика совершенного вида</i>	40
<i>Семантика несовершенного вида</i>	51
<i>К вопросу о видовых парах глаголов в русском языке</i>	63
<i>Еще раз об изучении глагольного вида в школе</i>	72
<i>О сочетаемости глагольных видов с наречием «никогда»...</i>	79
<i>Употребление глагольных видов в отрицательных предложениях</i>	87
<i>Семантика глагольного вида и логическое ударение</i>	95
<i>Об одной «неправильной» глагольной форме</i>	103
<i>Русский глагольный вид как отражение в сознании бытия в статике и динамике, в континуальности и дискретности</i>	108
<i>Когнитивная функция глагольных видов в русском языке</i>	116
<i>О проекте толково-аспектуального словаря русских глаголов</i>	126
<i>Художественная интерпретация глагольных видов</i>	135
<i>Использованная научная литература</i>	147

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга посвящена русской аспектологии – учению о глагольном виде. Все работы, включенные в нее, были опубликованы в разное время в научных журналах и вузовских сборниках – для настоящего издания они подверглись более или менее существенной переработке.

Представленные здесь очерки, будучи сюжетно самостоятельными произведениями, все без исключения, объединены одной идеей, касающейся нового решения старой проблемы, центральной для русской аспектологии, – о семантическом инварианте глагольного вида. Новый взгляд на содержание видовой оппозиции в русском языке со временем развился в концепцию, которую автор называет **двухкомпонентной моделью семантического инварианта глагольного вида**. Большая часть очерков освещает данную концепцию в важнейших ракурсах, без которых невозможно понять сущность категории вида, – системно-грамматическом, функциональном, когнитивном. Другие работы посвящены частным вопросам дискурсивного плана: фактору осознанности носителями языка употребляемых видовых форм, трудностям преподавания вида, выразительному потенциалу вида в художественной речи, отдельным типам синтаксических конструкций с участием вида. Содержание каждой из этих работ тоже органично связано с указанной концепцией – опирается на нее и, в свою очередь, служит ее обоснованию. Концептуальным единством монографии объясняются некоторые внешние особенности изложения: повторы узловых тезисов (по возможности лапидарно сформулированные) в разных очерках; перекрестные ссылки.

Книга адресуется в первую очередь исследователям в области русской аспектологии. Ее можно рекомендовать также преподавателям русского языка вузов и средней школы, филологам широкого профиля. Она будет понятна и, хочется думать, полезна каждому, кто интересуется русским языком, изучает его. Залогом приглашения расширенного круга читателей служит не только необычайно разнообразный диапазон рассмотрения одной конкретной категории глагола, но и стиль изложения. Автор, в соответствии со своими принципами, стремится, не в ущерб научной

мысли, к максимальному упрощению языка своих сочинений. Язык почти начисто свободен от узкоспециальной, малоупотребительной терминологии, громоздких и сложных умозаключений, абстрактного моделирования грамматической и функциональной систем категории вида (чем, между прочим, особенно увлекаются современные зарубежные специалисты по русской аспектологии). Более того, признано целесообразным поставить во главу теоретического сборника статью о диалектическом единстве движения и покоя – философском постулате, легшим в основу концепции русского глагольного вида, – она была написана (и опубликована) специально для научно-популярного журнала «Наука и жизнь».

Автор выражает благодарность рецензентам профессору Зинаиде Николаевне Бакаловой и доктору филологических наук Вячеславу Дмитриевичу Шевченко и будет признателен читателям за критические замечания и отзывы.

В настоящей работе сокращенные ссылки в квадратных скобках расшифровываются в алфавитном списке использованной литературы (в конце книги) следующим образом:

А) Фамилия автора (первого из соавторов); при отсутствии таковой на титульном листе – ссылка начинается первым словом названия источника, например: [Русская...] – Русская грамматика.

Б) Год издания.

В) После двоеточия – страница (страницы) источника.

Г) Источники разных авторов или разные источники одного автора, объединенные квадратными скобками, разделены точкой с запятой.

Д) Источники одного автора (а также при совпадении первого слова названия источника) и одного года издания различаются дополнительным буквенным индексом: 2004; 2004а и т.д.

ДВИЖЕНИЕ И ПОКОЙ В РУССКОЙ РЕЧИ*

Для вас – века, для нас – единый час.

(А. Блок, «Скифы»)

*И чего мы только не прозёвываем в этом мире из-за спешки,
друзья мои.*

(Халдун Танер, турецкий писатель)

Возможно, не у всех взрослых читателей хорошо сохранилась в памяти такая школьная премудрость, как несовершенный и совершенный виды глагола. Это было бы неудивительно: не только в прежние годы, но и сейчас слишком скупо и неубедительно говорится об этой важнейшей глагольной категории в школьных учебниках. Но зачем, фигурально выражаясь, здоровому человеку помнить о лекарствах? В самом деле, как правило, русскоязычный говорящий употребляет видовые формы не задумываясь и верно – в соответствии со своим восприятием действительности. Один и тот же фрагмент действительности может быть изображен с помощью разных видов: *Вон проехала машина* (сов. вид, далее – СВ) – *Вон едет машина* (несов. вид, далее – НВ). Выбор зависит только от субъективного взгляда носителя языка: воспринимает он ситуацию в развитии или задерживает внимание на протекании действия. Точно так же произволен и выбор самих изображаемых ситуаций, которым соответствует тот или иной вид глагола: *Я при-нес елку домой – Я несу елку домой*.

Но часто употребление видов обусловлено не их смысловой противопоставленностью, а используемыми морфологическими формами и синтаксическими конструкциями. В них глагольный вид употребляется уже как бы автоматически. Так, если форма императива без отрицания допускает оба вида: *Открой окно – Открывай окно*, то с отрицанием – только НВ: *Не открывай ок-*

* Статья была подготовлена для научно-популярного журнала «Наука и жизнь», где была опубликована под другим заголовком, см.: [Карпухин 2004б: 62-64]. В настоящем издании публикуется с незначительными изменениями и дополнениями.

но¹. Можно сказать: *Сидел и читал; Сел и прочитал*; но нельзя: *Сидел и прочитал*. Обычно подобное, связанное употребление видов формирует в родной русской речи устойчивые навыки и потому тоже не требует от говорящего особых умственных усилий. От русского, например, никогда не услышишь так, как прозвучало однажды в речи иностранного посла: *Мы всегда сказать, что деньги платить за заложников не будем*. Впрочем, в речи учащихся нарушения, связанные с грамматическими ограничениями выбора вида, встречаются нередко, например: *Ему никогда не хватило времени на книги*²; *С каждым днем раскопки начали приносить все больше результатов*³. Однако, как показывает наш многолетний опыт проверки сочинений абитуриентов, молодые поколения уже к окончанию средней школы в основном избавляются от таких дефектов речи. Этому способствуют как общая речевая практика, так и специальные упражнения в пособиях для старшеклассников и абитуриентов.

Настоящие трудности – и не только для молодежи – связаны с тем, что русские глагольные виды, в силу их чрезвычайно емкой семантики, весьма тесно и многообразно взаимодействуют с контекстом. Это препятствует установлению каких-то общих правил употребления видов. Рассмотрим следующий факт. А.П.Чехов в ответе начинающему автору писал: «...*Согласитесь, не годится фраза "появилась долгая улыбка"*»⁴. А, собственно, почему не годится? И как исправить? Вероятно, Антон Павлович не придрался бы к фразе: «*застыла долгая улыбка*». Но в обоих вариантах – глагол СВ! В чем же различие? Оно – в оттенках СВ. Глагол *появилась* акцентирует внимание на самом переходе от отсутствия к наличию (улыбки), поэтому он не сочетается с определением *долгая*. Глагол же *застыла* не только фиксирует момент перехода к данному состоянию, но означает и его продолжение, которое отлично согласуется с признаком *долгая*. Смысловые оттенки гла-

¹ См. нашу статью «Употребление глагольных видов в отрицательных предложениях» [Карпухин 2011а: 62-66].

² См. нашу статью «О сочетаемости глаголов разных видов с наречием *никогда*» [Карпухин 1997: 83-88].

³ Выражение с каждым днем (годом, часом и т.п.) означает темп процесса накопления или сокращения чего-либо и поэтому не сочетается с глаголом СВ *начали*.

⁴ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1985. С. 93.

гольных видов далеко не всегда чувствуются и учитываются – даже образованными носителями русского языка – и в наше время. Например: *В понедельник с 9 до 12 **отключат** электричество* (из объявления). Очевидно, имелось в виду, что в указанный период электричество будет **отключено**, а получилось, что **отключение** произойдет в один из моментов этого периода, а в какой именно – остается гадать... Еще: *Мы только сейчас **начали наводить полный порядок** в этом деле* (из телепередачи). Но определение *полный* подразумевает завершение процесса, а не его начало?! В иных высказываниях официальных лиц, «дипломатично» избегающих конкретных ответов, неудачное употребление видовых форм может вызвать у слушающего недоумение и другие отрицательные эмоции. Так, на вопрос журналиста некое должностное лицо ответило: *Мы **будем продолжать** поиск* (пропавшего самолета) *до тех пор, пока не закончим его*. Очевидно, не желая того, говорящий допустил в отношении тех, кому речь была адресована, грубую бестактность – своей пустой и бездушной фразой выразил безразличие к судьбам конкретных людей.

Итак, для устранения подобных погрешностей не существует универсального рецепта, кроме повышения общего уровня культуры речи, то есть уровня **нормативности, выразительности и этичности** речи. И самый надежный способ достичь этого – учиться на образцах русской культурной речи. Да и на антиобразцах, кстати, – тоже. Нужно просто вслушиваться и вчитываться не только в содержание, но и форму речи – и польза несомненно будет! Антиобразцы употребления видов уже приведены. Вот примеры творческого – и удачного! – использования видовых форм. Некоторое время назад диктор ОРТ, ведущий программы «Время», К.Клейменов, обычно заканчивал ее словами: *«Это все, о чем мы успели рассказать вам сегодня»*. Но иногда он менял в этой фразе глагол *успели* на *успеваем*, в котором, на наш слух, слышалось стремление подчеркнуть сиюминутность и связь важнейших событий в мире, а также сопричастность к ним телезрителя. Известный спортивный комментатор В.Гусев ведет телерепортаж о международном футбольном матче: *А вот и наш Овчинников* (с облегчением:) ***спасает** наши ворота от углового...* и (с глубоким разочарованием:) ***не спас**...* Необходимость мгновенного реагирования на происходящее сначала позволяет комментатору выразить

возникшую было уверенность – через форму настоящего времени глагола НВ *спасает*, – что действие уже состоялось (так же, как: *Вратарь забирает мяч в руки*), чтобы тут же отменить ее через глагол СВ с отрицанием. И любители футбола, наблюдавшие за игрой по телевизору, наверняка поняли и оценили неординарное употребление комментатором глаголов в данном эпизоде. Ведь тривиальное соотношение видов: процесс (НВ) → результат (СВ), даже отрицательный, – само по себе не выражало бы таких переживаний болельщика. Далее. Когда хотят передать непреходящий характер чего-либо, употребляют трехчленную конструкцию из временных форм НВ типа: *Волга была, есть и будет*. Бывший министр иностранных дел И.Иванов в одном из интервью уже готов был использовать данную формулу, заявляя: «*Россия всегда осуждала, осуждает...*» – но он не был бы дипломатом, если бы вовремя не отсек третий член – форму будущего времени *будет осуждать* (о чем косвенно свидетельствует отсутствие завершающего союза *и* перед вторым членом *осуждает*), чтобы достойно закончить фразу: *...международный терроризм*» (РТР, 14.10.02). Иначе эта форма предполагала бы – по инерции – существование международного терроризма на будущее.

Любопытный эпизод из истории советской дипломатии, в центре которого оказался русский глагольный вид, рассказал бывший переводчик Л.И.Брежнева Владимир Иванович в телепередаче «Пока все дома» (1 канал, 28.10.07). На переговорах Брежнева с американским президентом Р.Никсоном обсуждалась возможность объединения Германии. Брежнев заявил по-русски, а Виктор Иванович перевел на английский примерно следующее: «Для объединения Германии Запад должен прежде всего **свернуть** там свои позиции, а именно: вывести свои войска из Западного Берлина и вообще сократить там свое влияние». А поскольку соответствующий английский глагол⁵ означает и *свернуть* и *свертывать*, Никсон спросил присутствовавшего на переговорах министра ино-

⁵ В своем рассказе Виктор Иванович не уточнил, каким именно английским глаголом или выражением перевел он русское *свернуть*, употребленное нашим лидером в переносном смысле, – *to decrease, to clear off, to remove* и др., – но суть от этого не меняется, поскольку английские глаголы не имеют категории вида и, следовательно, являются, как мы говорим об аналогичных русских глаголах, двувидовыми.

странных дел СССР А.А.Громыко, хорошо владевшего английским, точен ли перевод? И после того, как переводчик, почувствовавший решительный момент, повторил свой перевод с описательным уточнением, что речь идет о процессе *свертывать*, а не о его завершении, Громыко подтвердил точность предлагаемой формулировки. Американский президент, по словам Виктора Ивановича, был, по-видимому, удовлетворен, и переговоры были продолжены.

Не остается безучастной к выразительному потенциалу вида и обиходно-разговорная речь. Вполне осознанно говорящие выбирают тот или другой вид с различными семантическими или модальными оттенками, соответствующими цели высказывания, ситуации и другим условиям. Примеры:

- В соседней комнате, где играют дети, кто-то чихнул. На пороге появляется мать: – *Это кто тут чихает?* – Обобщает она с помощью глагола НВ единичный факт, готовая немедленно объявить войну простуде.

- Наталья Гундарева (в телефильме о ней, ОРТ, 28.08.03): *Я знаю, что второй жизни у меня не будет. Но когда я думаю об этом, мне не хочется горюниться.* Свободно и непринужденно артистка, которой, кстати, так удавались образы простых русских женщин, употребляет просторечный глагол НВ *горюниться*, поскольку по смыслу и конструктивно не вписываются в данное высказывание нормативные глаголы СВ *пригорюниться*, *загорюниться*, означающие начало состояния.

Восприятие и употребление видовых форм станут еще более осознанными и эффективными, если будут базироваться на хотя бы общих представлениях о содержании категории вида. Ниже речь пойдет о семантике русского глагольного вида, а также о том, как выразительные возможности вида использовали русские писатели-классики. Однако всю семантическую палитру вида показать в одной статье невозможно, поэтому ограничимся главным и самым общим свойством видов – изображать действие в статике (НВ) и в динамике (СВ) – и некоторыми его оттенками. Прекрасной иллюстрацией этого свойства служат знакомые всем с детства строки из сказки А.С.Пушкина:

*В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.*

Рассказчик вместе со слушателем (читателем) как бы перемещаются синхронно с тучей и бочкой во времени, и им остается только созерцать неизменную картину и вникать в нее. Это впечатление создают формы НВ. Глаголы же СВ оживляют картину:

И послушалась волна:

Тут же на берег она

Бочку вынесла легонько

И отхлынула тихонько.

В научной русской грамматике не раз отмечалась способность видов выражать действие в статике и динамике, но... только при наличии в предложении ряда глаголов одного вида (как в приведенных строках). Тогда как в общей характеристике несовершенного вида, демонстрируемой глаголами вне контекста, обычно указывается, что он называет действие развивающееся, в развитии и т. п. Но развитие – это и есть динамика! Казалось бы, данное противоречие нетрудно снять признанием того, что способность изображать явления в динамике или статике заложена соответственно в совершенном и несовершенном видах как таковых и что реализуется эта способность отнюдь не только в контексте в ряду других глаголов. Так, *Пошел дождь* рисует более динамичную картину, чем *Идет дождь*. Дело, однако, в том, что такому признанию препятствует традиционное представление об общей семантике вида: несовершенный вид обозначает действие в его процессе, совершенный вид – окончание процесса. (Видимо, устойчивости этого представления способствуют и сами привычные термины – несовершенный и совершенный виды). Естественно, при таком понимании динамику (или развитие) можно усмотреть только в процессе действия, а не после его окончания. Но, к сожалению, факты говорят о поверхностности такого подхода: далеко не все русские глаголы называют действия, связанные с видимым изменением материального мира, типа *рубить, писать, шагать, светать* и т.д. Если подобные действия и можно рассматривать как развивающиеся процессы, то большая часть русских глаголов, относящихся к разным семантическим группам, называет такие явления, которые к развивающимся процессам при самом сильном воображении не отнесешь: *лежать, стоять, верить, видеть, располагаться, соответствовать, белеть, молчать* и т.д. Нельзя, например, *все сильнее и сильнее молчать*. С другой стороны, совершенный вид вовсе не обязательно

означает окончание действия, ср.: *побежать, сверкнуть, зачитаться* и т.п. Таким образом, соотношение «процесс – завершение процесса» может быть принято лишь в ранге частного значения видов; противопоставление же статики и динамики охватывает все русские глаголы без исключения, следовательно, является наиболее общей семантической характеристикой глагольных видов.

В чем заключается глубинный смысл изображения действительности то в статике, то в динамике? Суть русского глагольного вида весьма зримо и крупно, как через микроскоп, показана... в американской фантастической кинокомедии «День сурка». Теле-репортер Фил приехал в маленький городок Пенсильвании, чтобы снять репортаж об этом традиционном празднике. Но случилось невероятное! Праздничный день 2 февраля – со всеми своими событиями и во всех деталях – на завтра вдруг повторился для Фила! А потом опять и опять... и вот уже превратился в какую-то дьявольскую круговерть! Календарь застрял, как на заигранной патефонной пластинке, на одной дате, и время остановилось для Фила. В русскоязычном сознании глаголы несовершенного вида тоже останавливают время, как оно остановилось для героя этой кино-сказки, – хотя и не так надолго. Вернее сказать, с помощью глагола несовершенного вида русскоязычный говорящий включается в поток времени, движется вместе с ним – и перестает его ощущать. Но тем самым субъект речи, так же как и ее адресат, включается в действие, называемое глаголом НВ, и, таким образом, получает возможность пристальнее взглянуть в него. Заложенное в подсознании носителя языка стремление глубже постичь суть явления (действия, состояния, события и проч.) и есть основной смысл и цель несовершенного вида.

Провидение, остановившее по воле авторов фильма время для Фила, тоже ведет его к этой цели. Отчаявшись вырваться из заколдованного круга, вынужденный бесконечно наблюдать окружающую жизнь в одном и том же дне, Фил незаметно для себя проникается сочувствием к незнакомым людям, желанием им помочь, предотвратить удары, уготованные им в этот день судьбой. Он разглядел наконец-то в простой и доброй девушке Рите – коллеге по съемочной группе – прекрасного товарища и обаятельную женщину – и глубоко влюбился в нее. Наконец, в этот нескончаемый праздник он узнал самого себя! Одним словом, Филу дове-

лось познать то, мимо чего мы в житейской суете часто проходим не задерживаясь. Что же дальше?

Дальше для Фила ничего нет. Естественная череда событий, которая в русском языке передается обычно глаголами СВ: *родился..., выучился..., женился...*, – для Фила заказана. Он обещает Рите много детей, а в глазах его – невыразимая печаль: откуда же возьмутся дети, если сегодня не кончается! У этой сказки, как и полагается, счастливый конец. Любовь поставила Время на место. Фил просыпается в своем номере уже не один, а рядом с Ритой... Выглядывает в окно и видит: свежий снег все побелил кругом. Ура! Календарь *тронутся!* Наступило Завтра!

Смысл этого фильма нам видится в том, что человеку вообще, независимо от национальности, свойственно двойное восприятие времени. Если человек не видит вокруг никаких изменений, не фиксирует никаких событий (как узник в темнице) или сосредоточивается на каком-то одном явлении, то время в его сознании замедляется. И наоборот, человек способен ускорять в своем ощущении бег времени, без которого нет ни перемен, ни новизны, ни свершений. Так ускоряется время для путешественника, испытывающего вереницу впечатлений от перемещений. В литературе это мироощущение отразилось во множестве образов и размышлений (два примера из которых вынесены в эпиграф настоящей статьи). Именно это антагонистическое мироощущение и укоренилось в русскоязычном сознании в категории глагольного вида (впрочем, как и в некоторых других славянских языках).

Но мы не случайно называем фильм «День сурка» сказкой, потому что у него, как и у всякой сказки, есть, кроме смысла, мораль. Дело вот в чем. Теоретики аспектологии (учения о глагольных видах) много рассуждают о том, что русские виды неравноправны, что СВ более определен, более конкретен, чем НВ. Один из зарубежных славистов Х. Галтон утверждал, например, что СВ отражает восприятие нормального, естественного течения времени, а НВ – фиктивную остановку, искусственную задержку времени [Galton 1962: 118]. Примерно в том же духе, но задолго до Галтона, толковал видовое противопоставление замечательный русский языковед XIX века, оригинальный интерпретатор русской грамматики, Александр Афанасьевич Потебня, – по поводу «замены» глаголов СВ глаголами НВ в древнерусских былинах. Его

пример: «*Приезжал он ко городу да ко Киеву, Становил коня да среди двора, Становил он да не привязывал, Никому держать не приказывал...*». Потебня связывал такую замену глаголов с «медленностью течения мысли» народного певца, по сравнению с «большой быстротой мысли» современного образованного повествователя, который употребил бы глаголы СВ [Потебня 1977: 44,48]. Думается, подобные рассуждения, может быть невольно, неоправданно принижают роль НВ в русском языке. Так вот фильм говорит об ином: для человека о д и н а к о в о в а ж н ы и н е о б х о д и м ы и остановка и движение. Эти состояния в жизни сменяют друг друга, вытекают одно из другого. По отдельности же и покой, и движение – суть антиподы разумной жизни, поскольку движение без остановки само превращается в застой. Даже конкретное динамичное событие, зациклившись в своем многократном повторении, становится для человека рутинным, притупляющим его сознание и восприятие действительности. Х. Танер в очерке «Наш мост» рассказывает, как иностранные туристы трепетно-восторженно пересекали – на пароме через Босфор – границу между Европой и Азией. А он, сорок лет дважды в день менявший эти части света, впал в глубокие размышления по поводу данного события только тогда, когда на мосту через пролив сломалась его машина и он вынужден был несколько минут лицезреть с моста водное пространство Босфора⁶.

Не только гениальный Пушкин, но и другие русские писатели-классики тонко чувствовали дух русской речи и использовали, в частности, противопоставление видов в художественных целях. В сказке П.П. Ершова «Конек-горбунок» с помощью глагольных видов разоблачается мнимое превосходство энергичных и деловых братьев над медлительными и ленивым Иваном. Как, например, отправлялся сторожить пшеничное поле старший брат Данило?

*Вот как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.*

⁶ Танер Х. Избранное. Новеллы и публицистика / пер. с тур. М.: Наука, 1984. С. 234-235.

Такую же ответственность и энергию, и тоже через глаголы СВ, показывает и Гаврило:

***Стало** съзнава смеркаться;
Средний брат **пошел** собирать,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.*

Настала очередь Ивана; а для него у сказочника припасены глаголы НВ:

*Тут Иван с печи **слезает**,
Малахай свой **надевает**,
Хлеб за пазуху **кладет**,
Караул **держат** **идет**.*

Но, как мы знаем, ленивая неторопливость Ивана на самом деле была обстоятельностью и непоказной ответственностью, которые и привели в дальнейшем к бурным событиям, окончившимся тем, что Иван-дурак **стал** царем, да еще и **женился** на прекрасной царь-девице.

А если вы транжирите время просто так, от лени, то рискуете отстать от жизни и многое проворонить в ней, как это случилось с Сережей из детского стихотворения Д.Хармса «Иван Иванович самовар». Здесь об этом поведали нам те же глагольные виды:

*Утром рано **подошел**,
К самовару **подошел**,
Дядя Петя **подошел**...*

За ним

*К самовару **подошла** тетя Катя,*

потом

*девчонка **прибежала**,*

даже

*Дедушка **пришел**,
Очень старенький **пришел**.*

– Всех угостил чаем самовар.

*Вдруг Сережа **приходил**,
Неумытый **приходил**,
Всех он позже **приходил**...*

Но... чай кончился: не любил Иван Иванович лодырей.

В связи со сказанным выше, в приведенных строках Д.Хармса обращает на себя внимание последняя глагольная форма НВ прошедшего времени – *приходил*. Внешне она аналогична тем былинным глаголам, о которых говорил Потебня: НВ выступает здесь в нетипичном для него значении – конкретно-фактического завершённого (краткого) действия (*приходил* – т.е. *пришел*, как *приезжал он ко городу* – значит *приехал*). Бесспорно также, что в обоих случаях (относящихся, кстати, и к разным родам словесного творчества, и к очень далекому друг от друга историческим эпохам) глаголы нарочито замедленно изображают действие. Вместе с тем очевидно, что смысл этой неторопливости в рассматриваемых случаях противоположный: в былинах через нее передается важность, значительность, основательность происходящего; в стихотворении же Хармса, как уже отмечалось, она имеет негативную окраску. Надо сказать, что указанное специфическое употребление глаголов НВ, причем с разным семантическим наполнением, вовсе не было чуждо современникам Потебни, вопреки его представлениям. Такие формы не редкость, например, в сказках того же Пушкина. Так, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» братья с подобающей церемониальностью *«Усадили (царевну) в уголок, Подносили пирожок, Рюмку полную наливали, На подносе подавали»*. Классики XX столетия (а к ним несомненно относится и Д.Хармс) тоже не забывали об арсенале выразительных свойств данной формы НВ. Вот как с ее помощью живописуется в «Мухе-цокотухе» К.Чуковского общеизвестное торопливое проворство (а отнюдь не медлительность!) «персонажей», легко узнаваемых через это свойство: (на именины) *Тараканы прибежали, Все стаканы выпивали...* Совсем иную тональность и иной смысл имеют эти глагольные формы в знаменитых стихах М.Исаковского:

*Расцветали яблони и груши;
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.*

Выходила, песню заводила...

Настолько величавыми делают выделенные глаголы образ русской женщины с ее песней и родного весеннего раздолья, что у вьедливого филолога рука не поднимается заменить их – даже ра-

ди научного эксперимента – однокоренными формами СВ. Не смотря на то, что обычно именно совершенным видом передается конкретное единичное действие – *вышла и запела*.

И наконец – один пример блестящего обыгрывания глаголов СВ фазовой семантики в прозе. И.А.Гончаров, «Обрыв»: (Райский) *...редко полгода выживал в Петербурге с тех пор, как **оставил** службу.*

*А **оставил** он ее давно, как только **вступил**. Поглядевши вокруг себя, он вывел свое оригинальное заключение, что служба не есть сама цель, а только средство куда-нибудь девать кучу люда, которому без нее незачем бы родиться на свет.* То есть Райский не может сказать про себя по существу, а не формально, что он *служил* или хотя бы *послужил, прослужил* какое-то время, – настолько пустым и никчемным оказался в его ощущениях этот промежуток между **вступил** и **оставил**.

О семантическом богатстве русского глагольного вида написаны сотни книг, статей и диссертаций – в нашем отечестве и за его пределами. Целью же настоящих заметок было показать, как иногда из-за скучного понятия «грамматическая категория» выглянут вдруг в истинном свете наши устремления и поступки, помыслы и оценки, наше восприятие этого огромного, непрерывно изменяющегося мира.

РУССКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Грамматисты, исследующие вид русского глагола, не часто апеллируют к сознанию говорящего. Поэтому встречающиеся в литературе общие оценки фактора осознанности говорящим употребления видов не кажутся вполне обоснованными. Так, в одном из вузовских учебников сообщается: «Выбор видовой формы определяется, во-первых, реальной ситуацией, во-вторых, некоторыми языковыми и речевыми факторами, в-третьих, точкой зрения говорящего на действие». И далее: «Наконец, иногда... говорящий получает право на выбор одной из двух видовых форм глагола. Например, вместо *Я уже прочитал эту книгу* можно сказать *Я уже читал эту книгу...*» [Современный 1982: 220]. Распространение в последние годы когнитивного подхода к языку тоже не привело к расширению лингвистами «полномочий» субъекта речи в использовании видов: они продолжают говорить о «пониженной осознаваемости», «пониженной интенциональности» и т.п. видов, см., напр.: [Петрухина 2000: 46].

Итак, говорящему отводится обычно третьестепенная роль в выборе вида после двух факторов: 1) отражения видами природных (онтологических) свойств действий, 2) контекстного окружения. Оба этих условия, как и их приоритетность, отнюдь не представляются ясными и убедительными, поэтому остановимся на них.

Способность видов выражать реально существующие различия у действий (типа длительность / краткость, протекание процесса / его прекращение, например *звонит звонок / прозвенел звонок*), признается многими лингвистами [Бондарко 1971: 42; Ломов 1977: 17; Шведова 1984: 8,110 и др.]. Опровергнуть это принципиальное свойство видов вряд ли возможно, поскольку оно базируется на объективно существующих в материальном мире движении и покое, прерывистости и непрерывности изменения. По мнению В.В.Бородич, противопоставление глаголов действия и глаголов состояния лежало уже в основе зарождения видов в индоевропейском языке [Бородич 1958: 104], что, по существу, также озна-

чает изначальную мотивированность видов. Но вопрос, по-моему, должен ставиться иначе: можно ли в природной характеристике действий обнаружить категориальную сущность современных глагольных видов? История русской аспектологии уже дала отрицательный ответ: все попытки найти универсальное семантическое противопоставление видов в реальных различиях действий – краткости/длительности, однократности/многократности, результативности/нерезультативности и др. – нельзя признать состоявшимися. Искусственным выглядит и деление всех русских глагольных основ по характеру обозначаемого действия на предельные и непредельные, в котором ряд современных авторов усматривает базу видового противопоставления, см., напр.: [Русская 1980: 583-584]¹. Дело в том, что если и была денотатная база при зарождении видов, что вполне вероятно, то в процессе многовекового формирования и развития данной категории эта база оказалась переработанной языковым сознанием в совершенно новый грамматический продукт, причем различный в разных языках, например в славянских против западноевропейских.

В современном русском языке совершенный и несовершенный виды (далее СВ и НВ) представляют действие в двух аспектах. По самому общему (инвариантному) значению эти аспекты можно определить как: **э к з и с т е н ц и о н а л ь н ы й** – для несовершенного вида и **д и а л е к т и ч е с к и й** – для совершенного вида². Экзистенциальный аспект – это представление действия в его существовании, статически; диалектический аспект представляет действие как компонент динамической ситуации. Это, например, действие, переходящее в некоторое состояние (*приплыл* → куда) или, наоборот, состояние, переходящее в действие (*откуда* → *поплыл*), см. подробнее: [Карпухин 2002: 65-69]. В принципе любое действие, независимо от его реального характера, может быть воспринято и обозначено говорящим и в том, и в другом ас-

¹ Ср., однако: «Никакое явление действительности, обозначенное в языке как действие, не несет в себе никаких объективных указаний на свою ограниченность или неограниченность пределом» [Степанов 1976].

² Термин **э к з и с т е н ц и о н а л ь н ы й** используется в значении ‘характеризующийся признаком **э к з и с т е н ц и я** (существование); **д и а л е к т и ч е с к и й** – основанный на **д и а л е к т и к е** (в значении ‘развитие’).

пекте. Например, мгновенное действие – несовершенным видом: *В семь часов в доме неожиданно **гаснет** свет*; длительное действие – совершенным видом: *Эти горы **сформировались** в течение ледникового периода*.

Природное (онтологическое) содержание видов обычно демонстрируется текстами, в которых замена одного вида на противоположный ведет к изменению (или к разрушению) смысла. Но подобные эксперименты фактически свидетельствуют только о связи видов с данным текстом, а не с реальными ситуациями. Рассмотрим пример, которым Л.Н.Шведова иллюстрирует «отражательную функцию» видов: *«Я вспомнил о нем, когда **возвращался** домой. – Я вспомнил о нем, когда **возвратился** домой»*. Автор полагает, что противоположные виды называют здесь разные «объективные ситуации» и потому не конкурентны [Шведова 1984: 7-8]. Не приходится сомневаться в том, что глаголы *возвращался / возвратился* именно в этих предложениях передают разный смысл: процесс / состояние, наступившее по окончании процесса как его следствие. Однако объективные ситуации здесь ни при чем: говорящий волен обозначить каждую из них соответственно противоположными видами: *Я вспомнил о нем, когда уже **был** (НВ) дома. – Я вспомнил о нем, когда уже **пошел** (СВ) домой*. Сами же глаголы *возвращаться / возвратиться* тоже не обязательно связаны с природной характеристикой действия. Так, в тексте иной структуры НВ может выражать не процесс, а состояние, наступившее после каждого акта множественного действия: *Солдаты **возвращались** в родное село неизвестными*. Таким образом, реальная характеристика действия лишь факультативно связана с видом, выбор которого означает, в конечном счете, выбор говорящим аспекта изображения действительности – экзистенционального или диалектического.

Сложнее обстоит вопрос о соотношении таких факторов употребления видов, как структура текста и интенции субъекта речи. С одной стороны, действительно, существует большое количество разнообразных синтаксических конструкций (уже широко известных русистам), в которых вид глагола говорящий использует как бы автоматически: он «предусмотрен» выбранной конструкцией. Например, русский не скажет: *Я не хочу **поработать*** или *Давай **играем*** (вместо *давай **сыграем***). Определенные предпочтения по выбору вида свойственны также некоторым типам

текста (например, повествовательному и описательному) – опять же как бы помимо воли субъекта речи. Но, с другой стороны, можно ли в принципе оценить этот факт количественно, противопоставив конструкции со связанным употреблением видов якобы менее частотным – свободным конструкциям? Разумеется, нет. В русском языке взаимодействие вида с контекстом весьма многообразно и степень предпочтительности того или иного вида проявляется в предельно широком диапазоне: от жесткой избирательности вида до так называемой конкуренции видов. Здесь участвуют самые разные компоненты контекста (а не только непосредственные распространители глагола) на разных структурных уровнях: синтаксическом, морфологическом, лексическом и др. Так, если наречие *никогда* сочетается, как правило, только с глаголами СВ в форме прошедшего времени (*Ты мне никогда не купил шоколадку* – неправильно), то синонимическое выражение *ни разу* в аналогичной конструкции к виду безразлично: *ни разу не покупал.../ не купил...* Но СВ вполне нормально «выглядит» в будущем времени: *Ты никогда не купишь машину*. Как видим, в сочетаниях с *никогда* вид обусловлен одновременно синтаксически, морфологически и лексически. Кроме того, в использовании видов определенную роль играют и некоторые просодические элементы, например логическое ударение [Карпухин 2010: 66-70]. Одним словом, весь этот «клубок» контекстных условий употребления видов делает объективно невозможным разграничение случаев, где вид «предусмотрен» конструкцией и где он «не предусмотрен», а тем более их количественный учет.

Но все это – не главное. Рассмотрим следующее предложение из рассказа И.С.Соколова-Микитова «Дороги»: *«Проезжаем пруд, полуразвалившийся мост, каменные службы, выкрашенные облупившейся палевой краской, выезжаем в луга»*. На первый взгляд, нет структурных препятствий для употребления здесь вместо СВ *выкрашенные* – НВ: *...службы, крашенные... палевой краской...* Хотя различие понятно: причастие СВ более решительно фокусирует внимание на постситуации (результате); тогда как причастие НВ, кроме значения постситуации, в большей степени сохраняет значение предшествующего процесса. Но процесс, в свою очередь, несовместим с определением *облупившейся* к дополнению *краской*, которое грамматически не связано с причастием *выкрашенные*, но подчеркивает разрыв между процессом

(*красить*) и постситуацией во времени, то есть участвует в формировании видовой семантики. И совсем уж нереально – и по той же причине – звучало бы предложение с синонимической заменой причастного оборота придаточным определительным с глаголом СВ: ...*службы, которые **выкрасили** облупившейся краской...*, поскольку глагол СВ фиксирует сам переход процесса в постситуацию, то есть не предполагает разрыва между ними, а определение при этом повисает в воздухе. Сочетание же с этим определением глагола НВ, называющего только процесс, – просто абсурдно: ... *службы, которые рабочие **красили** облупившейся краской...* Вместе с тем наивно было бы полагать, что на выбор СВ причастия *выкрашенные* автоматически повлиял признак *облупившейся*, с которого и началось (?) восприятие рассказчиком упомянутых им строений.

Еще более глубоко взаимодействует вид с контекстом при реализации внутривидовых оттенков. Ср.: *Внук читает письмо – Внук хорошо читает*. В первом варианте НВ называет конкретный процесс, во втором – умение. Уже для этого минимального контекста невозможно однозначно решить, что от чего зависит: видовые оттенки порождаются окружением или текст разворачивается вокруг глагола для реализации намерения говорящего выразить соответствующий видовременной оттенок. Возьмем пример посложнее – из реальной речевой практики. В одной газете в телепрограмме было напечатано: «*Тихий Дон. Читает компьютер*». А сама передача называлась: «*Компьютер читает «Тихий Дон»!*» Различие в следующем. В первом, парцеллированном варианте глагол характеризует *п р о и з в е д е н и е* с точки зрения исполнения, творческой интерпретации, так же, как, например: «...*читает М.Ульянов*». Авторская же версия направляет внимание слушающего на характеристику глаголом *к о м п ь ю т е р а* – с точки зрения его возможностей. (Речь в передаче шла о текстологическом исследовании «Тихого Дона» с помощью ЭВМ норвежским ученым, в результате которого было подтверждено авторство М.А.Шолохова). Подобных семантических видовременных оттенков, которые подчас улавливаются слушателем (читателем) лишь при очень внимательном восприятии высказывания (а иной раз выявляются только анализом) в речи возникает множество. Они реализуются бесконечным разнообразием комбинаций компонентов текста, которые (комбинации) уже по определению, то есть в

силу их необозримости и невоспроизводимости, не могут быть описаны в качестве формализованных способов употребления видов. Невозможно, конечно, утверждать и противоположное – что текст всегда порождается видовыми интенциями говорящего (хотя бы потому, что существует конкуренция видов и безглагольные высказывания). Скорее всего, вопрос: текст зависит от вида или наоборот – так же некорректен, как и пресловутая загадка: что было раньше – курица или яйцо?

Тем не менее практика современной русской речи убеждает в том, что в случае необходимости, определяемой, помимо коммуникативного задания, общим дискурсом, говорящие не только осознанно употребляют виды глагола, но нередко используют их и как выразительное средство. Осознанное употребление видов реализуется двумя способами: открытым противопоставлением однокоренных, а также разнокоренных глаголов противоположных видов в пределах одного контекста или скрытым выбором говорящим одного из видов. В обоих случаях говорящий актуализирует те семантические оттенки, которые базируются на одном из двух аспектов действия – экзистенциального или диалектического. Открытый способ:

– Алло! Тетя Вера? Я **приглашаю** вас на день рождения. – А Леша с Машей придут? – Я их тоже **пригласил**...

Форма 1-го лица НВ называет здесь действие, о с у щ е с т в л я ю щ е е с я самим высказыванием (перформативное значение) – это наиболее яркое представление экзистенциального аспекта. Глагол СВ сообщает о состоявшемся переходе к новому состоянию – «быть приглашенным».

Следующий пример – фрагмент из «Идиота» Ф.М.Достоевского: «*Два года назад.., хлопоча о чрезвычайно важных для меня делах.., взял билет, в первый класс: вошел, сижу, курю. То есть **продолжаю курить**, я **закурил** раньше*». Как известно, для героев этого писателя характерно углубленное самоощущение, чему в данном случае способствует НВ, з а д е р ж и в а ю щ и й в н и м а н и е на одной из фаз действия (*продолжаю курить*), которая противопоставлена моменту в о з н и к н о в е н и я этого действия (*закурил*).

Афоризм, прозвучавший однажды в интервью бывшего министра иностранных дел Е.Примакова (ОРТ, «Время», 11.03.96) «*Искусство дипломатии состоит в том, чтобы **говорить**, но не*

сказать», отражает давно сложившийся стереотип: дипломат предпочитает выжидать в положении статус-кво, завуалированном внешним проявлением деятельности (НВ – *говорить*), нежели предпринимать недостаточно обдуманнные шаги (СВ – *сказать*). Изречение основано на парадоксе: СВ с отрицанием нейтрализует содержание уже состоявшейся речи. То есть задача дипломата – **гов о рит ь н и о ч е м .**

Если для задуманного противопоставления нет соответствующего узуального глагола, говорящий создает его. Один из персонажей романа Сервантеса, обращаясь к Дон-Кихоту, говорит: «...*оставайтесь с богом вы, ваша милость, и все странствующие рыцари, чтобы с ними все так **рыцарствовали**, как они **порыцарствовали со мной***». (Перевод Н.Любимова. «Библиотека всемирной литературы», т.37). Вспомним: это горькое и едкое пожелание имеет в виду один из «подвигов» Дон-Кихота, который, защищая персонажа от притеснений хозяина, лишь усугубил его положение. Иначе говоря, персонаж хотел сказать: «чтобы с ними (а говоря прямо – *с вами!*) все так поступали, как они (то есть *вы!*) поступили со мной». Глагол СВ *порыцарствовать* произведен от НВ – *рыцарствовать* и означает переход действия (заступничества Дон-Кихота) к состоянию (побоев хозяина), которое, кстати, говорящий (персонаж) испытывает буквально «на своей шкуре». При этом под влиянием нового (точнее – потенциального) глагола переосмысливается путем редеривации и исходный глагол НВ: он называет уже не род занятия («быть рыцарем»), а желаемое **с у щ е с т в о в а н и е** многократного дистрибутивного действия – с соответствующими последствиями после каждого акта.

Видовое противопоставление говорящий строит соотношением не только родственных (а также супплетивных) глаголов, но и неродственных, в частности сталкивая их в ряду однородных сказуемых. Например: «*В предстоящем году полеводы призваны существенно **повысить** эффективность своего труда, полнее **обеспечивать** спрос населения на продовольствие*» («Правда», 22.12.87). СВ глагола *повысить* фиксирует (в плане будущего) достижение запланированного и ощутимого результата, в отличие от неопределенной результативности глагола НВ – *повышать*. Тогда как НВ глагола *обеспечивать*, напротив, актуализирует свои типичные оттенки – длительное, систематически-непрерывное существование действия. Ср.: СВ *обеспечить*... – результат выражен

более отчетливо, чем у НВ, но – только разовый! Интересно, что синонимичный глагол того же вида *накормить* отмечен был недавно в аналогичном контексте, но иного – ораторского – стиля: «*Мы возьмем власть и **накормим** народ!*» Рассчитанный на массового слушателя (а не вдумчивого читателя), глагол СВ здесь бесспорно выразительнее несовершенного вида, тем более что НВ *будем кормить* в данный текст не совсем вписывается по смыслу.

Скрытый способ выбора вида – это обычный элемент механизма формирования мысли и реализации коммуникативного замысла – так же, как и выбор того, а не другого синонима вообще. И отрицать или недооценивать в этом механизме роль сознания говорящего – значит отдавать дань мистике. Возьмем еще одну рядовую газетную фразу: «*Сегодня наука **стала** одной из движущих сил обновления жизни общества*» («Труд», 8.11.87). Почему *стала*, а не *становится*? Понятно, что СВ фиксирует состоявшийся (в этом случае) переход процесса «становиться» к сохраняющемуся состоянию «быть чем-либо». Но этот переход – отнюдь не объективный факт: он никогда не был реально зафиксирован во времени. С каких пор «стала»? Что значит «сегодня»? На прошлой неделе? Два года назад? С другой стороны, наука, в принципе, всегда способствовала прогрессу. Следовательно, СВ *стала* в приведенном высказывании выражает субъективную (или идеологически ангажированную) оценку ситуации.

Надо сказать, что русскоязычному сознанию вообще свойственно творческое манипулирование глагольными видами в разных типах языкового общения, особенно в импровизированной речи. Это проявляется в ломке привычных, узуальных связей в предложении, в порождении окказиональных видовых образований и прочие отклонения от нормы в построении глагольной конструкции, – для выражения самых разнообразных оттенков. В том числе – модальных, требующих или открытого противопоставления видов или обыгрывания одного из них. Это наблюдается, например, в выступлениях творческих личностей на телевидении:

«*И вот я в Москве, **поступаю** во ВГИК... **Поступаю**. Учусь на режиссерском отделении...*» (из телепередачи). Здесь противопоставлены оттенки одной и той же формы глагола НВ в значении настоящего исторического времени: в первом случае – процессность, во втором – результативность.

На видовой семантике часто строится парадокс – один из характерных приемов публицистической речи. Статья академика В.Е.Фортова об «утечки мозгов» из России озаглавлена: «*У нас остались те, кто уехал*». Заголовок выражает общий смысл статьи: поскольку уехали за границу те, кто составлял в России лучшие научные кадры и кто способен был развивать отечественную науку, то с ними необходимо поддерживать научные связи. Парадокс основан на семантике СВ: постситуация *наличия (остались)* определяется через постситуацию *отсутствия (уехал)*.

Особенно охотно «играют» глагольными видами журналисты, которые эмоционально выражая от имени СМИ свое отношение к предмету разговора (часто с иронично-ернической окраской), стремятся привлечь тем самым внимание читателя или зрителя. Например:

- *Будущее действительно наступило как-то разом и стало врасплох.* («Эксперт», 2002, № 31).

- *А вот в Астрахани и Липецке выборы уже не состоялись.* («Самарская газета», 12.03.94).

- *Деньги начинают кончатся или кончают начинаться.* («Русское радио», 3. 09.02).

В импровизированной речи нередко возникает аномальное употребление или образование видов, не предусмотренные намерением говорящего, но отмечаемые русскоязычным слухом адресата речи. Подобные «нестыковки» способен отметить и оценить на интуитивном уровне любой русский с достаточно развитым языковым чутьем и вкусом. Поэтому данное явление также нельзя исключать из общей интенциональности употребления видов в родной русской речи.

Одна учительница в своем выступлении на педсовете сказала: «*Где элементарная вежливость детей? Нет ее, улетучилась! И продолжает улетучиваться!*». Конечно, в нормированной речи конструкции типа *Яблоки покраснели и продолжают краснеть* вряд ли возможны, поскольку СВ, фиксируя в них степень изменения состояния в данный момент, а не окончание процесса изменения, имплицитно включает и продолжение этого процесса. Но кто осудит учительницу за эту речевую погрешность, с помощью которой ей удалось выразить тревогу за неуправляемый процесс падения нравов! Тем более можно понять озабоченность фермера,

неискушенного в публичной речи, за положение колхозов при рыночных отношениях, выраженную просторечным глаголом НВ: *Хозяйства стали не **смогут** платить за электроэнергию, за корма...* (ЦТ, программа «Воскресение», 18.06.95). А вот бывший московский мэр, опытный оратор Ю.Лужков, попавшись в грамматическую «ловушку» и запнувшись на середине фразы перед глаголом, принужден был пожертвовать правильным видом во имя завершения уже зазвучавшей информации: *Мы **вынуждены** были **десять лет... законсервировать** эту стройку...* (Из речи на открытии станции метро «Трубная» в Москве. РТР, «Вести», 30.08.07). обстоятельство *десять лет* сочетается только с глаголом НВ, означающим протекание процесса или состояние в его длительности; тогда как НВ *консервировать* не подходит к контексту по смыслу. Еще аналогичный пример в *ы н у ж д е н н о* нарушения нормы употребления видов: Тренер победившей баскетбольной команды в интервью, начав фразу: *Не хочу **сгла...***», запнулся на полуслове, поскольку, собираясь употребить привычную конструкцию с несовершенным видом, «наткнулся» на омонимичный глагол «*сглаживать*» (от *сгладит*) и вынужден был перестроиться на совершенный вид: *Не хочу **сглазить**, но ребята играли хорошо.*

Еще несколько примеров импровизированных высказываний, на глагольных сочетаниях которых «спотыкается» русскоязычный слух, – без комментариев:

- *Однажды в поселковый магазин не завезли хлеб.*
- *Сначала нам пришлось ограничить подачу воды в город, а потом частично прекратить ее.*
- *Дочери задают по 150 задач по алгебре и физике на неделю. Я все время ей подрешиваю.*
- *На протяжении нескольких недель обида прошла.*
- *Иск не вполне правомерен, поскольку срок его давности частично уже истек.*
- *Я тебя сдам в полицию, и ты навсегда будешь пропадать в тюрьме.*
- *Мы готовы сотрудничать со всеми заинтересующимися сторонами.*

У мастеров художественного слова глагольный вид с его богатой семантикой тоже не мог остаться невостребованным в каче-

стве выразительного средства. Так, у А.С.Пушкина виды абсолют-но натурально выражают чередование и взаимообусловленность статики и динамики – состояния и действия, остановки и движе-ния, покоя и события. Такое живописание особенно характерно для лаконичной стихотворной речи поэм и сказок поэта.

*Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.*

Тут неотвратимое событие оборачивается столь же неизбеж-ной томительностью:

*Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи...*

А затянувшееся томление, будто накопившись, вдруг взры-вается еще более крутыми переменами:

*Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.*

Не только великий Пушкин, но и другие русские писатели-классики тонко чувствовали дух родной речи, очень разнообразно используя в художественных целях как открытое противопостав-ление видов, так и скрытый выбор каждого из них. Интересное душевное переживание персонажа изображает с помощью глаго-лов СВ и контекста И.С.Тургенев в повести «Месяц в деревне»:

[Наталья Петровна Беляеву:] – *Я полюбила вас с первого дня вашего приезда, но сама узнала об этом со вчерашнего дня.* Пер-сонаж делает для себя открытие, что чувство любви, которое она только что осознала в себе, возникло задолго до этого в ее подсо-знании – в связи с конкретным событием прошлого.

Герой кинокомедии «Не может быть» (по рассказу М.Зощенко) – жених на собственной свадьбе (артист – Л.Куравлев). Заподозрив коварный обман с подменой невесты, он

нервно восклицает: – *Уберите от меня психическую, а то же-ниться перестану!* Метонимический перенос глагола СВ *жениться* ‘зафиксировать бракосочетание’ (о женихе) на глагол НВ *жениться* ‘участвовать в качестве жениха в свадьбе’ выразительно говорит о том, что жениху в тот момент было не до изысканных литературных выражений.

В переводной литературе художественные достоинства тоже нередко передаются с участием русских глагольных видов. Вот, например юмористическая сценка с обыгрыванием глагола СВ *умереть* из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч.Диккенса³ (пер. А.В.Кривцовой и Е.Ланна):

На охоте один из сочленов Пиквикского клуба случайно ранил из ружья в руку другого сочлена – мистера Тапмена. Когда об этом узнала экзальтированная старая дева, равнодушная к последнему, то изобразила сцену потрясения, цинично развенчанную еще одним джентльменом – ее братом.

– *Это его голос!* – воскликнула незамужняя тетушка, причем обнаружились серьезные симптомы, предвещающие припадок номер третий.

– *Умоляю вас, не волнуйтесь, дорогая леди, – успокоительно заговорил мистер Тапмен. – Уверяю вас, я ранен очень легко.*

– *Так вы не умерли!* – восклицала истерическая леди. – *О, скажите, что вы не умерли!*

– *Не дури, Рейчел!* – вмешался мистер Уордль, проявляя некоторую грубость, не совсем уместную, если принять во внимание поэтичность этой сцены. – *Ну на какой черт ему говорить, что он не умер?*

Действительно, зачем отрицать то, что невозможно утверждать: ведь субъект речи не может сказать про себя *Я умер*, так как этот глагол СВ означает переход действия к постситуации – небытию говорящего. Тем не менее джентльмен спешит убедить леди, жертвую здравым смыслом:

– *Нет, нет, я не умер!* – заявил мистер Тапмен.

В заключение вернемся к вопросу о связанном употреблении видов. Чем жестче избирательность вида в различных конструкциях, тем более эти конструкции похожи на немотивированные знаки, каковые, как известно, составляют одно из фундаментальных свойств языка. Ср.: *привычка умываться* (только НВ); *Зачем за-*

³ Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М., 1957. С. 116-117.

крывать...? (только НВ); *Пошел было...* (только СВ). Однако существенно при этом то, что говорящие, для которых русский язык является родным, в отличие от иностранцев, и такие конструкции используют вполне сознательно – именно как нечто заданное традицией. Об этом свидетельствует, в частности, эпатажная ломка устойчивых по виду конструкций в жаргонах или просто экспрессивной речи: *перестань сказать; будем посмотреть; Он меня кончал совсем* и т.п.

Все изложенное выше не позволяет отнести категорию вида в современном русском языке на задворки языкового сознания; скорее, напротив, дает основание повторить вслед за классиком, что в глагольном виде заключается душа русского предложения.

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Современное состояние русской аспектологии, имеющей длительную историю, как это ни парадоксально, не способствует успешному преподаванию категории глагольного вида в школе – как в средней, так и высшей. Теоретические сведения, которые предлагаются учащимся и студентам-филологам, противоречат материалу, содержащемуся в практических упражнениях. Особенно часто «спотыкается» о языковые факты учение о видовой парности [Карпухин 1999: 108-114]. Дело в том, что объективные критерии разграничения видовой и лексической семантики просто отсутствуют. Еще никто, например, не доказал, что значение начала действия относится к лексическому (словообразовательному) типу, а значение конца действия – чисто видовое, грамматическое. Однако декларируется данное различие (не только в учебной, но и в научной литературе) достаточно широко – как аксиома. Между тем без сознательного усвоения сущности глагольного вида, важнейших проявлений его функционирования невозможно понять ни строй, ни самый дух русской речи.

Как известно, в центре аспектологической теории стоит проблема семантического инварианта категории вида. От ее решения во многом зависит изучение едва ли не всех других аспектологических вопросов, в том числе и о видовой соотносительности.

Уже стал традицией поиск общего значения видового противопоставления в характере самого действия. В XIX в. в центре внимания лингвистов были такие признаки действия, как кратность – не кратность, завершенность – незавершенность, степень длительности. С середины минувшего столетия до настоящего времени широким признанием в качестве основы видового инварианта пользуются понятия предела действия и целостности действия. Данный подход, объединяющий все указанные версии, можно назвать однокомпонентным, поскольку учитывается только действие, т.е. один из компонентов ситуации, обозначенной глаголом. Сегодня этот подход, кажется, исчерпал себя. Не случайно

возникла пессимистическая точка зрения об отсутствии у русских видов общего значения [Милославский 1987: 324-325]. Действительно, трудно, не насилуя сознание, согласиться с тем, что, например, действия, «открытые» с одной стороны, вроде *полететь* или *прилететь*, являются целостными. Нелегко отыскать предел у таких действий, как *зачитался*, *проехали* (границу), *остался* (дома), или у мгновенного действия типа *сверкнуть*. Недостаточность однокомпонентного подхода легко обнаруживается, если принять во внимание следующее обстоятельство. Почти все концепции, объясняющие вид на основе характеристики самого действия (кроме концепции кратности/некратности действия), исходят из предпосылки процессности всякого действия (типа *писать* – *написать*). Но для русского глагола признак процессности отнюдь не является универсальным.

Менее известен в русской грамматике другой принцип определения семантического инварианта вида – на основе учета не только самого действия, но и того, что за ним следует. Этот подход соответственно назовем двухкомпонентным. То, что обязательно следует за действием, – результат или, более широко, некоторое состояние, – неоднократно предлагалось включать в характеристику совершенного вида для противопоставления его несовершенному виду, см., например, [Гуревич 1994: 4]. Но пока такие предложения существенной поддержки не имеют.

В современной русской и славянской аспектологии часто обсуждается еще одно свойство видов – выражать действие в статике и динамике. Однако в русских грамматиках это свойство интерпретируется своеобразно. Динамичность связывается с совершенным видом, а статичность – с несовершенным только в плане функционирования видов и только при наличии в тексте цепочки глаголов одного вида [Русская 1980: 605-606]. В то же время указывается, что поодиночке глаголы несовершенного вида выражают действие в его развитии, действие развивающееся и т.п. [Современный 1871: 305; Современный 1982: 217]. Но развитие – это и есть динамика! Получается противоречие, которое устраняется, как будет показано ниже, при двухкомпонентном подходе.

Двухкомпонентный подход в принципе представляется более перспективным, чем традиционный, хотя ни результативность, ни «некоторое состояние», возникающее после действия, не обла-

дают достаточной абстрагирующей силой уже потому, что за бортом эти понятия оставляют то, что действию предшествует.

Далее предлагается еще одно решение проблемы семантического инварианта вида, основанное на двухкомпонентном подходе, но – в расширенном понимании. Суть его – в следующем. Глаголы совершенного вида обозначают действие, фиксируемое сознанием говорящего на векторе объективного времени для его (действия) сопряженности с ситуативным фоном. Несовершенный вид обозначает действие, не фиксируемое в объективном времени, следовательно – отвлеченно от ситуативного фона.

Объективное, или природное, время, противопоставляется грамматическому времени. Грамматическое время – категория дейктическая. Оно определяется моментом речи (или другим ориентиром) и оценивается в современном русском языке трехзначной шкалой (прошедшее, настоящее, будущее). Вся шкала перемещается в объективном времени относительно конкретного момента: то, что сегодня оценивается как настоящее, вчера было будущим, а завтра станет прошедшим. Объективное время оценивается по шкале «раньше чем» или «позже чем». И оценка эта неизменна. Если событие А случилось раньше, чем событие Б (например, Иван Грозный умер раньше Петра Первого), то это соотношение останется таким навсегда.

Объективное время человек воспринимает двояко: во-первых, «перемещаясь» вместе с ним из прошлого в будущее; во-вторых, «пропуская» его мимо себя, то есть как бы двигаясь обратно – из будущего в прошлое. Первое направление реализует несовершенный вид, второе – совершенный вид¹. Представим:

Туча по небу идет, / Бочка по морю плывет.

Автор-наблюдатель (а также читатель) как бы перемещается синхронно с тучей и бочкой из прошлого в будущее. В той же сказке другая картина:

Сын на ноги поднялся, / В дно головкой уперся, / Подняту-жился немножко...

¹ Данный образ, связанный с видовым противопоставлением, заимствован у польского лингвиста Э.Кошмидера, см. [Кошмидер 1962: 136-137.]

Действие за действие проходит мимо субъекта-рассказчика, обратившегося к прошлому, вспять времени, чтобы наблюдать в нем череду событий.

Двойное отношение действия к объективному времени, отраженное в русских видах, позволяет говорящему, в свою очередь, с разных сторон оценить роль действия в выражаемой мысли. Смысл фиксации действия во времени – когда субъект речи «пропускает» время мимо себя, отмечая на нем события в их последовательности, – заключается, как выше было сказано, в сопряженности действия с ситуативным фоном. А при отсутствии фиксации – когда субъект «движется» во времени вместе с событием-действием – внимание фокусируется на самом действии.

Совершенный вид фиксирует в объективном времени действие любой его точкой: начальной (*забегать*), конечной (*прийти*), внутренней (*зачитался*), начальной и конечной одновременно (*поспал*), – или целиком (*сказал*). И в любом случае фиксированное действие – уже не просто действие, а действие, переходящее в ситуацию, и/или наоборот: действие, в которое переходит ситуация; или, наконец, действие, целиком погруженное в ситуацию. Иначе говоря, двухкомпонентная структура совершенного вида, в отличие от несовершенного, обязательно динамична и подразумевает возможность оценки «раньше чем» или «позднее чем»: то, что предшествует точке фиксации, переходит в то, что следует за ней. Ситуация, сопряженная с глагольным действием, состоит из комплекса атрибутов (а не только из результата, как долгое время считалось), необходимых для представления какого-либо фрагмента действительности в развитии, в динамике. С каким атрибутом связано, например, начавшееся действие? Естественно, с предшествующим отсутствием данного действия. Причем это отсутствие вовсе не является формально-системным элементом. Это всегда некое другое – выраженное или имплицитное – действие или состояние, переходящее в действие, названное глаголом: *побежал* – значит до этого стоял, или шел, или в ином состоянии находился; *уснул* – это после бодрствования и т.д. Заканчиваться бесследно действие тоже не может. Не останавливаясь на тривиальных случаях, вроде результативности или изменения положения в пространстве (*упал*, например), отметим лишь, что даже так называемые финитивные глаголы, типа *отцвести*, *отвоеваться*, которые обычно истолковываются только как окончание действия, факти-

чески означают переход от одного состояния субъекта к другому: *отужинать* – от процесса насыщения к состоянию сытости; *Отговорила роща золотая* – от осени к зиме и т.д.

Наиболее типичной для совершенного вида является фиксация действия целиком. Такие действия бывают более или менее протяженными (*пожить, поплакать*), а также мгновенными (*хлопнуть*). Но основной удельный вес этой разновидности и в словаре, и в тексте составляют глаголы, в значении которых представление о длительности или краткости действия, а значит о процессности вообще, устранено. Весь смысл сосредоточен на трансформации посредством действия, названного глаголом, одного состояния в другое. Именно эта функция лексикализована в большом массиве высокочастотных русских глаголов: *открыть, закрыть, дать, взять, купить, получить, оказаться, случиться, превратиться, родиться, умереть, возникнуть, исчезнуть, появиться, расположиться, узнать, понять* и т.д. Характерно, что однокоренные глаголы несовершенного вида означают, как правило, действие повторяющееся или вообще множественное, но не процессное: *давать, покупать, случаться* и проч. Например: *По дороге нам встречались деревеньки; Новости люди узнавали по радио*. Впрочем, значение процессности у многих глаголов этой группы в тексте тоже не исключено. Например: *Долго располагались на ночлег; Тигры всюду исчезают*. Такие глаголы могут сочетаться с фазовыми глаголами: *Закончили располагаться на отдых; Тигры начали всюду исчезать*. Но чаще подобные сочетания невозможны или, по крайней мере, не узуальны; например, явно «не звучат» комбинации: *Долго случался пожар; Кончил получать орден; Начал открывать Америку; Кончил умирать* и т.д. Любопытно, как необычно воспринимается в русском буквальном переводе английский глагол *to hang* в известной формуле старого британского судопроизводства: «Повесить за шею до тех пор, пока не умрет». В русском языке глагол *повесить* означает трансформацию подразумеваемых состояний («бытие» на «небытие»), а не расположение объекта в пространстве и поэтому не сочетается с обстоятельством длительности *до тех пор*. Не менее показателен следующий пример обыгрывания в художественной речи – с целью создания иронии – глагола трансформации *начать*: *Знаменитая глава была уже почти начата, и была бы совсем начата, если бы не ветер* (Ч.Диккенс). Речь здесь идет о творческих мучениях пер-

сонажа, которому разные «непредвиденные» обстоятельства мешают приступить к написанию давно задуманной главы.

Особое место среди глаголов, означающих целиком фиксированное действие, занимают глаголы с модальным значением. Они тоже не совместимы с признаком процессности, но указывают не на трансформацию одного состояния в другое, а на оценку субъектом речи предшествующего действия, состояния, события и т.д. Например, в предложении *Сегодня, дорогие мои, я, кажется, заслужил вечернюю прогулку* глагол не означает, что субъект весь день заслуживал и, наконец, заслужил прогулку. Не вытекает из этого действия и некоторая обязательная ситуация: ведь субъект мог и отказаться от заслуженной прогулки. Глагол означает здесь разовый акт сознания, оценивающий предшествующее состояние, – иными словами, перед нами налицо переход от мотивирующего атрибута (предшествующему занятию, поведению и т.п.) к действию – его оценке. В таком же видовом значении употребляются глаголы *посчастливилось, поразился, удивился, согласился, простил, поверил* и др. У многих из подобных глаголов имеются соотносительные имперфектные формы несовершенного вида: *поражаться, удивляться, прощать* и т.д., безусловно относимые к так называемым парным глаголам. Но не один из них не способен выражать процессность. Нельзя, например, ни *начать*, ни *кончить прощать*. Если в подобных сочетаниях модальные глаголы и встречаются, то имеют другое значение: *Я уже перестал удивляться ему* – значит, изменил оценку его поведения или поступков, а не прекратил процесс удивления.

Итак, фиксация действия на векторе объективного времени, в сущности, означает двухкомпонентную структуру семантики совершенного вида: а) действие, названное глагольной основой, и б) сопряженную с ним ситуацию. Эта структура динамична: один из компонентов переходит в другой. При этом в постпозиции любой из компонентов обычно акцентируется: *запел* – акцент на действии; *покраснел* – акцент на ситуации ('стал красным'). Неотъемлемость одного компонента от другого наглядно демонстрируют глаголы, в значении которых компоненты не противопоставлены как действие и его атрибут, но взаимно обратимы: *замолчать* – 'перестать говорить' или 'начать молчать'; *заболеть* – 'начать болеть' или 'перестать быть здоровым'. Взаимно обратимыми могут быть два атрибута действия – предшествующий и последующий: *остановиться* – 'прекратить движение' или 'начать стоять' (если

корни глаголов *остановиться* и *стоять* считать супплетивными). Особенно ярко иллюстрирует взаимообусловленность компонентов глагол *остаться* (например: *Я остался дома* – в смысле ‘не ушел, решил не идти’). Основа глагола означает положение в пространстве, т.е. состояние субъекта; тогда как отмененное действие, из которого вытекает данное состояние, подразумевается, оказывается имплицитным атрибутом, выраженного состояния. Роли глагольной основы и атрибута поменялись местами.

Своя суть и свои приоритеты у действия не фиксированного в объективном времени и, следовательно, не сопряженного с ситуацией. Подчеркну, что данная характеристика глаголов несовершенного вида отнюдь не означает отсутствие в их семантике второго компонента. Разумеется, действия, называемые глаголами этого разряда, по потребности мысли могут естественно (как и действия, выраженные глаголами СВ) размещаться в реальном времени и участвовать в создании конкретной ситуации. Ср. хотя бы, с одной стороны: *Жить на даче хорошо* – умозрительное действие; с другой стороны: *Будущим летом опять будем жить на даче; Жил на свете капитан...* – реальные действия. Дело – в другом: в отношении к действию языкового сознания. Говорящий представляет действие отвлеченно от ситуации, не фиксируя его в реальном времени, не потому, что ни того, ни другого просто нет или то и другое не нужно для выражения мысли, а для того, чтобы сфокусировать мысль на действии, чтобы вникнуть в действие как таковое. Поэтому именно отвлеченность действия от объективного времени и от ситуативного фона и есть второй компонент семантической структуры глаголов НВ – так же, как, скажем, нулевой аффикс есть «полноправный» грамматический показатель. Следовательно, понятие двухкомпонентности семантической структуры одинаково определяет оба вида, а не только совершенный.

Общее, инвариантное значение несовершенного вида – существование действия (и одновременно субъекта, носителя действия). В чистом виде это значение имеют некоторые связочные глаголы и глаголы бытия: *Отец был военным; Стояла осень*. Но обычно значение существования явления осложняется квалифицирующим значением: *Отец служил в армии; Осень тянулася долго; Синица вниз головой выбивала что-то из-под карниза*. Основные квалифицирующие значения, свойственные несовершенному виду: статальность, акциональность, процессность, множе-

ственность, образ действия, свойство, отношение и др. – многократно описаны в литературе, но все еще недостаточно и нуждаются в дальнейшем изучении.

После сказанного можно вывести окончательную формулировку семантического инварианта русского глагольного вида:

В русском языке глаголы делятся на два разряда – фиксированного и нефиксированного вида. Нефиксированный вид означает действия в его существовании (экзистенции); фиксированный вид через действие показывает явление в развитии, диалектически.

Предлагаемая трактовка дает новый стимул для дальнейшего исследования и обсуждения разных аспектологических проблем. Так, например, открывается возможность интерпретации известного (но не объясненного) явления избирательности вида в императиве с отрицанием. Почему говорят *не открывай окно*, но нельзя сказать *не открой окно*? Дело, думается, в том, что глагол несовершенного вида направляет побуждение только к самому действию – выражается запрет совершать действие, результатом которого стала бы нежелательная ситуация. В свою очередь совершенный вид (*не открой окно*) означал бы запрет на переход действия к ситуации. Но это вещь немыслимая: запретить можно только само действие, а если уж оно выполнено, то тем самым уже осуществлен его переход к ситуации. В реальном плане (в изъявительном наклонении) отрицаться может и само действие (глаголами несов. вида), и переход действия (глаголами сов. вида) к ситуации: *Я не открывал окно – его, наверное, сквозняк открыл*. Отрицается только действие, но не ситуация. *Ты открыл окно? – Нет, открывал, но не открыл: что-то заело*. Само действие не отрицается, но отрицается его переход к ситуации.

Еще один важный дискутируемый вопрос – о грамматической природе категории вида. В русском языке глагольный вид – категория интерпретационная, но не отражательная (как, например, категория одушевленности/неодушевленности существительных). Это вытекает из ее гносеологической сущности. В принципе любое явление может быть воспринято языковым сознанием и выражено в речи как в одном, так и другом аспекте – экзистенциальном или диалектическом, – выбор зависит только от говорящего. Ср.: *Сын уже улетел. Сейчас он, наверное, летит за Уралом*. Выделенные глаголы означают не два, а одно явление в двух аспектах.

Интерпретационный характер вида в русском языке проявляется, в частности, в возможности «растягивать» краткие и мгновенные действия с помощью несовершенного вида. Например: *Я говорил ему о собрании* (т.е. 'сообщил'); *И вдруг он стреляет...* И наоборот – с помощью совершенного вида представлять постоянное отношение как фиксированный переход от действия к ситуации: *Пять плюс два **получится** семь.*

Об интерпретационном характере вида свидетельствуют многочисленные факты речевого отклонения от нормы в образовании и употреблении видовых форм. Например:

*Намеченные мероприятия не всегда **составляются***; *Мать кормит ребенка кашей: Ну как, **накушиваешься**? Не будем **циклиться*** (правильно *зацикливаться*) *на случайных фактах; На этом собрании **поприсутствовал** наш корреспондент; Мы будем сотрудничать со всеми **заинтересующимися** сторонами.* (Все выделенные формы подчеркнул и компьютерный редактор!). Первые две фразы услышаны в устной речи, остальные встретились в газетах. Многие из подобных глаголов можно квалифицировать как потенциальные слова – настолько прозрачна и узнаваема их не только внешняя, но и внутренняя (мотивационная) форма, типа: *поприсутствовать, понегодовать, понедоумевать* и т.п.

С другой стороны, видовые образования нередко уходят в пассивный запас. Вот некоторые из таких глаголов, встретившихся у Гоголя (в современных словарях они даются с пометой «устар.»): *вопросить, прислужиться, наблюсти, заключиться, надобиться* и др.

Наконец, не стоит забывать и об изначальной мотивации самих терминов **аспект** и **вид**, которые, я думаю, подразумевали деление не столько глагольной лексики, сколько двоякое представление глаголами действия.

Интерпретационная категория должна представлять какую-то особенность национальной психологии, поскольку она не может возникнуть из ничего. Маловероятно также, что она может корениться в системных механизмах языка, вроде закона аналогии. Более основательным кажется предположение, что за нашим глагольным видом стоит как склонность русского человека к покою, созерцательности, так и его импульсивность, стремление к переменам.

СЕМАНТИКА СОВЕРШЕННОГО ВИДА

В настоящей статье развиваются некоторые положения семантической концепции глагольного вида, изложенной в предыдущих публикациях¹. Напомню ее суть в нескольких словах. Совершенный и несовершенный виды противопоставлены друг другу по признаку фиксированности / нефиксированности действия на векторе объективного времени (то есть природного, необратимого времени в отличие от дейктического – грамматического времени). Нефиксированные глаголы (несовершенного вида, далее – НВ) называют действие вне его отношения к объективному времени, следовательно – статично, в его собственном существовании (экзистенции). Фиксированные глаголы (совершенного вида – СВ) сосредоточивают внимание не столько на самом действии, сколько на переходе действия в ситуацию, сопряженную с ним (и/или наоборот: ситуация > действие > ситуация). Таким образом, отражение действительности в ее динамике, развитии есть самый общий семантический признак совершенного вида. Именно о его функциональной дифференциации далее пойдет речь.

Характер фиксации действия на векторе объективного времени исчерпывается пятью вариантами: 1) начальной точкой: *засмеяться*, 2) конечной точкой: *подойти*, 3) одним из моментов в течении действия: *разговориться*, 4) начальным и конечным пределами совместно (рамочная фиксация): *проболеть всю зиму*, 5) фиксация нечленимого во времени действия: *купить*. Рассмотрим названные способы.

Фиксация действия начальной точкой

Это глаголы с приставками *за-*, *по-*, *воз-* и некоторыми другими, традиционно определяемые как начинательные, зачинательные, вступительные, в международной терминологии – ингрессивные. Суть этих глаголов – в противопоставлении двух компонен-

¹ См., например: [Карпухин 2002: 65-69].

тов. Первый из них – предшествующая действию ситуация, второй – само действие. В общем плане ситуативный компонент можно определить как детерминант, обуславливающий изменение действительности. Но его частный характер зависит от индивидуальной или типовой лексической семантики глагола. В этом отношении выделяются, по крайней мере, следующие разновидности глаголов:

1. Глаголы, означающие преднамеренные действия человека. Такие действия обусловлены (обычно имплицитно) предшествующим стимулом, импульсом – желанием, намерением, необходимостью, целесообразностью и т.п. Например: *Девки завозились на лавках, стараясь устроиться поудобнее, чтобы все видеть и слышать* (Задорнов. К Тихому океану); *Около избы десятого забили в чугунную доску* (Чехов. Мужики). Детерминант нередко выражается модальным словом, при котором инфинитив глагола называется действие, реализующее данный импульс: *Старичок хотел заспорить, но с иным накладно вздорить* (Пушкин. Ск. о золотом петушке).

Преднамеренными, как правило, бывают конкретные целенаправленные действия: *заворочать* (камни), *завязать* (чулок), *заработать* (локтями в толпе); перемещение: *поплыть, повезти, зашагать*; речевые акты: *заговорить, запеть, заворчать* и другие, например *пароход загудел* – действие, опосредованно производимое человеком.

2. Глаголы непроизвольного состояния, чувства называют действия, вызываемые необязательной причиной, то есть причиной, которая сама по себе не направлена на возникновение данного состояния или чувства: *заплакать, заволноваться, заболеть, рассердиться, возмутиться* и т.д. *У Меркурия Авдеевича засосало под ложечкой от неутешной обиды* (Федин. Первые радости). Подобным глаголам не свойственно сочетание с модальными словами желания, необходимости и т.п. Если такие сочетания и встречаются, то глагол в них имеет оттенок произвольности: *Тебе надо полюбить кого-нибудь; Жена сидела в гостиной и собиралась заплакать.*

3. Названия действий, производимых неодушевленными предметами, стихийными явлениями, а также животными. Они выступают знаками, сигналами об изменениях в окружающей среде – о смене погоды, о появлении в данной местности каких-либо

животных, об их состоянии и проч.: *задуть, закапать, закуковать, замычать, зацвести, заскрипеть* и др. Двухкомпонентность семантики таких глаголов также очевидна: они не только называют действие как таковое, но одновременно означают определенную ситуацию, предшествующую действию и в принципе детерминирующую его. Например: *Восток заалел* – значит, закончилась ночь; *На кухне засвистел чайник* – вода нагрелась до кипения; *В лесу закуковала кукушка* – птица объявилась в данном месте или в ее жизни один период сменился другим.

Фиксация действия конечной точкой

Окончание действия сопряжено с постситуацией, в которую оно переходит. В качестве постситуации может быть результат действия: *Ехал, ехал молодец и приехал наконец* (результат – возникшее местоположение); *Коли пьянствовать хочешь, ступай к своим приятелям... дображничаете до сумы* (Д. Григорович. Рыбаки). Постситуация может заключаться и просто в отсутствии закончившегося действия, например: *Отшумела гроза*. Но и в этих случаях постситуация фактически содержит нечто конкретное, во что необходимо переходит действие: изменившиеся обстановка, обстоятельства, состояние, деятельность субъекта (напр. *отвоевался*) и т.д. Иными словами, сопряженность закончившегося действия с ситуативным компонентом, на который – подчеркнем – имплицитно указывает сам глагол, здесь такое же его имманентное свойство, как и совершенного вида в целом.

Данный способ фиксации регулярно выражается рядом словообразовательных моделей: а) с префиксом *от-*: *отгреметь, отобедать, отблестеть...* б) с префиксом *от-* (*ото-*) и постфиксом *ся*: *отволноваться, отзаниматься, отоспаться...* в) с префиксом *до-*: *долететь, дочитать, докурить...*, а также: *убаюкать, утрамбовать; загнать* (коня), *затвердеть; поднести, подползти* и др.

Фиксация действия условно-относительной точкой в его течении

Действие может фиксироваться на векторе объективного времени некой точкой в его течении, определяемой условным ориентиром в сознании говорящего. Предшествующая этому ориенти-

ру стадия действия и выступает ситуативным компонентом, с которым сопряжено действие. Ориентир в соотношении с предшествующей стадией содержит оценку действия, в частности его возможных последствий. Рассмотрим глагол СВ в следующей фразе: *Бойцы ждали, когда немецкие танки **приблизятся***. Момент, которого ждали бойцы, определяется расстоянием, необходимым для поражения танков; тогда как конечная цель движения самих танков, понятно, лежит дальше.

Ориентир фиксации действия отчетливо присутствует в семантике глаголов некоторых префиксальных моделей, означающих: а) определенную степень накопления признака: *Яблоки **покраснели***; *Земля **намокла***; *Нога **распухла***; б) изменение интенсивности действия в какой-то момент его протекания: *разыгаться*, *расшагаться*, *разволноваться*; в) возникновение вредного, негативного результата действия или глубокую погруженность в действие в процессе его длительного протекания: *заработаться*, *залгаться*, *заспать*, *засидеться* и др. Все подобные глаголы фиксируют действие в какой-то оценочной точке по сравнению с любым из предшествующих моментов. У глаголов перемещения специализации префиксов в данном способе фиксации действия не наблюдается. Пространственный ориентир фиксации у них выявляется в контексте. Ср.: *Ночью поезд **переехал** через Волгу – **Переехал** на другую квартиру*; *Корабль **вышел** в открытое море – Я **вышел** на крыльцо*. В первых фразах этих пар глаголы условно-ориентированные, во вторых – глаголы фиксируют нечленимое действие (см. ниже).

В частном случае фиксация меры накопления признака или состояния может совпадать с окончанием действия, вызвавшего его, например в таком тексте: *«Я **устал**», -- сказал он, **остановившись***. Но и здесь актуализируется не завершение процесса (не «закончил уставать»), а субъективное ощущение, вызванное не завершением, а предшествованием действия. Очень выразительно обыграл противопоставление указанных сем (мера накопления – завершение), на основе параллакса (смещение точки зрения), русский писатель В.Набоков в рассказе «Адмиралтейская игла»: *«И когда наконец в памятную ночь я потребовал от нее (в очередном приступе ревности. – С.К.) **последнего сверхправдивого ответа**, Катя просто ничего не сказала, – осталась неподвижно лежать на кушетке, зеркальными глазами отражая огонь свечи, заменяв-*

шей в ту ночь электричество, – и я, **дослушав тишину до конца, встал и вышел**»². Тишина осталась в комнате, она продолжалась для Кати, – для «меня» же она завершилась, но не потому, что «я» вышел, а потому, что она нагнетала в «моем» сознании ощущение безнадежности, и «я» не выдержал...

Некоторые глаголы фиксируют действие по нетривиальным ориентирам. Например: *Все пошли на прогулку. Бабушка **осталась дома***. Глагол *осталась* означает продолжающееся положение субъекта в пространстве, однако это продолжение фиксируется во времени через действие-ориентир – *пошли*. Еще пример: *В нашем отделе **сохранились** рукописи 16 века*. Разумеется, глагол здесь не истолковывается как завершение процесса хранения – фиксируется этот процесс моментом речи, что надо понимать как: «хранятся сейчас, до настоящего времени», и, очевидно, предполагается продолжение названного процесса. Впрочем, этот глагол, в отличие от несов. вида *храниться*, может выражать оттенок начала процесса, но он слишком неопределенный, чтобы быть существенным (с 16 века? с момента создания учреждения?..).

Рамочная фиксация действия

Это способ изображения действия в полном объеме, от начала до конца. Но это не комплекс рассмотренных выше способов – фиксации начального, промежуточного и конечного моментов. В отличие от точечной фиксации рамочный способ представляет действие как бы растянутым во времени при сохранении его динамичности, которая обеспечивается сопряженностью действия с преситуацией и постситуацией. Единство процесса, с одной стороны, и его динамичной связи с ситуацией, с другой стороны, можно продемонстрировать, расчленив рамочное действие, в результате чего это единство будет утрачено. Например: *За день **истпилили** все дрова*. Ср.: *Весь день **пилили** дрова. **Начали** до завтрака, а **допилили** уже после заката*.

В зависимости от лексической и словообразовательной семантики акцент делается то на процессе – для его специальной квалификации, – то на переходе от преситуации к действию и от действия к постситуации. Например: *Землю **попашет** -- **попишет***

² Набоков В.В. Отчаяние (сборник). Самара: Кн. изд-во, 1991. С. 589.

стихи (Маяковский); *перезимовать, прождать* (весь вечер) – подчеркивание процесса. *Нарисовал он на листке и написал в уголке...* – акцент на переходе к постситуации (результату). *Мороз прихватывал его (цыгана) до того, что он... готов был побархататься с медведем* (Лажечников. Ледяной дом) – актуален переход преситуации к действию; *Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится* (Гоголь. Отрывок) – тоже.

Однако для рассматриваемого способа, пожалуй, более типичным является такое соотношение действия и ситуации, при котором превалирование того или другого невозможно: речь идет о случаях, когда результат определяется специально квалифицирующим характером действия. Ср.: – *Николай Иванович, вы прочитали диссертацию Петрова? – Нет, но я знаю о ее содержании по публикациям.* Выделенный глагол сосредоточивает внимание на результате, а не на процессе. – *Алексей Михайлович, вы уже вычитали свою диссертацию?* Глагол *вычитали* означает достижение высокого качества текста (результата) именно путем его тщательного просмотра и исправления. У подчеркнуто длительного квалифицированного процесса более четко выражена фиксация обеих границ, по сравнению с неквалифицированным. Ср. также: *Прошагал от Смоленска до Берлина* – фиксация действия «от и до» – квалифицирующее действие; но: *Пришел издалека (...из леса, ...из соседнего дома)* – действие фиксируется конечной точкой при неопределенном его начале. Разнообразные квалифицированные действия рамочной конструкции описаны в литературе под названием специально-результативных способов действия. Среди них выделяются: а) интенсивно-результативные глаголы: *выбелить, выморозить.., ислекать, изранить..;* б) накопительно-суммарные: *наловить, налетать.., обстирать, облазить..;* в) дистрибутивные: *перекусать, пересчитать.., поснимать, порубить...* и некоторые другие.³

Фиксация нечленимого действия

Это наиболее разнообразный способ по характеру соотношения действия с ситуацией. Но для всех нечленимых действий обязательным является устранение (или редукция) представления

³ См.: [Русская 1980: 601-604].

о продолжительности действия (а тем самым и о его специальной характеристике), о начальном и конечном пределах, о его внутренней структуре. Так, глагол *родиться* не интерпретируется такими сочетаниями, как: фазовый глагол + НВ (*кончить рождаться* – ?); такие действия не фиксируются рамочным способом (*немного поасфальтировать тротуар* – ?) или условной точкой (*хозяйка раскопалась на рынке* – ‘увлечься покупками’) и т.п. Общий смысл фиксации нечленимого действия – не просто дискретное восприятие во времени действительности, которая посредством действия разделяется в сознании субъекта речи на «до» и «после», но – выражение наиболее динамичного, по сравнению с другими способами фиксации, ее развития.

Самая типичная и многочисленная группа, представляющая данный способ фиксации, объединяет глаголы, означающие действие, посредством которого одно состояние переводится в другое. Их логично называть глаголами **трансформации**. В лексико-семантическом отношении это довольно пестрая группа; здесь: а) глаголы возникновения или исчезновения: *родиться, умереть, появиться, удалиться..*; б) обретения или лишения: *дать, взять, купить, утратить..*; в) смены места: *переселиться, расположиться, очутиться, доставить..*; г) изменения положения в пространстве: *сесть, лечь, наклонить, выпрямить..*; д) изменения общественного положения субъекта или объекта: *жениться, развестись, поступить (в институт), наградить..*; е) различных конкретных действий: *разрубить, променять, исправить, снять (перчатки)* и т.д. Сюда же включаются: *хлынуть, грянуть, ринуться*, – глаголы, включающие сему интенсивного начала действия, но не имеющие однокоренных образований НВ, в силу чего соответствующие действия невозможно интерпретировать как фиксируемые в начальной точке (*хлынуть – начать... –?*). Особую разновидность глаголов трансформации образуют фазовые глаголы: *начать, стать, продолжить, кончить, закончить, прекратить* и др. Эти глаголы в чистом виде называют переход от одного состояния к другому (в том числе и в случае возобновления прерванного состояния), не называя самостоятельных действий, которые обозначаются инфинитивом примыкающего глагола. Например, в сочетании *стал говорить* глагол *стал* не значит *начал стоять*. Поэтому фазовые глаголы относятся, в сущности, не к знаменательным, а к служебным словам. К фазовым глаголам следует отнести также глаголы типа: *приступить, завершить, окончить..*, не сочетающиеся с ин-

финитивом, а управляющие существительными с процессным значением: *приступить к репетициям*. Впрочем, все фазовые глаголы способны сочетаться с существительными и с другими значениями: *Асфальтовая дорога кончилась; Надо завершить портрет; Из-за сильных морозов каникулы были продлены*. В таких сочетаниях глаголы, обозначая определенные действия (или состояния), сближаются со знаменательными словами.

Следующая группа нечленяемых глаголов характеризуется, по сравнению с глаголами трансформации, **ослабленной связью** действия с ситуативным фоном. Например: *Где-то хлопнула форточка; каркнула ворона*. Здесь нет ни видимого изменения действием ситуации, ни детерминанта, обуславливающего действие в сознании говорящего. Ср. искусственное: *Надо форточке хлопнуть; Пусть ворона каркнет*. Тем не менее и такие действия служат средством восприятия времени в движении. В центре этой группы выделяются одноактные глаголы с суффиксом *-ну-*, означающие: а) разнообразные звуки: *крикнуть, свистнуть, грохнуть, икнуть...*, б) конкретные действия, производимые человеком, животными и неодушевленными предметами: *прыгнуть, дрогнуть, качнуть, дунуть, мигнуть, улыбнуться...* и с другими значениями. В эту группу входят также отдельные глаголы разных словообразовательных моделей и различной семантики: *раздаться* (о звуках), *поцеловать, ударить, поклониться, взорваться* и др.

Далее. Нечленяемыми могут быть **речемыслительные акты**: *сказать, сообщить, объяснить, вспомнить, подумать, спросить, ответить, решить* (принять решение) и др. В принципе любое высказывание, устное или письменное, обладает известной протяженностью во времени; мышление в форме внутренней речи, хотя и быстрее внешней речи, тоже заполняет время. Поэтому естественно, что речемыслительные акты, независимо от их длительности, могут представляться нашему сознанию как процессы, в том числе и фиксированные в своих фазах и границах глаголами СВ. Ср. интерпретацию глагола *проговорить* в «Русской грамматике»: «Глагол сов. вида *проговорить* отличается от глагола сов. вида *сказать*...именно своим значением окончанности продолжавшегося действия, например: – *Неужели это правда?* – *сказал он...* – *Да!* – *значительно, медленно проговорила она* (Л. Толст.)» [Русская 1980: 601]. Другое дело – содержание этих актов: мысль. Она, так же, как и отдельное понятие, не членится во времени на

последовательные сегменты.⁴ Поэтому если в конкретном употреблении глагол подчеркивает именно эту, содержательную сторону речемыслительного акта, то это означает, что действие фиксируется во времени целиком, как монолитное, неделимое; что значение процессности, отдельных его фаз нейтрализовано; и что акцент делается на изменении посредством действия ситуации: мысль каузирует то или иное развитие, вызывает ту или иную реакцию и т.п. Ср.: *Правительство обещало **подумать** о бедных* – подчеркивается процесс, то есть рамочная фиксация; *И он **подумал**: я люблю, она лишь мной живет и дышит...* – фиксация нечленимого действия. (Вспомним Лермонтовского «Беглеца»: эта мысль пронзила Гаруна, который в тот момент не в состоянии был предаваться спокойным размышлениям и воспоминаниям).

Нечленимость – характерное свойство отдельных актов мысли и воли, называемых глаголами речи и мысли, высказываемых в форме простого предложения. Однако оттенок целостности действия актуализируется и при обозначении более сложных и длительных речемыслительных действий. Ср.: *Завтра надо обязательно **написать** последний параграф. – **Напишу** обо всём, когда доберусь до места.* В первом варианте – рамочная фиксация процессного действия; во втором – фиксация нечленимого действия, независимо от значительности его объёма (*напишу* здесь – то же, что *сообщу*).

Итак, по сравнению с другими способами фиксации глаголами СВ речемыслительных действий, фиксация нечленимых актов речи и мысли более сжато и динамично развивает ситуацию, в которую они погружены. Например: *ознакомиться с окрестностями, выучить урок, рассказать о происшествии* и т. п.

Рассмотренными группами глаголов не исчерпывается способ фиксации нечленимого действия. Есть своя специфика в соотношении действия и ситуации у глаголов восприятия (*увидеть, услышать, почувствовать...*), у модальных глаголов (*удивиться, удаться, привыкнуть...*) и некоторых других семантических групп; описать их здесь не позволяют ограниченные возможности журнальной публикации.

⁴ Здесь имеется в виду только восприятие глаголов речи и мысли носителями языка, но не научный – лингвистический или логический – анализ.

Однако нельзя не сказать о функционировании способов фиксации действия. Выше говорилось о том, что каждый из выделенных способов более или менее закреплён за отдельными семантическими группами, словообразовательными моделями, а также лексемами. При этом большую роль в реализации способа фиксации играет контекст, который нередко преодолевает указанные виды закреплённости. Например, глагол *выехать* может фиксировать действие в его начале: *Нужно **выехать** из дому пораньше*; но: *Марья Дмитриевна уже до того привыкла... к городской жизни, что сама не захотела **выехать** [в своё имение]* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) – глагол трансформации (перемена места). Так же может уступать контексту словообразовательная модель; например, глагол *заходить* специализирован на фиксации начала действия, но: *Еще бы!.. – проворчала Марфа Тимофеевна, и спицы еще быстрее **заходили** в ее руках* (там же) – фиксация условного момента в течении действия (*быстрее* – по сравнению с предшествующей фазой действия).

В существующей на сегодня литературе по функционированию видов описываются контекстные ограничения выбора говорящим одного из двух противопоставленных видов – совершенного или несовершенного⁵. Но при этом указываются лишь некоторые группы наречий, избирательно сочетающихся с видами (*постоянно, непрерывно... , вдруг, внезапно... и др.*), отдельные синтаксические конструкции, допускающие тот или иной вид (например, с союзом *чем...*, *тем...* – только НВ). Еще более фрагментарно затрагиваются контекстные условия для частных видовых значений⁶. Между тем необследованными остаются еще целые пласты и уровни контекстных условий; скажем, на морфологосинтаксическом уровне – обстоятельства, выраженные многообразными предложно-падежными формами существительных. Ср.: ***В понедельник приходил (пришел) слесарь***, но: ***По понедельникам приходил почтальон*** (только НВ).

⁵ Возможно альтернативное понимание: не ограничение выбора вида контекстом, а распространение текста в соответствии с выбранным видом глагола – статичным или динамичным аспектом.

⁶ Впрочем, известны работы А.А.Бойко, в которых систематически прослеживается сочетаемость видов в форме инфинитива – с опорными словами. См.: [Бойко 1973].

В свете сказанного представляется, что учет способов фиксации действия открывает новые горизонты в изучении использования в речи глаголов СВ, в частности позволит дифференцированно подойти к последовательному описанию их сочетаемости. От способа фиксации зависит, например, употребление глагольной частицы *было*; она сочетается обычно с фиксацией действия в начале (*поехал было, но вернулся*), но никогда – с окончанием действия (*отужинали было – ?*) и почти никогда – с нечленимыми действиями (*прыгнул было – ?*), рамочным действием (*посмотрел было фильм – ?*). Глагол *сказать* может фиксировать рамочное действие (*сказать по-французски*), нечленимое действие (*сказать правду*), а глагол *проговорить* – только рамочное действие (*проговорить по-французски, ... фразу, но не ...правду*). Ср. также невозможные сочетания: *окончательно засмеялся; окончательно съездил в Москву* и т.п. Изучение глаголов СВ в этом плане будет способствовать как более глубокому осмыслению семантики, так и преподаванию категории вида, в том числе – нерусским.

Несомненную пользу принесет разграничение способов фиксации при анализе глагольных компонентов в художественном тексте, для которого характерно их (способов) широкое взаимодействие и транспозиция, выступающие средствами художественной выразительности. Так, один и тот же глагол, в сочетании с контекстом, по-разному характеризует речь персонажей, выделяя то внешнюю ее сторону, то содержательную. В первом случае видовое значение глагола – фиксация рамочного действия, например: *Молодая девушка... допустив до себя обоих приятелей, проговорила звонким голосом и чуть-чуть картавя: -- Что же вы это, господа, обедать не идете? Стол накрыт* (И.Тургенев. Накануне). – Приятели (и читатель) в первую очередь воспринимают, как девушка говорит. Ср.: – *Будто нет ничего выше счастья? – проговорил он* [Берсенева] *тихо* (там же). Реплика содержит единую мысль, значительность которой оттеняется контекстом (*тихо*); следовательно, глагол здесь называет нечленимый акт речи, служит развитию спора персонажей о счастье.

В заключение остается добавить, что изложенное понимание семантической структуры СВ ни в коей мере не перечеркивает и не подменяет распространенных в русской аспектологии классификаций частных видовых значений, тем более – способов глагольного действия, относящихся не к грамматике, а к словообразованию, – но дополняет их, отличаясь концептуальностью и последовательностью.

СЕМАНТИКА НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Функциональная дифференциация несовершенного вида (далее также – НВ), так же как и совершенного вида (СВ), базируется на двухкомпонентной модели семантического инварианта этой категории. Это естественно вытекает из наличия у обоих видов на данном уровне логической основы для их противопоставления – отношения к объективному времени. На уровне же частных функциональных вариантов виды реализуют свою специфику этого отношения, что выражается в отсутствии логических связей между вариантами, относящимися к противоположным видам. Функциональной специфике несовершенного вида посвящена настоящая статья – после ранее опубликованной аналогичной работы о совершенном виде¹.

Общее значение несовершенного вида аспектологами рассматривается обычно как менее определенное, немаркированное, по сравнению с совершенным видом, и нередко формулируется отрицательно – через отсутствие положительного признака СВ². Такая оценка, на первый взгляд, оправдывается и двухкомпонентной структурой семантики вида: глаголы НВ, в отличие от глаголов СВ, обозначают действие **нефиксированное** на векторе объективного времени, то есть **«не привязанное»** к изображаемой ситуации. Однако «отсутствие второго компонента – ситуации» имеет здесь сугубо целенаправленный, следовательно – положительный характер: дать языковому сознанию «оперативный простор» для мыслительных манипуляций с нефиксированным действием. Именно эта собственная специфика глаголов НВ проявляется в их гораздо более тесном взаимодействии с контекстом (чем глаголов СВ) и, соответственно, в меньшей степени лексикализованности семантики НВ. В результате исследователь обнаруживает весьма богатую функциональную палитру НВ, которую вряд ли можно охватить достаточно компактной классификацией. Тем не

¹ Идейно и тематически настоящая статья продолжает две предыдущие публикации автора: [Карпухин 2002: 65-69; 2005: 81-86].

² См., например: [Русская 1980: 583; Шелякин 2000: 140-141].

менее ряд модификаций отношения действия, называемого глаголами НВ, к объективному времени выявляется достаточно отчетливо, в силу их устойчивой регулярности.

На первой ступени выделяются две общие, противопоставленные друг другу функции. Их можно показать на сравнении следующих текстов:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво И моет берега... (А.Блок).

*Река **текла**, когда ребяташек еще не было на свете, и она будет **течь**, когда их снова не будет* (В.Солоухин).

В первом высказывании глагол *течь* называет действие, длящееся во времени с точки зрения участников речевого акта, в данном случае – автора и читателя. Это – действие, переживаемое и созерцаемое ими синхронно с его осуществлением. (Разумеется, отношение действия к реальному времени его протекания опосредовано творческим актом – для автора и восприятием произведения – для читателя, но для конкретного содержания текста это не имеет значения). Цель изображения действия в его сосуществовании и в сопричастности к нему участников речевого акта – осмысление действия как такового, в его качестве, в общем – его собственная квалификация: река не *стоит*, не *бурлит*, не *несется*, а – ***течет***. Во второй иллюстрации глагол не акцентирует внимание на самом действии – здесь он характеризует *реку* как явление, существующее отстраненно от момента речевого акта и его участников: «река была и будет».

Обозначим эти различия условно, для рабочего использования: 1) функция **сосуществующего действия** – обозначение действия в его протекании во времени для его собственной квалификации и 2) функция **отвлеченно-существующего действия** – характеристика действия как явления. Проследим далее глаголы НВ в развернутом контексте – фрагментах начала повести И.С.Тургенева «Дворянское гнездо»³. Открывается повесть экспозицией описываемых событий:

*Весенний, светлый день **клонился** к вечеру; небольшие розовые тучки **стояли** высоко в ясном небе и, **казалось**, не **плыли** мимо, а **уходили** в самую глубь лазури.*

³ Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 7.

Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... (дело происходило в 1842 году), сидели две женщины – одна лет пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лет.

Затем следует характеристика действующих лиц, в частности:

Первую из них звали Марьей Дмитриевной Калитиной. ...Марья Дмитриевна в молодости пользовалась репутацией миленькой блондинки. ...Она была более чувствительна, нежели добра., легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ее привычки; зато она была очень ласкова и любезна, когда все ее желания исполнялись и никто ей не прекословил. Дом ее принадлежал к числу приятнейших в городе.

В экспозиции все выделенные глаголы изображают сосуществующие действия, то есть действия, наблюдаемые в их протекании. Все, тоже без изъятия, глаголы второго отрывка, характеризуют образ персонажа, иначе относятся к объективному времени: они не протекают в нем и, следовательно, недоступны наблюдению – они существуют в нем отвлеченно. Так, глагол *звали* в данном тексте означает действие, практически никогда **не звучавшее**, а существовавшее идеально – в памяти окружающих, или материально – в документах. Лишь в сознании персонажа и его окружения существовали действия – взаимоотношения между ними: *пользовалась, нарушались, исполнялись, прекословил, принадлежал*. Глагольная связка *была* абсолютно отвлеченно констатирует существование (или спорадическое проявление) некоторых черт характера персонажа. Глаголы *раздражалась* и *плакала*, способные в ином контексте передавать действия в их протекании и наблюдаемости, здесь говорят о свойствах психики персонажа, реальное проявление во времени которых – неопределенно.

Между функциями сосуществующего и отвлеченно-существующего действия имеется ряд системных различий – грамматических, лексико-семантических, контекстных, – которые более или менее присущи отдельным функциональным разновидностям. Самым ярким показателем функции глагола НВ, является его соотносительность/несоотносительность с глаголами совершенного вида, причем не только на лексическом, но обязательно и

на контекстном уровне. Речь идет о возможности фиксации действия на векторе объективного времени разными способами⁴. Наблюдаемость сосуществующего действия в принципе предполагает такую возможность. Действительно, глаголы первого из приведенных фрагментов тургеневского текста допускают замену на СВ, фиксирующий действие тем или иным способом, без существенного искажения содержания; например: *день склонился к вечеру...*, *высоко в небе застоялись тучки...*, *дело произошло в 1842 году...* и т. д. При характеристике персонажа видовая соотносительность отсутствует – именно в силу ненаблюдаемости обозначаемых глаголами НВ действий, причем независимо от того, имеется ли в словаре лексически соотносительный глагол СВ или нет. Так, у глагола *звали* нет соотносительных глаголов СВ (*назвать* – при рождении дать имя, но не отчество и фамилию. Так же, лексически, отличается глагол *позвать*). У глаголов *пользовалась*, *раздражалась*, *плакала* есть в словаре соотносительные глаголы СВ, фиксирующие данные действия: *попользовалась*, *раздражилась*, *заплакала*, *расплакалась* и т. п., но они явно разрушили бы текст.

Как сосуществующие, так и отвлеченно-существующие действия разнообразно «размещаются» в объективном времени, но при этом по-разному соотносятся с грамматическим временем.

Основную разновидность функции **сосуществования** представляют действия **линейные**, то есть воспринимаемые в процессе их протекания, но не в их границах, объеме или развитии, хотя реально все эти признаки у действий отнюдь не исключены. Это могут быть действия: а) сплошные однородные (гомогенные): *смотреть*, *плыть*, *гореть...*; б) дискретные однородные: *стучать*, *моргать*, *носить...*; в) дискретные неоднородные (гетерогенные): *строить*, *убираться* (в комнате), *гулять* (на свадьбе)... Например: а) *И долго так он говорил...* (Лермонтов, Мцыри); б) *Конь фыркал, переступал ногами и махал опененною мордой* (Тургенев, Дворянское гнездо); в) *Целый день работали в саду*. Данная разно-

⁴ Тот или иной набор способов фиксации из пяти возможных (таких как: *говорить* – *заговорить*, *отговорить*, *разговориться*, *поговорить*, *сказать*) можно назвать видовой стратификацией глагола в противоположность понятию видовой парности, на наш взгляд искусственному и малопродуктивному, см.: [Карпухин 2005: 81-86; 1999: 108-114].

видность не ограничена временными планами, ср.: *Суп варится уже два часа; Следующим летом будем пристраивать веранду.*

Линейные сосуществующие действия, как правило, воспринимаются органами чувств и представляют такие ЛСГ, как: глаголы конкретного действия (*красить*), перемещения (*лететь*), расположения в пространстве (*висеть*), речи (*рассказывать*), визуального состояния (*мерцать*), звучания (*гудеть*), физических и физиологических процессов (*жариться, дышать*) и некоторыми другими. Реже встречаются в этой функции глаголы деятельности (*Дед с утра **столярничает** в сарае*), восприятия (*Аудитория **слушала**, затаив дыхание*), мысли (*Думай, думай, как решить эту задачу*) модальных значений (*Хочу пить*) и другие глаголы со значением действия умозрительного типа или факультативной наблюдаемости (например ***сочинять** песню*). Несовместимы с функцией сосуществования действия, не наблюдаемые и не ощущаемые, а осознаваемые абстрактно: *Город **насчитывает** более миллиона жителей; Вода **образуется** молекулами кислорода и водорода* и т.п.

Существованию линейного, а значит квалифицированного действия свойственна поддержка в контексте обстоятельствами, особенно образа действия, меры и степени, совместности, а также другими компонентами предложения. Распространители глагола часто бывают насыщены информацией о характере действия более, чем сам опорный глагол, например: *Вы помните, Вы все, конечно, помните, Как я стоял, Приблизившись к стене, Взволнованно ходили вы по комнате И что-то резкое В лицо бросали мне* (С. Есенин, Письмо к женщине). Ср. без выделенных вместе с глаголами распространителей: *Вы помните, как я стоял, а вы ходили...* В поэзии, реже в прозе, используется, кроме того, яркий прием подчеркивания существования квалифицированного действия – дву- или более кратный повтор глагола НВ: *Россия – Сфинкс. Лихуя и скорбя, И обливаясь черной кровью, Она **глядит, глядит, глядит** в тебя, И с ненавистью, и с любовью!..* (А.Блок, Скифы), см. также пример выше. Свообразно взаимодействуют с контекстом глаголы со значением отсутствия, отказа, лишения, аннулирования чего-либо: *отсутствовать, оставаться, пустовать, отвергать, отказываться* и др. Некоторые из подобных действий в принципе доступны наблюдению (*Весь день **оставался***

дома), но они не могут квалифицироваться по качеству, интенсивности проявления и распространяться соответствующими обстоятельствами (*Сарай очень пустует – ? Аккуратно отказывался платить – ?*).

Помимо линейного, квалифицированного действия, глаголы НВ изображают сосуществующие действия еще, по крайней мере, трех разновидностей. Все они специфичны по видовой семантике, точнее – по характеру «размещения» действия в объективном времени; соответственно – они жестко ограничены временными планами, в видовой стратификации и по употребительности. Вместе с тем они показательны для выразительных возможностей НВ.

Во-первых, это значение наблюдаемого момента сопряженности действия с ситуативным фоном. Оно наглядно представлено таким жанром языка массовой коммуникации, как репортаж. Например: *Трибуны дворца спорта **заполняются** до отказа..., В ворота хозяев площадки **встает** Третьяк..., Зрители бурно **приветствуют** знаменитого хоккеиста..., Шайба **вылетает** за борт..., Судья **дает свисток** и **останавливает** игру..., Десятый номер **садится** на скамью штрафников...* В таком употреблении очевидная ограниченность планом настоящего времени дополняется ограниченностью в видовой стратификации: здесь глаголы НВ синонимичны глаголам СВ, которые фиксируют сопряженность действия с разными компонентами ситуации только одним из способов. Например: **заполняются** – *заполнились*: действие → результат; **встает** – *встал*: отсутствие → присутствие вратаря (но не: *постоял, отстоял* и т.д.); **приветствуют** – *поприветствовали*: отсутствие действия → действие → отсутствие действия; **вылетает** – *вылетела*: состояние (шайба в игре) → действие → состояние (шайба вне игры) и т. д.

Подобное употребление форм настоящего времени отличается от так называемого настоящего исторического времени, во-первых, изображением действий, происходящих практически синхронно с речью (в частности, спортивного комментатора), а не относящихся к прошлому; во-вторых, это действия, имплицитно сопряженные с ситуацией – отсюда их синонимичность с СВ, тогда как настоящее историческое может «извлекать» из событий прошлого действия как сопряженные с ситуацией (НВ в значении СВ), так и в их протекании, когда синонимичность с СВ отсутствует,

например, у первых двух глаголов в следующем тексте: *В прошлую субботу **сижу** на берегу, **рыбачу**... **Подходит** незнакомый парень и **говорит**: «Это место занято».*

Другую, особую, разновидность сосуществующего квалифицированного действия, ограниченную формой настоящего времени, составляют перформативные глаголы. Перформатив, указывается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, – это «высказывание, эквивалентное действию, поступку» [Лингвистический 1990: 372]. Другими словами, это действие, не наблюдаемое носителем языка, а осуществляемое самим произнесением глагола, в чем и заключается видовая специфика перформатива. Например: ***Обещаю** больше не опаздывать; **Объявляю** вас мужем и женой; **От души поздравляю** вас с юбилеем и т. п.*

В грамматике перформативное значение обычно связывается исключительно с формами настоящего времени. На наш взгляд, свойство осуществяемости действия самим его названием в момент высказывания есть «прерогатива» категории несовершенного вида, а не времени, поскольку условность грамматического настоящего времени позволяет умозрительно перемещать действие относительно объективного времени вперед (*Завтра едем на дачу*) или назад (настоящее историческое).

Отенок продленности называемого и одновременно осуществляемого действия выражает перформатив в рекламных объявлениях: ***Приглашаем** к сотрудничеству дилеров; **Предлагаем** бесплатные юридические услуги; **Напоминаем** адреса магазинов...; **Конфиденциальность гарантирую**.* В этих случаях называемое действие не столько осуществляется в момент высказывания, сколько тем самым открывает перспективу во времени, то есть «приглашение», «предложение» и т. д. сохраняют силу в течение некоторого срока. Продленный перформатив, как и ограниченный временем произношения, несовместим с фиксацией действия в прошлом или будущем. Невозможно, например, представить себе рекламный текст, вроде: *Вчера фирма **пригласила** к сотрудничеству дилеров; Завтра **предложим** населению бесплатные услуги.*

В объявлениях также часто употребляется ослабленный перформатив, когда субъект речи называет осуществляемое им действие отстраненно, выдавая себя за 3-е лицо: ***Правление ОАО извещает** акционеров...; **Школа №1 объявляет** набор учащихся...*

По существу ослабленный перформатив представляют собой также глаголы НВ в форме 2 лица повелительного наклонения в некоторых формулах этикета: *Будь(те) здоров(ы); Здравствуй(те)*; ср. синонимичные конструкции: *Желаю здоровья; ... здравствовать*.

Еще одну своеобразную разновидность сосуществующего действия представляют глаголы НВ в форме прошедшего времени, выражающие значение 'наблюдаемого момента сопряженности действия с ситуацией', но, в отличие от форм настоящего времени с аналогичным значением (см. выше), осложненное оттенком особой значительности этого момента и соответственно повышенного внимания к нему. Такое употребление глаголов НВ (синонимичное совершенному виду) свойственно исключительно поэтическому языку и берет начало в древнерусском фольклоре, широко представлено, в частности, в былинах⁵. Традиция эта поддерживалась и позднее, вплоть до нашего времени. Примеры: *Медвежатухи испугались, За медведиху бросались, А медведиха осержалась, На дыбы подымалась. А мужик-от он догадлив был, Он пускался на медведиху, Он сажал в нее рогатину...* (А.Пушкин, Сказка о медведихе); *Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, На высокий берег, на крутой. Выходила, песню заводила...* (М.Исаковский, Катюша). Здесь: *бросались* = *бросились*, *осержалась* = *осердилась* и т. д.

Далее подробнее рассмотрим функцию **отвлеченно-существующего** действия. Как отмечалось выше, это изображение ненаблюдаемого во времени действия, характеризуемого как явление. Хотя отношение такого действия к объективному времени определено в общем как отвлеченное, оно достаточно разнородно, чтобы по этому признаку можно было бы выделить некоторые разновидности. Пожалуй, самую распространенную из них составляют действия, осуществляющиеся неоднократно, время от времени – регулярно или спорадически, регламентированно или спонтанно: *Летом мы всегда живем на даче; Младший ходит в 5-й класс; В молодости он занимался спортом. Солнце закатывается летом вон за ту гору. В этом районе нередко бывают землетрясения. По утрам машины развозят свежий хлеб*. Неоднократно-осуществляющиеся действия, разумеется, не исключают возможности их наблюдения в конкретном протекании во времени –

⁵ См.: [Потебня 1977: 44, 48].

напротив, глаголы, их изображающие, как правило, могут обозначают и сосуществующие квалифицированные действия, но – в соответствующем контексте. Например: *Посмотри, как забавно **ходит** медвежонок; Солнце медленно **закатывалось***. Таким образом, эта функция чисто речевая, не имеющая лексикализованного выражения, за исключением редких и малоупотребительных сегодня глагольных форм типа *хаживать, жить*, выражающих неоднократно осуществляющиеся действия с оттенком давности, а также глагола *бывать*. Однако в речи данная функция достаточно отчетлива и содержательна: действия, именно в их ненаблюдаемой повторяемости, характеризуют людей и животных (по образу жизни, характеру, поведению и т. д.), природные явления, машины и оборудование, обстановку и проч. Например: *У меня была верховая лошадка, я сам ее **седлал** и **уезжал** один куда-нибудь подальше, **пускался** вскачь и **воображал** себя рыцарем на турнире – как весело дул мне в уши ветер! – или, обратив лицо к небу, **принимал** его сияющий свет и лазурь в разверстую душу* (Тургенев, Первая любовь). Глаголы в данной функции не соотносительны с глаголами СВ, поскольку фиксированное действие не совместимо с ней, но грамматическим временем не ограничены, пример на будущее время: *Летом **будем кататься** на лодке, **рыбачить** и **путешествовать** на велосипедах*.

Достаточно распространенной является характеристика объектов, ситуаций, отношений разовым действием. Например: *Я **встречался** с ним вчера; Мне **говорили** о собрании; Этот мост **строил** мой отец; Ты **ходил** за хлебом?*⁶ Для этой функции характерна синонимичность глаголов НВ глаголам СВ: *Я **встретился** с ним вчера; Мне **сказали** о собрании; Этот мост **построил** мой отец; Ты **сходил** за хлебом?* Однако синонимичность отменяется у некоторых глаголов своеобразной семантики. Так, во фразах: *Вас **вызывал** директор; Вчера **приходил** доктор* – глагол означает действие, не фиксируемое в объективном времени в силу отсутствия постситуации, с которой оно могло бы быть сопряжено: в первом высказывании – из-за отсутствия объекта (ср.: *Его **вызвал** директор* – при наличии объекта); во втором – из-за ее аннулирования (доктор *пришел* и *ушел*).

⁶ Такое употребление НВ в литературе называется обычно обобщенно-фактическим. См., напр.: [Русская 1980: 611].

Синонимичный глагол СВ, фиксирующий разовое действие только одним способом – как целостный, нечленимый акт, демонстрирует непроцессность, а значит ненаблюдаемость действия, обозначаемого глаголом НВ в данной функции, независимо от его реальной длительности. Если, скажем, интерпретировать действие во фразе: *Этот мост строил мой отец*, характеризующее отношение между субъектом и объектом, его расчленением на этапы разными способами фиксации: *...начал строить...*, *...потом продолжил строить...*, *...достроил...*, – то исчезнет компрессия, свойственная характеристической функции. Рассматриваемая транспозиция НВ (в значении СВ) не присуща формам будущего времени. Например: *Скоро через Волгу будут строить канатную дорогу*; действие здесь может фиксироваться в сознании разными способами: *Начнут строить в следующем году, а закончат обещают через три года*, что говорит о его процессности и наблюдаемости. Разовые действия в характеристической функции, как и действия неоднократные, лексемно не формализованы и реализуются только в контексте.

Следующая разновидность отвлеченного существования – это действия, характеризующие отношения, обладание, свойства, правила и т. д. В отличие от двух предыдущих разновидностей, это действия, существующие лишь абстрактно, или потенциально. Они не протекают во времени и принципиально не наблюдаются в нем, соответственно – они нейтральны к таким признакам, как непрерывность/дискретность, однократность/многократность, ограниченность/неограниченность. Например: *Корень квадратный из девяти равняется трем*; *Пруд принадлежит лесхозу*; *Обои хорошо моются*; *Для ветеранов войны льготы сохраняются*. Данная разновидность достаточно последовательно характеризуется следующими системными чертами:

1. Высокая степень лексикализованности. Здесь обычно наблюдаются глаголы следующих ЛСГ: глаголы отношения (*преобладать, весить, считаться...*), обладания (*иметь, располагать, владеть...*), качества, свойства (*ткань мнется, стекло бьется, корова бодается...*), модальной оценки (*ценить, стоить, презирать, уметь...*) и некоторые другие. Сюда же, очевидно, надо включить, во-первых, глаголы бытия (*быть, существовать, бытовать...*), которые характеризуют явления как существующие вообще, в принципе: *Все, что было, далеко оно* (А. Блок). Во-вторых, глагольные связи, которые, не называя самостоятельных

действий, тем не менее также выражают общую идею существования отношения между субъектом и признаком: *Брат был строителем; Отсюда горы кажутся невысокими.*

2. Абстрактно-существующие действия регулярно выражаются формами настоящего времени. Последние, в частности, служат единственным средством обозначения постоянных отношений, свойств, существующих, так сказать, в панхронии: *Биссектриса делит угол пополам; Роман состоит из трех частей; Материя не исчезает бесследно.* Однако отношения, свойства и т. д. преходящие, существование которых ограничено во времени, сознание легко извлекает из прошлого, переносит и в будущее: *Раньше пруд принадлежал колхозу; Если ткань пропитать специальным раствором, она не будет мяться.*

3. Глаголам в данной функции, как правило, не свойственно распространение обстоятельством образа действия; обстоятельства меры и степени встречаются редко, в основном при выражении свойств, оценок: *Ящик стола плохо выдвигается; Крапива сильно жжется.* Другие виды обстоятельств чаще сочетаются с глаголом, тем более что во многих случаях они выражают неотъемлемый элемент характеристики действия, например: *Полуостров выдается далеко в море; Простуда легче переносится летом; В ясную ночь виднеется созвездие Скорпион.*

4. Абстрактные и потенциальные действия не совместимы с их фиксацией на векторе объективного времени.

Отдельную функциональную разновидность отвлеченно-существующих действий представляет транспозиция форм настоящего времени в план будущего, имеющая прямое отношение к видовой семантике. Примеры: *Через неделю открывается фестиваль искусств; С нового года переходим на наличный расчет; Завтра решается вопрос о зачислении.* В таком употреблении глаголов НВ действием характеризуется запланированная ситуация. Особый смысл здесь имеют видовые отношения. Глагол НВ синонимичен глаголу СВ (*откроется, перейдем, решится*), который, чаще всего, фиксирует действие в объективном времени как целостный и непроцессный акт, переводящий ситуацию «до» на ситуацию «после»⁷. При этом форма настоящего времени нейтрализует изначальную гипотетичность этого предстоящего акта, свой-

⁷ Глаголы в этом значении мы называем глаголами трансформации; см. [Карпухин 2005].

ственную будущему времени в принципе. У глаголов движения синонимичный глагол СВ может фиксировать действие в начальной точке: *Утром еду в командировку = поеду; Вечером идем в театр = пойдем.*

Как отмечалось в начале и как подтверждает все изложенное, семантика НВ и контекст весьма тесно взаимно обусловлены. Некоторые функции реализуются только в контексте. Так, глаголы, изображающие действия наблюдаемые, сосуществующие, регулярно выступают в определенных условиях в характеристической функции – в значении действия неоднократного, то есть отвлеченно-существующего. Ср.: *Вчера весь день шел дождь – Каждый день шел дождь.* Кроме контекста и категории времени, с видом активно взаимодействуют другие глагольные категории. Например, множественное число глагола-сказуемого (и, соответственно, подлежащего) часто указывает на повторяемость действия, – это, следовательно, характеристическая функция: *Все лето шли дожди.*

Описанные функционально-семантические разновидности НВ не исчерпывают его выразительных возможностей. Особые семантические краски может демонстрировать НВ, например, в непредикативных формах, в императиве, при отрицании, в некоторых синтаксических конструкциях. Одни из этих красок уже показаны в аспектологической литературе, другие еще предстоит показать.

К ВОПРОСУ О ВИДОВЫХ ПАРАХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выделение видовых пар в системе видовых образований сегодня можно признать общепринятым в русской грамматической науке. Тем не менее и в теории видовых пар, и в практике их установления остаётся очень много спорного и противоречивого.

Совершенно неясной, например, представляется семантическая основа данного понятия, при том что она обязательно присутствует в любой интерпретации. Большинство исследователей исходят из общего, или инвариантного значения вида, понимая его как наличие или отсутствие у действия внутреннего предела. Согласно этому пониманию, видовые пары образуются глаголами, различающимися общим (по другой терминологии – грамматическим, или чистовидовым) значением при тождестве их лексического значения. Например: *решил* – нет указания на предел, – несовершенный вид (далее – НВ), *решил* – действие, достигшее предела, – совершенный вид (далее – СВ). Если же два однокоренных глагола различаются между собой не только общим значением вида, но и лексически, то они видовой пары друг с другом не образуют: *решил*, но *разрешил* [Русский 1979: 40; Современный 1964: 143; Современный 1981: 168-169; Маслов 1990: 83]. И.Г. Милославский также связывает вопрос о видовых парах с инвариантным значением вида, хотя и решает его отрицательно: не признавая у категории вида общего значения, он тем самым отвергает и понятие видовой пары [Милославский 1987: 326-327]. С этой, оригинальной позицией пересекается точка зрения М.Я. Гловинской, которая, отвергая, как и И.Г. Милославский, существование у вида семантического инварианта, признаёт существование видовых пар [Гловинская 1982]. Следовательно, понятие видовой пары оценивается М.Я. Гловинской как одно из частных проявлений вида.

Ещё одна точка зрения изложена в Русской грамматике (автор раздела – Н.С. Авилова) [Русская 1980: 583-584]. Здесь общим видовым значением объединяются все глаголы без исключения;

для видовых пар же выделяется более узкое, по существу тоже частное значение вида. Общее значение формулируется в Русской грамматике как отношение действия к внутреннему пределу: у СВ это отношение выражено, у НВ – не выражено. Понятие внутреннего предела включает ограничение действия начальной или конечной границей (*заговорить, побелить*), одним актом (*прыгнуть*), временным отрезком (*полежать*), – примеры из РГ. Для видовых пар из этого широкого понятия внутреннего предела вычленяется значение ограничения действия только конечным пределом. Причём конечный предел понимается как такая критическая точка, по достижении которой действие естественно прекращается, поскольку достигает цели (*написать письмо*) или естественного результата (*растаять*). Соотносительные глаголы НВ обозначают соответственно действия, стремящиеся к цели (*писать письмо*), или произвольное изменение состояния, предполагающее определённый результат (*таять*). Глаголы, выражающие окончание действия, не направленного к цели или результату, в видовую пару не входят, например не являются парными глаголы *шуметь – отшуметь*. Такова концепция Русской грамматики. Аналогичной позиции придерживаются также некоторые другие учёные.

Отсутствие единого подхода к обоснованию понятия видовой соотносительности порождает большой разноряд в практике установления видовых пар. Например, глагол *крикнуть* Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов считают парным к глаголу *кричать* [Современный 1981: 171]. Эту точку зрения разделяет В.В. Цапкевич (автор раздела) [Валгина 1962: 219]. Данная оценка, естественно, распространяется и на другие глаголы соответствующей модели. В Русской грамматике одноактные глаголы с суффиксом *-ну-* квалифицируются как одновидовые, непарные [Русская 1980: 595]. То же находим у К.В. Горшковой (автора раздела) [Современный 1964: 145]. Глаголы со значением изменения состояния и достижения определённой точки в этом изменении, типа: *беднеть – обеднеть, слепнуть – ослепнуть, бледнеть – побледнеть* и т.д. Русская грамматика причисляет к парным [Русская 1980: 587], проф. А.В. Исаченко – к непарным [Исаченко 1960: 159-175]. Далее. Значение начала действия, выражаемое приставками *по-, за-* и др., подавляющее большинство учёных относят не к чистовидовому, а к словообразовательному типу; то есть глаголы *играть – заиграть* и

подобные не признаются парными. Но существует и противоположная точка зрения. Например, автор «Морфологии современного русского языка» М.Ф. Лукин пишет: «Одни приставки изменяют только грамматическое, видовое значение, сохраняя при этом лексическое значение. Таковы, напр., приставки: *за-, у-...*: *хромать – захромать, нести – унести...*» [Лукин 1973: 133]. Существует немало и других противоречивых утверждений, в целом размывающих теорию видовых пар. Например, иногда данное понятие вообще выводят за пределы противопоставления несовершенного и совершенного видов, включая в него соотношение двух глаголов НВ, типа: *нести – ходить, нести – носить, плыть – плавать* и т.п. [Сборник 1977: 106].

Следует особо сказать относительно значения многократности действия. В литературе вообще отсутствует чёткая интерпретация этого понятия по отношению к категории вида вообще и видовым парам, в частности. В результате, во-первых, понятие многократного действия расплывается в ряду более или менее близких понятий: многоактное действие, неоднократное, повторяющееся, сложное, прерывистое, членимое, множественное и т.д. Во-вторых, этим, размытым, значением грамматисты объединяют различные группы одновидовых (непарных!) глаголов, причём обоих видов. Например, НВ: *возить, носить; хаживать; перемигиваться* и др.; СВ: *наварить* (варенья); *переболеть* (всеми болезнями) и т.п. В-третьих, едва ли не любой глагол НВ, который определяется в литературе как парный, может в конкретном употреблении называть многократное действие. Вот примеры парных глаголов из Русской грамматики, взятые наугад: *приземлять, подытоживать, задерживать, кормить, солить, читать* и т.д. – все они легко сочетаются со словами *часто, всегда* и под. В то же время при характеристике общего значения НВ признак многократности действия или не упоминаются вообще, или включается в неё как нечто попутное, дополнительное к таким признакам, как длительность, процессность, непрерывность, неограниченность. При этом как будто не замечается, что соотношение дефиниций: «действие в его течении – действие, достигшее предела» – отнюдь не тождественно соотношению понятий «многократность – однократность действия». Ср.: *писал письмо другу – написал письмо другу*, но: *часто писал другу – часто (?) написал другу*. Что же касается Русской грамматики, то в ней соотношение «однократность

– многократность действия» рассматривается не в плане категориальной семантики вида, а в качестве типов употребления обоих видов [Русская 1980: 604-610] (автор раздела – А.В. Бондарко). Такая позиция мало что проясняет, поскольку неубедительна: указанное соотношение, как правило, связывается с противопоставлением видов, а не с употреблением каждого из них; случаи выражения совершенным видом повторяющегося действия, типа: *Он иногда как скажет...* – скорее, аномалия, чем типичное свойство.

Таким образом, сегодня мы должны констатировать, что теория видовых пар в русской грамматике не имеет сколько-нибудь определённого решения. Пожалуй, единственное в обсуждаемой проблеме, что ни у кого не вызывает сомнений и на чём обычно базируется практика установления видовых пар, – это корреляция следующих значений: действие в его течении (НВ) – завершённость действия (СВ). Вопрос, однако, заключается в том, какое место занимает именно эта корреляция и в системе глагола, и в речи.

Между тем в современной русистике понятия видовой пары уверенно ставится в центр системы видовых противопоставлений – как в количественном, так и в качественном отношении. Почти все авторы говорят о том, что глаголы, образующие видовые пары, составляют «большую часть», «большинство», «подавляющее большинство», «основу» глагольной лексики. С качественной стороны видовые пары часто оцениваются как «системная категориальная черта вида». [Русская 1980: 583].

Одним из недостатков теории видовых пар является, на наш взгляд, отсутствие систематического фронтального исследования глагольной лексики в её отношении к данному понятию. Без такого исследования оценки типа «большинство глаголов» остаются неопределёнными и декларативными. В наиболее полном описании – в Русской грамматике – приводится около 200 пар, выбранных авторами, понятно, произвольно, по усмотрению. В других же описаниях теории – как исследовательского, так и учебного характера – авторы оперируют небольшим количеством в основном одних и тех же примеров, ставших тривиальными, типа *решать – решить, делать – сделать* и т.п.

Однако главная причина ущербности бытующей теории видовых пар видится в другом. Понятие видовой пары соотносится почти исключительно с планом языка, но не речи. Как только ис-

следователь берётся за функциональный аспект, так понятие видовой пары начинает распадаться. Это не случайно. В речи сплошь и рядом реализуется не те значения глаголов, которыми исследователь иллюстрирует видовые пары в языке. Особенно это относится к глаголам НВ, способным регулярно выражать то процессность, то многократность действия.

В настоящей статье предпринимается попытка выяснить объективное место видовых пар в системе видовых противопоставлений в плане не только языка, но и речи, а также сопоставить эти позиции.¹ Для того, чтобы непредвзято и максимально объективно оценить место видовых пар в системе глагола, необязательно просчитывать все 37 тысяч русских глаголов [Обратный 1974: 940], (тем более это физически невозможно сделать в плане употребления всех глаголов). Но это можно сделать на достаточно репрезентативной выборке.

Такая выборка составила 274 глагола. Она получена из Обратного словаря русского языка (указанного в предыдущем абзаце), в котором глаголы идут почти сплошным массивом – с 569 по 885 страницу. Разрывают этот массив лишь существительные на –*ость* (*успеваемость*) – на 33 страницах – и редкие вкрапления других неглагольных слов. Выборку составили первые глаголы с каждой страницы указанной зоны Словаря, если они имели пометы: *нсв, св, одн, мгн*. Исключались глаголы с пометой *двв* (*аннексировать*), а также глаголы, которые имеют разные пометы по разным источникам, например *аргументировать* по БАС [Словарь 1948-1964] – НВ, по МАС [Словарь 1957-1961] – ДВВ. Но тех и других оказались единицы. В итоге, повторяем, получилось 274 глагола обоих видов – примерно в равном соотношении: 133 – НВ, 141 – СВ.

¹ В этой статье рассматриваются только видовые пары, образованные способом имперфективации, тогда как чрезвычайно запутанный вопрос о префиксальном способе образования парных глаголов СВ здесь не затрагивается. Дело в том, что интерпретация всех глаголов, приводимых в статье, как парных, принадлежит не автору статьи, а Большому академическому словарю (БАС) [Словарь 1950-1965]. Перфективация же, как средство образования видовой корреляции, в структуре данного Словаря (как, впрочем, и в других толковых словарях) не отражена.

Поскольку эта выборка абсолютно произвольна, составлена по принципу, исключающему субъективизм, она, на наш взгляд, достоверно отражает общую картину глагольной лексики в современном русском языке, обобщённую в Обратном словаре по четырём важнейшим толковым словарям: БАС, МАС, Д.Н.Ушакова, С.И.Ожегова. Например, естествен для языка в целом разброс такого показателя выборки, как частота употребления: по данным Частотного словаря русского языка под редакцией Л.Н. Засориной [Частотный 1977], она колеблется от 100 и более употреблений (*получиться, уехать, бросать*) до 0, то есть в Частотный словарь слово не вошло, (*выкрошить, кучерявиться, удорожаться*). Иногда встречаются в выборке и глаголы явно редкие по употреблению: *бивуакировать, похотеться, проконсультировать* (быть проконсулом) и т.д. Одним словом, состав данной выборки принципиально отличается от состава глаголов, на которые обычно опираются авторы аспектологических трудов.

Какую же часть выборки составляют глаголы, имеющие (по данным БАС) парные глаголы противоположного вида? Таких глаголов обоих видов из общего количества 274 – 161 глагол, то есть 59%. По видам: НСВ из 133 – 77, СВ из 141 – 84, – соотношение примерно аналогичное. Таким образом, оценки доли видовых пар типа «большинство» здесь ещё оправданы, как для всей выборки, так и по каждому виду.

Впрочем, это «большинство» уже в плане языка нельзя считать устойчивым, поскольку в словаре (в данном случае БАС), то есть в языковом инвентаре, видовая корреляция для многих глаголов фиксируется с различными ограничениями. Речь идёт о многозначных глаголах, у которых видовая парность отмечается не для всех значений, а только для части их них. Например, глагол *топать* имеет парный глагол *топнуть*, но у просторечного глагола *топать* в значении «идти, передвигаться» совершенного вида нет. Ещё: *омывать – омыть* лицо, но река *омывает* город (СВ нет).

Всего таких частичнопарных глаголов в нашей выборке 35. Вычитаем это число из общего количества парных глаголов: 161 – 35 = 126 – получаем уже 46%, так сказать, цельнопарных глаголов. Для наглядности изобразим это на диаграмме (рис.1).

Рис. 1

Такая картина получается в плане языка.

Чтобы выяснить удельный вес парных глаголов в речи, надо не только учесть при этом отдельные значения многозначных глаголов, фиксируемые словарём, – гораздо важнее здесь установить то, что словарём не фиксируется, а именно: как часто реализуются в тексте те видовые значения, которые составляют общепризнанную семантическую базу видовых пар: процесс действия – завершение действия.

Покажем на сравнении с этим базовым значением видовой парности значения, которые не укладываются в его прокрустово ложе (табл.).

Таблица

Соотношение «процесс – завершение»	Соотношение других значений
<i>Вчера я целый день сокращал пьесу. – Я сократил пьесу до 14 картин, и она была принята.</i>	<i>Привалы почти всегда сокращали. – Мы сократили привал. (Многokратность – однократность).</i>
<i>Он постепенно бросает курить. – Он наконец бросил курить.</i>	<i>Деревья бросали на степь исполинские тени. – Настал вечер, и деревья бросили на степь исполинские тени. (НВ – состояние, СВ – переход от отсутствия к наличию состояния)</i>

<p><i>Я погубал</i> в её глазах. – Я окончательно погиб в её глазах.</p>	<p>– В самом расцвете сил Пушкин погибает от пули клеветника. – Погиб поэт, невольник чести. (Оба вида выражают переход от одного состояния к другому, от жизни к смерти).</p>
<p>Освободят Родину. – Освободить Родину.</p>	<p><i>Я освобождаю</i> тебя от необходимости притворяться и лгать. – <i>Расставшись</i>, они оба освободили друг друга. (НВ выражает перформатив: значение глагола реализуется его употреблением; данное значение свойственно только формам 1 л. наст. вр. СВ выражает переход от одного состояния к другому).</p>
<p>В это время диктор сообщал прогноз погоды. – Диктор только что сообщил прогноз погоды.</p>	<p>В своей статье автор сообщает, что популяция тигров резко сократилась. – Журналист сообщил в министерство... (Глагол НВ можно истолковать как «несовершенный изложения»: <i>сообщает</i> – значит, содержится в данном тексте. СВ называет конкретное одноактное действие).</p>

В речи встречается немало и других видовых оттенков, выражаемых так называемыми парными глаголами, но не умещаемых в схему «процесс – завершение».

В каком же количественном соотношении реализуются в тексте парными глаголами соотносительные (процесс – завершение) и несоотносительные значения? Для анализа из выборки были извлечены две порции (субвыборки) по десять глаголов обоих видов, парность которых установлена в БАС, – 10 самых частотных глаголов и 10 с нулевой частотностью. Первая десятка: *бросать*, *выдумать*, *освободать*, *отличать*, *получиться*, *пробиваться*, *проговорить*, *сократить*, *раздумывать*, *уехать*; вторая десятка: *вымесить*, *заляпаться*, *искамливать*, *нафабрить*, *погннуть*, *привнест*, *проспиртовываться*, *сгружать*, *убелить*, *устыждать*. В качестве текстового материала к этим глаголам взяты иллюстра-

ции из БАС. Причём иллюстрации материала брались не только для глагола выборки, но и для соответствующего парного глагола. Исключались из материала фразеологически связанные употребления и употребления в причастных и деепричастных формах. Весь собранный материал был расписан по целому ряду видовых значений, часть из которых была продемонстрирована выше. После этого нетрудно было посчитать, что в тексте встречается чаще: 1) употребления, на которых базируется понятие видовой пары, или 2) употребления, выводимые за рамки этого понятия. Получились такие цифры (по обеим десяткам): первых – 20; вторых – 196. В диаграмме (рис. 2) соотносительные и несоотносительные значения выглядят так:

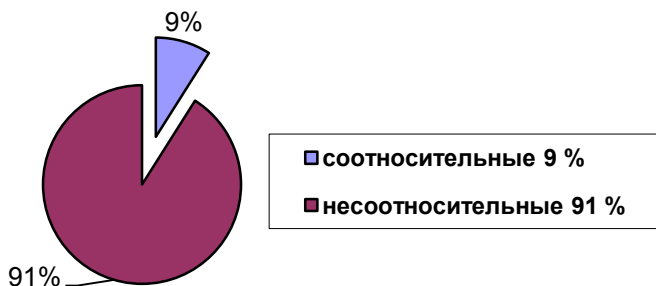

Рис. 2

Для контроля была проанализирована аналогичным образом ещё одна порция в 10 парных глаголов – из Русской грамматики, взятых сначала и подряд (из раздела о глагольном виде) [Русская 1980: 583 - 588]: *переписывать*, *вписывать*, *приготавливать*, *воспитывать* и др. Получилось: соотносительных употреблений – 42; несоотносительных – 227. Разрыв сократился, но незначительно – 18% против 82%.

Вывод: Для разграничения парных и непарных по виду глаголов в русском языке нет достаточных оснований. Тем более неоправданно ставить понятие парности в центр видовой оппозиции.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ШКОЛЕ*

Привычный статус глагольного вида как морфологической категории сегодня сильно заслоняет ее текстообразующую роль и в теории, и в методике преподавания. По-видимому, во избежание этого перекося А. В. Бондарко, выбирая общее название речевых вариантов видов, замечает: «...термин ”частное видовое значение“ может наталкивать на мысль, что такие значения выражаются только видом глагола. На самом деле эти значения выражаются с участием вида, но не самим по себе видом глагола. Поэтому целесообразно разграничивать категориальные грамматические значения видов и типы их употребления» [Русская 1980: 605] (Разрядка наша. – С. К.).

Однако недооценка речевого, функционального фактора в изучении глагольного вида прежде всего отрицательно сказалась именно на понимании его категориального, инвариантного значения. В истории русской аспектологии известны многочисленные теории, которые инвариантное значение вида выводят из временной характеристики самого действия, выраженного глаголами совершенного и несовершенного видов (далее СВ и НВ). А поскольку каждый из видов размещает действие в объективном времени весьма разнообразно, то к настоящему времени накопилось немало трактовок, претендующих на роль семантического инварианта. Он, например, определяется как противопоставление действий краткого и длительного, завершенного и длящегося, однократного и повторяющегося, предельного и неограниченного, целостного и членимого, монолитного и дискретного и т.д. Но фактически все перечисленные и ряд подобных дефиниций характеризуют лишь частные группы глаголов. С другой стороны, среди них нет ни одной, жестко связанной только с одним из видов. Например, значение длительности действия может выражаться (с участием контекста) не только глаголом НВ, но и СВ: *Всю жизнь прожил в деревне*; а глаголы НВ

* См. более раннюю публикацию на эту тему [Карпухин 2009: 39-42].

нередко называют действия краткие: *Ты сегодня пил лекарство?* Многократность действия от глагола НВ легко переходит на производный глагол СВ: *Спрашивал соседей... → Поспрашивал соседей...* И т.д. Поэтому ни одна из упомянутых оппозиций не получила широкого признания в качестве видового семантического инварианта в современной аспектологии. Тем не менее в преподавании категории вида многие из них применяются до сих пор. Приведем пример семантической интерпретации видового противопоставления в школьном учебнике для V класса [Русский 2000: 226]. Сначала учащимся предлагается прочесть два текста:

1. *И попугай стал учить удава делать зарядку для хвоста. Это была удивительная зарядка. Удавий хвост быстро-быстро крутился справа налево. И скручивался как пружина, и взлетал вверх, и со всей силой шлепал по земле. И опять взлетал. И снова шлепал.* (Г. Остер).

2. *Наступил час рассвета... Это повлекло за собой целый ряд новых звуков и картин. Ранний хряблец-автомобиль фыркнул в ближнем дворе. Донесся протяжный гудок отдаленного завода. Хлопнула форточка.* (По Ю. Казакову). (Выделение глаголов наше. – С.К.).

Затем следует задание: «Определите, в каком тексте глаголы указывают на длительное, незавершенное действие, а в каком – на действие, уже совершившееся». Вопрос, как видим, ставится о принципиальном семантическом различии видов. Но если ученики и дадут верный ответ на него, это отнюдь не будет означать его осмысленность: ответ нетрудно угадать хотя бы по параллельному расположению текстов и семантических дефиниций в задании.

Вместе с тем большинство глаголов в обоих текстах настолько очевидно не укладывается в «прокрустово ложе» задания, что это расхождение вполне доступно языковому опыту пятиклассника и легко может запутать его. Обратим внимание на форму существительного *действие*, дважды употребленного в задании. Что означает здесь ед. число? Ведь глаголов в каждом тексте по несколько! Если, во-первых, подразумевается обобщенное восприятие изображаемой картины, то в первом тексте эта картина, действительно, не завершена. Но как тогда согласиться с тем, что во втором тексте предлагаемая учащемуся картина «завершена», что *хлопнувшая форточка* завершила «целый ряд» утренних звуков! К тому же и по длительности обе картины вовсе не проти-

вопоставлены друг другу. А если, во-вторых, форма *действие* употреблена в дистрибутивном значении, т.е. относится к каждому глаголу в отдельности, то действия в первом тексте (начиная с *крутился*) воспринимаются скорее как повторяющиеся – по очереди с другими «упражнениями» животного. При этом каждый очередной акт – это явно кратковременное (и, следовательно, законченное) действия: сначала хвост *покрутился* справа налево, потом *скрутился* как пружина, затем *взлетел* и, наконец, *шлепнул* по земле. И уже весь этот «комплекс» (или его часть) повторяется. Таким образом, альтернативный вопрос «законченное или незаконченное действие» по отношению к указанным глаголам оказывается некорректным (примерно так же, как и к глаголу во фразах: *Эти дома строил твой отец; В прошлом году я часто ездил в командировки*).

Невозможно однозначно интерпретировать как совершившиеся и действия, называемые следующими глаголами из второго текста: *наступил, повлекло, донесся*. Так, фраза: *Наступил час рассвета...* по существу может подразумевать не только окончание процесса: *Рассвело*, но его начала: *Стало светать*. Два других глагола начальный компонент действия акцентируют даже более заметно, чем конечный. Ср.:

• *Это повлекло за собой целый ряд новых звуков... – Стали раздаваться новые звуки...*

• *Донесся протяжный гудок... – Послышался (и некоторое время продолжал слышаться) протяжный гудок...*

Далее в учебнике, в связи с образованием видов, вводится еще два признака – однократное и многократное действия. Учащимся предлагается образовать глаголы с этими значениями по образцу: *прыгать* → *прыгнуть*; *закинуть* → *закидывать*. Как видим, эта семантическая оппозиция здесь подана как нечто вспомогательное, попутное или частное. Не упоминается даже термин «многократный». А между прочим, глаголы в проанализированных выше текстах, которыми параграф о категории вида открывается, ярче всего противопоставлены как раз по признакам многократности – однократности действия.

Таким образом, неадекватное и произвольное истолкование семантики категории вида, неясные в этом истолковании формулировки (см. выше о двусмысленности формы существительного *действие*) вряд ли будут способствовать успешному знакомству

учащихся с этой категорией – именно «благодаря» прокомментированному выше материалу и его объяснению в указанном учебнике.

Те же недостатки в той или иной мере свойственны и другим учебным пособиям, и не только для средней, но и для высшей школы; см., например: [Бабайцева 2001: 120-121; Современный 1982: 217]. Можно понять составителей модных ныне сборников тренировочных тестов по русскому языку, в которых вид глагола представлен чисто формально, как, например, деление глаголов по типам спряжения, т. е. без указания семантики данной категории, см.: [Книгина 2003: 38-40]; или в которых глагол описан без категории вида, см.: [Тесты 1999: 157-178].

Основная причина неудовлетворительного преподавания категории вида (тем более – ее изъятия из систематического описания глагола) заключается в отсутствии надежной опоры в теории вида. Между тем на важность заполнения этой лакуны в русской аспектологии для практического изучения русского языка указывали многие отечественные и зарубежные специалисты [Борисова 1997: 146; Караванов 1997: 166-167; Шатуновский 1997: 225-226; Барентсен 1998: 44 и др.].

Приблизительно со второй половины XX в., наряду с традиционным подходом, прослеживается и другой путь поиска семантического инварианта русского глагольного вида. Многие исследователи пытаются обнаружить сущность видового противопоставления не в действии как в таковом, а в его отношении к ситуативному фону, т.е. к тому, что выходит за пределы самого действия [Нурен 1962: 335; Холодович 1963: 17; Сейфулин 1968: 13; Гуревич 1994: 4; Барентсен 1998: 49-53; Шатуновский 2004: 253 и др.]. Мы называем данный подход **двухкомпонентным**, имея в виду учет соотношения действия и ситуации. Другими словами, в поиск семантического инварианта здесь включается контекст, причем не только и не столько внешний, сколько внутренний, имплицитный.

Двухкомпонентный подход лежит в основе семантической концепции русского глагольного вида, разработанной автором настоящей статьи [Карпухин 2002; 2005; 2006]. Суть концепции – в различном отношении обозначенного видами действия к объективному времени, на котором оно осуществляется, и к ситуации, заполняющей его (время). Глаголы СВ обозначают действие, фикс-

сируемое на векторе объективного (природного) времени и тем самым – сопряженное с ситуацией. Глаголы НВ называют действие, не фиксируемое в объективном времени и, следовательно, – отвлеченное от ситуации. Смысл этого различия – двоякое изображение видами действительности: СВ показывает фрагмент действительности в **динамике** чередования действия и ситуативного компонента; НВ показывает действие в его собственном существовании, отвлеченно от ситуации и, следовательно, по сравнению с фиксированным действием, **статично**. Так, фраза *Пошел дождь* динамичнее представляет картину, чем *Идет дождь*, поскольку СВ выражает не только само действие, но и препозитивный ситуативный компонент, который в действие переходит, – отсутствие дождя. Ср. также: *Наконец дождь прошел* – действие переходит в постситуацию; *Дождь покапал и прошел* – преситуация → действие → постситуация. Итак, статичность / динамичность изображения принципиально различают русские виды в целом.

Интересно, что оппозиция статичности / динамичности категории вида наглядно демонстрирует в научной и учебной литературе противоречивость между функциональным (синтагматическим) и морфологическим (парадигматическим) осмыслением семантики вида. Об употреблении цепочек глаголов СВ и НВ в речи (как в приведенных выше текстах из учебника) в Русской грамматике говорится: «...в повествовании с сов. видом связывается элемент динамики, а с несов. видом – статики» [Русская 1980: 605-606]. В то же время вне контекста свойство динамичности нередко приписывается, хотя и в других терминах, глаголам несовершенного вида. Например: «Формы несовершенного вида называют действия длящиеся, развивающиеся, ничем не ограниченные. (Разрядка наша. – С. К). Формы совершенного вида называют действия ограниченные» [Современный 1982: 217]. Логика в подобном осмыслении понятна, но не безупречна: если действие длится – значит, оно развивается, оно динамично; а если действие закончилось, остановилось, то оно, естественно, статично. А как же тогда многочисленные глаголы НВ со значением состояния (*Тыквы лежат под кроватью*), отношения (*Ширина равняется высоте*) и т. п.?

Итак, динамичным или, напротив, статичным делает изображаемый фрагмент действительности не только ряд глаголов од-

ного вида, т.е. внешний контекст. Это имманентное свойство русского глагольного вида, и оно реализуется в речи выражением противоположными видами двоякого отношения действия к ситуативному фону – к внутреннему контексту. В принципе, так же различаются в русском языке переходные и непереходные глаголы: у первых мыслится прямой объект действий, у вторых – нет.

Что касается изучения глагольного вида в средней школе, то, по нашему мнению, для первоначального знакомства основное внимание учащихся следует сосредоточить именно на указанном свойстве этой категории. Внушать же школьникам такие различия видов, как завершенность / незавершенность, краткость / длительность и другие характеристики действия как такового, изолированного от ситуации, по меньшей мере, непродуктивно. Вот некоторые примеры обычных действий, которым приписать такие признаки можно только вопреки здравому смыслу:

- *Заговорить* – ‘кончить говорить’(?), *мигнуть* – ‘кончить мигать’(?);

- *В субботу ходили в театр* – незаконченное действие (?);

- *Двадцать лет отслужил в армии* – краткое действие (?);

- *Шайба влетает в ворота* – длительное действие (?) и т.д.

Если вернуться к текстам из школьного учебника, приведенным выше, то, думается, учащимся был бы понятнее, например, такой вопрос-задание:

«Определите, в каком из этих текстов одни и те же действия повторяются и, значит, изображается однообразная картина, а в каком чередуются разные действия и потому вся картина изменяется». Впрочем, для самого первого знакомства с категорией вида желательно было бы использовать и более показательный текст.

Однако более эффективным для усвоения учащимися свойства статичности /динамичности видов будет, вероятно, упражнение следующего типа:

«Внимательно прочтите следующие предложения. Перепишите их, распределив на группы: а) предложения, в которых говорится, как действие что-то изменило или изменит в происходящем; б) предложения, в которых действия не изменяют изображаемую картину.

1) *Жил старик со своею старухой.* 2) *Завтра пойдем за грибами.* 3) *Я люблю собирать маслята и белые грибы.* 4) *Юра решил*

трудную задачу. 5) Синица вниз головой что-то выбивает клювом из карниза. 6) Старший брат поступил в университет».

Затем ученики должны будут поставить вопросы к выделенным глаголам каждой группы по образцу: «а) Завтра что сделаем? – *Пойдем...* б) Старик что делал? – *Жил...*»

После этого учитель (и/или учебник) связывает эти вопросы и установленные общие функции видов в речи с названиями: а) глаголы совершенного вида, б) глаголы несовершенного вида.

Естественно, предлагаемая цель может быть достигнута и другими приемами и упражнениями. Углубленное же изучение семантики категории вида в русском языке, в том числе функционального варьирования в речи инвариантной оппозиции статики – динамики, очевидно, можно рекомендовать только в старших классах. И здесь также не обойтись без современных аспектологических идей.

О СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ С НАРЕЧИЕМ «НИКОГДА»

Среди многообразных контекстных и грамматических ограничителей употребления глагольных видов интересный случай представляют сочетания видов с наречием *никогда*¹. В форме прошедшего времени с этим наречием сочетаются, как правило, только глаголы несовершенного вида. Например: *Никогда не узнавал знакомых; Никогда не писал писем; Никогда не покупал газет*. Совершенный вид (*не узнал, не написал, не купил*) в подобных сочетаниях невозможен. Без наречия нет и данного ограничения: *Не узнал своих знакомых; Родителям не написал; Газет не купил* и т.п. Указанная особенность распространяется также на некоторые непредикативные формы:

а) причастия прошедшего времени: *Носил никогда не чищенные* (несов. вид, далее – НВ) *сапоги*; ср. без наречия: *Обул не начищенные* (сов. вид, далее – СВ) *сапоги*; *Явился никогда не опаздывавший* (НВ) *ученик*; ср.: *Явился ни разу не опоздавший* (СВ) *ученик*.

б) деепричастия: *Он, не читая* (НВ) *никогда, их [книги] почитал пустой игрушкой*. (Пушкин, Е. О.); ср.: *Не прочитав* (СВ) *ни одного параграфа, пошел на экзамен*.

В других глагольных формах, в которых противопоставляются виды, вид безразличен к наречию *никогда*²:

¹ О многих ограничителях широко известно не только из специальных исследований, но и из учебной вузовской литературы, как-то: фазовые глаголы, формы императива с отрицанием, наречия различной семантики, типа *часто, долго*, однородность сказуемых и т.д. О сочетаемости глаголов с наречием *никогда* никаких упоминаний в литературе автору настоящей работы не встречалось.

² Отдельного изучения, кажется, требуют сочетания *никогда* с независимым инфинитивом: несмотря на значительное количество исследований, посвященных виду инфинитива в различных словосочетаниях [см., напр.: Бойко 1973; Рассудова 1968: 21-24; 1982; Сирота 1964 и др.], конструкции типа: *Никогда не быть тебе капитаном – Никогда не стать тебе капитаном*, по-видимому, еще не были предметом рассмотрения.

а) формы будущего времени: *Он никогда не будет молчать* (НВ). – *Он никогда не смолчит* (СВ).

б) формы сослагательного наклонения: *В глуши забытого селенья я никогда не знала б вас...*(Пушкин, Е. О.) – *Поверьте: моего стыда Вы не узнали б никогда...*(Пушкин, Е. О.).

В императиве с отрицанием, как известно, употребительны только глаголы НВ (кроме значения предостережения), поэтому наречие *никогда* к уже наложенному ограничению ничего не добавляет: *Не пей* (НВ) *сырой воды* – *Никогда не пей* (НВ) *сырой воды*. СВ в обоих случаях невозможен.

Избирательный по отношению к категории вида характер наречия *никогда* подтверждается следующими фактами.

Во-первых, СВ в указанных выше формах в сочетании с наречием *никогда*, встречаясь в речевой практике, воспринимается обычно как явная аномалия. Такие случаи (как, впрочем, и любое несанкционированное действующей нормой замещение видов) нередки, например, в детской речи: *Ты мне никогда не купила куклу* (4 года), или в речи тех, для кого русский язык не является родным: *Вы никогда не почувствовали в своей жизни какое-нибудь разочарование?* (Из телеинтервью Урмаса Отта) и т.д. Некоторые писатели сознательно допускают подобные сочетания, проявляя, видимо, определенную позицию по отношению к нормам литературного языка. Несколько примеров зафиксировано у А.Солженицына: *Всю жизнь мне хотелось играть в теннис и никогда не привелось*³; *...вопрос..., никогда не получивший ответа*⁴ и др.

Во-вторых, рассматриваемое ограничение в употреблении видов обнаруживается в самих истоках современных норм – в языке Пушкина. По данным Словаря языка Пушкина, поэт употребил в своих произведениях наречие *никогда* 286 раз [Словарь 1957: 864]. Из 15 цитат, использованных в статье на это слово, 8 – с формами прошедшего времени и деепричастием. В их числе 7 цитат – с глаголами НВ, одна – с глаголом СВ. Она иллюстрирует в Словаре дополнительный оттенок основного значения наречия, который выделяется специальным указанием: «При глаголе СВ прошедшего времени». Сама цитата: «*Но ни Карамзин, ни Ермола-*

³ Солженицын А. И. Рассказы. М.: Современник, 1990. С. 161.

⁴ Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг // Новый мир. – 1989. – № 8. – С. 10.

ев, ни А.Х.Востоков, ни Ходаковский **никогда не усумнились** в подлинности Песни о полку Игореве». Однако среди иллюстраций, показывающих основное значение наречия *никогда* 'ни в какое время', приводится – будто в противовес менее строгому глаголу СВ – цитата с глаголом того же корня, но НВ: «Обними Жуковско-го за участие, в котором я **никогда не сомневался**». Таким образом, как статистика (7 : 1), так и позиция составителей Словаря отчетливо выражают ограниченность СВ в сочетании с наречием *никогда*. К этому следует добавить, что в общих толковых словарях (МАС, БАС, Даль и др.), при отсутствии дополнительного оттенка, который выделяется в Словаре языка Пушкина, среди иллюстраций нет и цитат с глаголом СВ.

Объяснение рассматриваемой избирательной сочетаемости, очевидно, заключается в семантике как глагольного вида, так и наречия *никогда*.

Семантическая структура наречия *никогда* выявляется с помощью двух рядов, в которые оно входит, – синонимического и словообразовательного. В словообразовательном отношении *никогда* соотносится с другими отрицательными местоименными наречиями: *нигде, никак, никуда* и др. Большинство из них свободно сочетаются с обоими видами в формах прошедшего времени и деепричастий (*нигде не сидился, не присел; нисколько не уставал, не устал; никуда не писал, не написал* и т.д.) Лишь наречие *никак* (в значении «никаким образом») предпочитает НВ (*Тент **никак не натягивался**; Шуруп **никак не шел** в доску* и т.п.), но, в отличие от наречия *никогда*, в принципе допускает сочетания с СВ, например, в ответе на вопрос: *Как он объяснил свое опоздание? – **Никак не объяснил***. Таким образом, в ряду других отрицательных наречий *никогда* выделяется особенностью, имеющей непосредственное отношение к категории вида, – временным семантическим компонентом.

Синонимический ряд к наречию *никогда* составляют, по данным словарей: *вовек, вовеки, ввек, отроду, отродясь, сроду* [Александрова 1969: 286; Словарь 1976: 296]. Словарь З.Е.Александровой отмечает четкую специализацию этих синонимов по сочетаемости с формами глагольного времени: первые три сочетаются только с формами будущего времени, три последних – только с формами прошедшего времени. Таким образом, обращенность характеризуемого действия к вектору будущего или к векто-

ру прошлого, разделяющая эти синонимы, составляет их отличие от доминанты *никогда* (как уже говорилось, наречие *никогда* сочетается с обоими временами глагола). Наречия «прошлого» (*отроду, отродясь, сроду* – именно они нас интересуют в первую очередь) отличаются от доминанты также стилистической сниженностью. Кроме того, они, по нашим наблюдениям, не так жестко связаны с несоверш. видом; ср. в сочетании с СВ: *Сроду не взяла чужой копейки; Отроду не сказал грубого слова.*

Современные толковые словари определяют значение наречия *никогда* формулой ‘ни в какое время’, которая, следовательно, распространяет отрицание на все времена – прошлое, настоящее или будущее. Однако словари не уточняют: отрицает ли наречие действие одновременно в каждой точке вектора объективного времени или только в одной, но в любой его точке? Наблюдения над видовой семантикой глаголов, сочетающихся с наречием *никогда*, показывают, что оно может отрицать и то, и другое. Так, глаголы, обозначающие длящиеся или повторяющиеся действия, состояния, актуализируют в наречии первую сему – синхронное отрицание всех точек вектора объективного времени, в котором действие могло бы происходить. Например: *Нет! Никогда я зависти не знал* (Пушк. Моцарт и Сальери); *Такого взгляда уж никогда я не встречал* (Пушк. Каменный гость); *Гимена хлопоты, печали... ему не снились никогда* (Пушк. Е.О.). В этих случаях сочетание *никогда* + глагол с отрицанием имеет антонимическое сочетание с наречием *всегда*, а также *часто, нередко* и под.: *всегда знал* (т.е. испытывал) *зависть*; *всегда встречал этот взгляд*; *нередко снились хлопоты...* Невозможность здесь глаголов СВ вполне прозрачна, так как выражение процессности и многоактности, не осложненных другими видовыми значениями, – исключительное свойство НВ. СВ здесь не допускается в силу множественности отрицаемых точек временного вектора и одновременно в силу специфики семантики СВ, фиксирующего и м е н н о р а з о в ы й переход действия к постпозиции (недопустимо: *Никогда я зависти не узнал; Ему никогда не приснились хлопоты* и т.п.). Однако наречие *никогда* свободно сочетается и с глаголами НВ иной семантики – одновременно свойственной и глаголу СВ: отрицание действия в одной из точек временного вектора, причем любой. Один из персонажей поэмы Пушкина «Цыганы», рассказывая о сердечной драме, которую он пережил в молодости, когда

его покинула возлюбленная, говорит: «... с этих пор *Постыли мне все девы мира; ... Меж ими **никогда** мой взор **Не выбирал** себе подруги, И одинокие досуги Уже ни с кем я не делил*». Глагол с отрицанием *не выбирал* означает здесь не процесс и не множественное действие, а единичное фиксированное действие с акцентом на постпозицию, то есть на результат – иначе не было смысла отрицать в дальнейшем совместные досуги. Не годится истолкование этого глагола многоразовым действием – оно явно не соответствует характеру героя. Одним словом, сочетание *никогда не выбирал* в приведенной цитате следует понимать как: *так и не выбрал себе подругу жизни*. То есть в глаголе НВ сохраняется перфектное значение. Приведем еще один пример перфектного значения у глагола НВ – из стихотворения Пушкина «Послание цензору»:

*Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И, право, **никогда** искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса **не лишал**.*

Общий, контекстный смысл последних строк строфы понятен читателю: настоящий творческий порыв не может пресечь никакой критик или цензор. Но этот смысл вытекает из другого, промежуточного смысла, а тот, в свою очередь, базируется на начальном, прямом значении. Выражение «*излишней пылкости не лишал*» у Пушкина аллегорически означает стерилизацию, то есть лишение животного способности к оплодотворению. Следовательно, единичный и результативный характер действия *лишать* в данном случае очевиден.

Итак, в обоих только что разобранных примерах в наречии *никогда* реализуется вторая из двух выделенных выше сем: наречие отрицает действие не во всех точках временного вектора сразу, а только в одной из них, но в любой. Естественно, в этом значении наречие *никогда* уже не будет антонимично наречию *всегда*, нельзя сказать: *всегда лишал пылкости коня, а всегда выбирал подругу* – будет уже о другом – множественном действии. Ср. также: *Но он к заботам жизни бедной Привыкнуть **никогда не мог*** (Пушкин, Цыганы) и антонимический вариант: *...привыкнуть **всегда мог** (?)*. Вторая сема (отрицание действия в одной точке) обнаруживается также при следующей трансформации: *Но он к заботам жизни бедной привыкнуть **так и не смог***. Как видим, глагол НВ

можно заменить глаголом СВ без наречия *никогда* при выражении единичного действия. Прделаем ту же операцию с приведенным выше примером на первую сему (множественность действия): *Гимена хлопоты, печали... ему не снились никогда - ...ему так и не приснились*. Соотносительность нарушена: множественность превратилась в единичность. И, наконец, еще одна трансформация, подтверждающая установленное различие в семантической структуре наречия *никогда* – его замена синонимичным выражением *ни разу*. Сема множественности допускает такую замену: *Гимена хлопоты, печали ему ни разу не приснились*. Сема единичности – нет: *Но он к заботам жизни бедной привыкнуть ни разу не смог (?)*.

Таким образом, корреляцию единичности / множественности действия, составляющую одно из типичных сопутствующих значений видового противопоставления, при наречии *никогда* берет на себя НВ, который вытесняет здесь тем самым СВ. Объяснение этого явления, как представляется, заключается в интерпретации общего значения вида. СВ обозначает действие, фиксированное на векторе объективного (не грамматического) времени, то есть связанное в определенной точке этого вектора с ситуацией, с событийным фоном. В конкретности связывающей точки – все дело: она в принципе неподвижна относительно других точек этого же вектора и определяется календарем, часами, например: *Наполеон умер тогда-то; Очередные выборы состоятся тогда-то*. Наречие же *никогда* предполагает или множественность отрицаемых временных точек (то есть каждую точку, совокупно весь временной вектор), или их альтернативность (любую из точек). Следовательно, уже здесь заложено противоречие между наречием и СВ. Кроме того, конкретная временная точка чаще всего не сама по себе ценна для семантики СВ, а тем, что она представляет собой момент перехода действия к ситуации, включающей результат действия в широком смысле (*выехали из Уфы* – результат в том, что субъект покинул Уфу). Именно поэтому в отрицательной форме СВ отрицает не само действие, а его переход к ситуации (*не узнал, не дождался, не пришел* – не значит: *не узнавал, не дожидался, не шел*). Ср.: *Еще не выехали из Уфы* (то есть *ехали* еще по городу), *как машина сломалась*. Именно поэтому значение конкретного результата или конкретного события, на которые действие переходит, несовместимо с наречием *никогда* с его множественно-альтернативной семантикой. Кстати, если действие слабо

результативно (нет отчетливого результата), то сочетание СВ с наречием *никогда* не воспринимается как аномалия, хотя НВ в подобных, относительно редких случаях, все равно предпочтительнее. Например: *Он никогда не сказал ей «ты»*; ср.: *Он никогда не говорил ей «ты»*.

Из вышеизложенного вытекает, что НВ глагола в определенных формах в конструкциях с наречием *никогда* (а также с некоторыми его синонимами) довольно жестко обусловлен семантикой наречия, противоречащей общему значению СВ. Но считать данную зависимость непререкаемым правилом не приходится из-за не столь уж редких случаев отклонения от указанной закономерности в речевой практике. К ним относится употребление глаголов СВ, не выражающих яркого перехода действия к постситуации (вроде только что приведенного примера). Еще несколько цитат, иллюстрирующих подобное употребление и воспринимаемых как нормальные:

- *И никогда на шепот искушенья Не преклонился я, хоть я не трус* (Пушк. Моцарт и Сальери);

- *...наблюдатель... поразился бледностью его [Райского] лица, каким-то внутренним... неисцелимым страданием, как будто он отроду не улыбнулся* (Гончаров. Обрыв);

- *Но никогда никто из его коллег не поинтересовался его жизнью на пенсии* (Самарская газета, 01.03.94).

Наряду с таким употреблением мы наблюдаем глаголы СВ, выражающие яркий переход действия к постситуации. Высказывания, подобные приведенным ниже, на наш взгляд, должны невольно задерживать восприятие носителя русского языка как аномальные; но вряд ли это будет категоричная оценка типа «так не говорят», «так неправильно». Вот несколько цитат из произведений как писателей-классиков, так и наших современников:

- *До сих пор ни одной копейки я не получил доходу от моих сочинений. ...Никогда еще так несчастливо не случилось мне издать* (Гоголь. Письма);

- *...пальто его и чемодан безвозвратно исчезли [в поезде] и никогда не были найдены* (К.Бальмонт. Очерк жизни Эдгара По);

- *Я никогда не был приглашен ни на какой-либо прием, ни на государственный праздник [в годы правления Ельцина]* (М.Горбачев. Интервью Самарскому телевидению, 23.05.96);

• *Все слабые за сильного держались, И никогда их пальцы не разжались* (Э.Лимонов. Стих. «Саратов», ж. «Эксперт», № 4, 03.02.03);

• *Из сопоставления этих трех фактов следует, что ЦК на этом заседании... принял какое-то решение о дополнительном или проверочном расследовании, которое никогда не было произведено* (Б.Николаевский. Большевистский Центр, ж. «Родина», № 5, 1992).

Общим для подобных конструкций является акцент на большую вероятность благоприятного или неблагоприятного разрешения ситуации в случае осуществления отрицаемого действия, но уже в конкретной временной точке. Этот акцент противоречит семантике наречия *никогда*, отрицающего действие на всем векторе времени – во всех точках сразу или в любой из них. Например, абсурдно звучат антонимичные – утвердительные – трансформы одного из приведенных выше высказываний: *Ваши вещи мы нашли на следующий день и через неделю*; или: *...на следующий день или через неделю*. Другое дело – синонимичное выражение *ни разу*, отрицающее, так же как и *никогда*, действие только в одной и при этом любой из точек прошлого, но, в отличие от *никогда*, вполне узуально сочетающееся с глаголами СВ: *ни разу не был приглашен; пальцы ни разу не разжались* и т.п.

Таким образом, высказывания, подобные процитированным, демонстрируют уступку грамматической нормы в пользу коммуникативной цели, заключающейся в эмоциональной, сложившейся из-за не состоявшегося действия, оценке ситуации ⁵.

⁵ Любопытна позиция компьютерного редактора: в предыдущей группе иллюстраций он подчеркнул, как неправильную, одну цитату из трех (Гончарова); в последней группе подчеркнутыми оказались все пять цитат.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Давно замечено, что русские глагольные виды в отрицательных предложениях ведут себя не так, как в утвердительных. Внешне специфика, собственно, заключается в замене совершенного вида несовершенным, что часто наблюдается при сравнении соотносительных по содержанию текстов:

- *Зачем ты **сказал** соседям про телеграмму? – Я **не говорил**.*
- ***Зайди** на почту. – На почту **не заходи**.*
- ***Вчера позвонил** сын. – **Вчера сын не звонил**.*

Но в результате многих исследований выяснилось и другое: что указанная трансформация отнюдь не является закономерностью для всех отрицательных конструкций; что наряду с обязательной заменой вида, в соответствующей позиции виды нередко конкурируют между собой и что далеко не всегда совершенный вид вообще допускает такую замену – даже при наличии парного коррелята. Например: *Через неделю больной **выздоровеет**.* – *...**не выздоровеет*** – замена совершенного вида невозможна. Установлено также, что при конкуренции каждый вид вносит свои семантические и модальные оттенки. Ср. ответы на вопрос: *Ты **скажешь** соседям про телеграмму?*

*а) – Нет, я **не буду говорить**. Скажи лучше ты.*

*б) – Нет, **не скажу**, и ты не говори.*

Вариант «б» добавляет к отказу «сказать» (вариант «а») модальный оттенок нецелесообразности извещать о телеграмме соседям в силу каких-то известных говорящему причин.

Среди ряда структурно-семантических и модальных факторов жесткого или предпочтительного употребления в отрицательном предложении несовершенного вида вместо совершенного неоднократно ставился вопрос о связи данного явления с семантикой самого вида. К сожалению, все известные нам версии (принадлежащие как отечественным, так и зарубежным русистам) оперируют слишком общими и размытыми дефинициями, чтобы удовлетворительно решить проблему. Так, Т.В.Булыгина связывает за-

мещение вида с нейтрализацией видового противопоставления, реализуемой немаркированным членом оппозиции, т.е. несовершенным видом [Булыгина 1968: 228]. А.В.Бондарко считает, что замена вида при отрицании означает обобщенно-фактическое представление действия, свойственное только несовершенному виду [Русская 1980: 611]. К аналогичному выводу приходит в кандидатской диссертации Йогендра Кумар [Йогендра 1974: 24]. Японский исследователь М.Того в основе трансформации видов усматривает выражение несовершенным видом «мнимого» действия, в противоположность действию реальному, приписываемому совершенному виду [Того 1972: 32]. Другой источник конкуренции видов при отрицании называет Джеймс Форсайт (Англия) – противопоставление значений краткого и длительного отсутствия действия [Forsyth 1970: 116].

На наш взгляд, главный дефицит приведенных интерпретаций заключается в том, что они не выявляют специфику поведения видов именно в отрицательных конструкциях. Дело в том, что и так называемая нейтрализация видов, и упомянутые семантические оппозиции охватывают более широкий круг фактов, проявляются не только в отрицательных, но и в утвердительных высказываниях¹. К тому же ни одна из названных оппозиций не рассматривается сегодня в качестве категориальной основы видового противопоставления: этому препятствуют слишком очевидные факты – высказывания как с утвердительной, так и отрицательной модальностью. Скажем, способность представлять действие обобщенно не является прерогативой несовершенного вида. В определенных контекстах оба вида употребляются в этом значении. Например, в кулинарных рецептах и тот и другой виды называют действия-операции безотносительно ко времени, производителю и ситуации: *Мороженую рыбу предварительно **оттаивают**; для этого ее кладут на некоторое время в холодную воду.* Аналогично – с совершенным видом: *Рыбу **почистить, помыть, посолить и поставить** в духовку...* Ср. оба вида в значении конкретного действия: *Отец **готовил** на ужин рыбу; Отец **почистил рыбу, посолил**...*

Далее изложим свое понимание экспансии несовершенного вида при отрицании.

¹ О нейтрализации видов см., например: [Бондарко 1971: 226-237].

Общая внутренняя мотивация замены вида в отрицательных конструкциях (обязательной или предпочтительной) заключается в семантической структуре видов, отражающей различные отношения обозначаемого ими действия к ситуации. Несовершенный вид называет действие отвлеченно от ситуации, фокусируя внимание на самом действии, т.е. формально эта структура однокомпонентна. Совершенный вид называет действие, сопряженное во времени с ситуацией. Семантическая структура совершенного вида включает два компонента: действие + ситуация; переход от одного компонента к другому и составляет сущность данного вида².

Теперь проследим на формах изъявительного наклонения обоих видов, что, собственно, они утверждают и что отрицают. Несовершенный вид:

• *Витя долго **решил** у доски задачу.* – Утверждается процесс, но не его переход в ситуацию (результат). Ср.:

• *Вчера мы эту задачу **не решили**.* – Отрицается процесс, из чего само собой вытекает и отсутствие результата.

Совершенный вид:

• *Витя быстро (наконец-то) **решил** задачу.* – Утверждается и самый процесс и его переход к результату (ситуации). Ср.:

• *Витя (так и) **не решил** задачу.* – Отрицается переход от процесса к ситуации, но не самый процесс; т.е. субъект действовал, но результата не достиг.

Эти сравнения показывают, что у несовершенного вида его содержание исчерпывающе охватывается отрицанием ('действия не было'), а у совершенного вида – только один компонент: переход от действия к постситуации; тогда как предшествующий процесс не отрицается. Именно на этом семантическом соотношении построен афоризм, высказанный однажды бывшим министром иностранных дел России Е.Примаковым: *Искусство дипломатии состоит в том, чтобы говорить, но не сказать.* (Телепрограмма «Время», 11.03.96).

Но что же мешает совершенному виду выступать в отрицательных конструкциях, в которых он меняется на несовершенный вид – обязательно или предпочтительно? Рассмотрим глаголы в диалоге:

² Подробнее о семантике вида см. в наших статьях: [Карпухин 2002: 65-69; 2005: 81-86; 2006: 63-69].

• *Ты взял мой циркуль? – Нет, я не брал.*

Оба глагола здесь означают действие не длящееся, не процессное, следовательно нечленимое: это действие, посредством которого ситуация «до» переводится в ситуацию «после» ('циркуль у субъекта А' → 'циркуль у субъекта Б'). И таким образом, здесь «не получается» отрицать момент смены ситуаций, не отрицая самого действия; ср. искусственное: *Брал, брал циркуль, но так и не взял.* А раз так, то логичнее и понятнее в данном случае отрицать существование самого действия – несовершенным видом, из чего естественно следует отсутствие смены ситуаций. В принципе совершенный вид в ответной реплике с отрицанием не только вполне возможен, но бывает и не заменим. Например: – *Я не взял, а позаимствовал на пять минут.* В таком употреблении не отрицается ни самое действие, ни смена ситуаций, а только уточняется характер этого семантического комплекса. Или: *Ну как, взял ты эту высоту? – Нет, не взял* (в легкой атлетике). Т.е. попытки совершения действия были, но достижение результата не состоялось (как: *Несколько раз принимался за эту задачу, но так и не решил*).

Итак, все дело в неоднородности семантической структуры совершенного вида, в которой сочетаются два компонента – действие и ситуация. Они комбинируются по-разному в зависимости от способа фиксации действия и от лексической семантики глагола – индивидуальной или типовой – и по-разному, соответственно, препятствуют отрицанию формы совершенного вида, стимулируя при этом ее замену несовершенным видом. Рассмотрим эти комбинации по каждому способу фиксации действия³.

Первый способ фиксации действия – начальной точкой: *заскучал, побежал* и т.п. Он означает, что действие следует за пре-ситуацией, которая в принципе детерминирует его, т.е. имплицитно (иногда в контексте) содержит причину, импульс начавшегося действия или предшествующую стадию какого-либо циклического явления (*Восток заалел*) и другие мотивы начавшегося действия (состояния). Замена начинательного глагола несовершенным ви-

³ Описание различных комбинаций действия и ситуации, реализуемых разными способами фиксации действия в объективном времени, содержится в указ. статье «Семантика совершенного вида» [Карпухин 2005: 81-86].

дом особенно наглядно расчленяет его значение на преситуацию-мотив, с одной стороны, и действие, с другой стороны. Ср.: *Кто-то засмеялся. – Не смейтесь!; Класс зашумел. – Не шуметь!; Мальчик заплакал. – Не надо плакать!; А если я забочусь? – Не бойся.* Во всех подобных случаях, как видим, отрицание, осложненное модальным значением, относится только к действию и не распространяется на уже возникшую (или условно возникшую) мотивирующую преситуацию, поскольку она или уже перешла в действие, или потенциально сохраняет эту возможность, даже если не осознается говорящим. (Кстати, именно значением уже зафиксированного перехода преситуации к действию объясняется системное отсутствие у начинательных глаголов вторичных имперфективов – так называемых парных глаголов типа **засмеивался, *зашумливал.* Хотя подобные образования возможны в случае представления ими не процессности указанного перехода, а многократности начатого действия. См. примечание в сноске 4 ниже). Если же возникает необходимость недопущения причины наступления нежелательного действия-следствия, то она заслуживает отдельного выражения: ***Не заболеешь, если не будешь пить холодную воду*** – отдельно предупреждается возникновение причины и, соответственно, отрицается ее переход к негативному действию.

Следующий способ фиксации действия – конечной точкой: *подойти, дочитать, забить* (гвоздь) и др. Замена таких глаголов несовершенным видом в группе рассматриваемых отрицательных предложений означает не доведение действия до конца и соответственно отсутствие его перехода в ожидаемую ситуацию. Таким образом, говорящий отрицает здесь не самое действие, а его переход в ситуацию, которая представляется ему: недопустимой – ***Не подходи! Стрелять буду!***; нежелательной – ***Не забивай гвоздь до конца;*** нецелесообразной – ***Не стоит доедать все;*** рискованной – ***Не смей подплывать к пароходу!***; заключает нарушение технологии – ***Не рекомендуется доводить кофе до кипения*** и т.д.

Третий способ – фиксация действия в условно-относительной точке в его течении: *разговориться, разволноваться, задуматься, заспать* и др. Означают они непровольную глубокую погруженность субъекта в действие-состояние, часто оцениваемую говорящим негативно. Если у таких глаголов имеется вторичный имперфектив, то он легко заменяет СВ в модально-отрицательных

предложениях. Например: *Не засиживайся* за компьютером; *завтра рано вставать*; *Не раскачивай* лодку: *перевернемся*; *Не надо задумываться*: *голова заболит!* Здесь отрицается не самое действие, но и не его переход в ситуацию, как у глаголов предыдущего способа фиксации – конечной точкой, а достижение некоей условной, критической точки в протекании действия, продолжение которого станет чревато нежелательными последствиями. Этот аспектуальный смысл хорошо иллюстрируется народным присловьем: *Ври, ври, да не завирайся.*

Далее рассмотрим глаголы, фиксирующие действие рамочным способом (четвертым по порядку), в их отношении к отрицательным конструкциям с различным модальным значением. Эти глаголы означают процессное действие, занимающее отрезок на векторе объективного времени, ограниченный начальным и конечным пределами: *Землю понашет – попишет* стихи (В.Маяковский); *Утром натаскал* воды, *после обеда испилил* все дрова; *Прошагал* от Бреста до Берлина и т.д. Подобные глаголы в принципе не принимают отрицание, по-видимому, потому, что обозначаемый ими семантический комплекс: препозиция → процесс → постпозиция – складывается в языковом сознании для позитивного отражения действительности. Ср., например, неузualmente высказывания: *Сегодня не посипи* после обеда; *Завтра не надо посидеть* с ребенком. Это, кстати, относится не только к высказываниям с ирреальной модальностью, но действительно и для изъявительного наклонения; нельзя, скажем, считать узualmente: *Они вчера полтора часа не посидели* у ворот. Это все равно, что отрицать уже зафиксированное, то есть состоявшееся, действие (а также содержание речевого действия, как, например, в детском шутовском стихотворении: *А кукушка на суку вдруг сказала «Не куку!»*). Но совершенный вид рамочной конструкции приемлем для выражения в отрицательном предложении другого модального значения, например невозможности осуществления действия: *Завтра тебе уж не поспать* утром; *Теперь здесь не погуляешь*: *все раскопали.*

Глаголы рамочной конструкции, как и начинательные глаголы (см. выше), не знают соотносительности с вторичными имперфективами, которые сохраняли бы семантику ограниченной дли-

тельности и были бы способными заменить исходные перфективы в отрицательных предложениях⁴. Поэтому выразить отказ от побуждения к действию, фиксированному в обеих временных границах, система русского глагола не предусматривает. «Приходится обходиться» исходными имперфективами, которые отрицают только процесс, а не весь аспектуальный комплекс: *Сегодня не спи после обеда; Завтра не надо сидеть с ребенком* и т.п.

Последний (по порядку, но не по значимости) способ фиксации объединяет глаголы нечленимого действия. Аспектуальность этого способа заключается в замене посредством действия ситуации «до» на ситуацию «после».

Смысл замены сов. вида на несов. при отрицании, особенно осложненном яркой модальностью (запрет, недопустимость, нежелательность и т.д.) заключается в следующем. По существу модальность направляется не к действию как таковому, а к изменению через него ситуации. И если это изменение, по мнению говорящего, нежелательно, или недопустимо, или вредно и т.д., то достаточно отменить приводящее к нему действие: *Включи свет – Не включай свет!*; *Через квартал повернуть налево – Налево не поворачивать: там тупик; Надо продать дачу – Не надо продавать дачу.*

Особенно наглядно демонстрируют обусловленность замены вида двухкомпонентной семантикой СВ глаголы произвольного действия человека: *купить, продать, найти, потерять, подарить, проснуться* и т.д., – осложненные специально выраженной модальностью. Замена вида в таких случаях обязательна. Например, в следующих конструкциях:

• Побудительные предложения с императивом: *Полейте огурцы – Не поливайте огурцы; Сходить за хлебом? – Не ходи за хлебом* и т.п.

⁴ У некоторых глаголов рамочной конструкции вторичные имперфективы имеются: *прочитать - прочитывать, пройти – проходить* и др. Есть подобные исключения и у начинательных глаголов: *запеть – запевать, заговорить – заговаривать* и др. Однако значение ограниченной длительности, равно как и начала процесса у них вытесняется значением многократности: *За день прочитывал по пять-шесть статей; Дистанцию обычно проходил быстрее всех; В строю запевал у нас всегда рядовый Приходько.*

• Инфинитивные предложения со значением приказа/запрета: **Встать!** – **Не вставать!**; **Выдать оружие!** – **Оружие не выдавать!** и т.п.

• Конструкции с главным членом (сказуемым), выраженным зависимым инфинитивом и опорным словом с модальным значением: **Надо взять зонтик** – **Не надо брать зонтик**; **Советую вам уйти** – **Не советую вам уходить**; **Я согласен ему помочь** – **Я не согласен ему помогать**; **Решил зайти** – **Решил не заходить** и т.д.

Нечленимыми бывают и речемыслительные действия: *сказать, ответить, сообщить* и т.д. Они также меняют ситуацию «до» на «после», в частности 'информация не передана/не получена' на 'информация передана/получена': *Что ему ответить?* – *Ничего не отвечай*. Побуждение к неосуществлению этого речевого акта призвано не допускать соответствующего изменения ситуации. Еще пример: *Следует прочитать все* 'информацию следует получить полностью' – *Не следует читать все* 'информацию не следует (нецелесообразно) получать полностью'.

Изложенные наблюдения приводят к следующему выводу. Замена совершенного вида несовершенным в отрицательных предложениях – обязательная или приоритетная при конкуренции – объясняется сложной семантической структурой совершенного вида. Она включает два обязательных компонента, сопряженных во времени: действие и ситуацию. При этом каждый из них бывает сложным по составу: у действия (процессного) выделяются фазы, ситуация делится на «до» и «после». Отрицая содержание глагола, языковое сознание «руководствуется» принципом «достаточного и необходимого». Достаточно отрицать – в разных модальных регистрах – действие или какую-либо его фазу (продолжение или завершение), чтобы не возникало необходимости отрицания других аспектуальных компонентов семантики глагола: перехода действия к ситуации, смены ситуаций, развития (обычно нежелательного) самого процесса – то есть компонентов, «отпадающих» сами собой.

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА И ЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ

За последние годы в русской аспектологии наметился новый ракурс – связь категории вида с актуальным членением предложения, см. напр.: [Гуревич 1994: 17-38; 2001: 63-70]. Проблема эта столь же значительна и перспективна, сколь и сложна, и решать ее надо последовательно и основательно. Одним из важнейших формальных элементов актуального членения, как известно, является л о г и ч е с к о е (смысловое) ударение, фокусирующее внимание слушающего на наиболее информативном сегменте высказывания – реме (или на одном из ее компонентов). Эту же функцию выполняют второстепенные логические ударения на частях сложных и осложненных синтаксических конструкций. От логического ударения будем отличать ф р а з о в о е ударение – на конечном компоненте предложения, – а также т а к т о в о е ударение – в конце синтагмы – и, для поэтического текста, р и т м и ч е с к о е ударение – в конце каждого стиха.

Фразовое и логическое ударение в русском языкознании различались не всегда, см. об этом [Николаева 1990: 561]. Хотя, казалось бы, невозможно не замечать просто на слух отнюдь не редкие случаи их несовпадения в пределах конкретного предложения. Ср., например, логическое ударение (на выделенных словах) в придаточной части следующих предложений: *Студенты знают, что читать надо много.* – *Студенты знают, что им читать.* В свою очередь такие случаи однозначно показывают функциональное различие данных видов ударения. Фразовое (и тактовое) ударение, выполняет не смысловую, а формальную – объединительно-разграничительную функцию; ритмическое же ударение в стихах – это атрибут силлабо-тонической техники стихосложения. При совпадении логического ударения с фразовым или ритмическим на конечном слове предложения или стиха эти функции совмещаются, а тональность слова-носителя сложного акцента преобразуется

соответственно¹. Из этих, общих положений мы будем исходить при постановке и первичном решении задачи, заключающейся в следующем:

Логическое ударение разного ранга (по степени сложности акцентуруемой конструкции) прямо или опосредованно подчеркивает в глагольных предложениях действие со стороны видовой семантики. При этом установление связей логического ударения с действием и их трактовку позволяет обосновать наше понимание семантического инварианта категории вида русского глагола. Тезисно это понимание сводится к следующему:

В русском языке глаголы бывают фиксированного (совершенного) и нефиксированного (несовершенного) вида. Нефиксированный вид означает континуальное существование (экзистенцию) действия или явления; фиксированный вид, дискретно размещая действие или явление в континууме, показывает их в развитии ситуации, диалектически. Подробнее см.: [Карпухин 2002: 65-69; 2004а: 101-107; 2007: 100-102].

Для исследования связи логического ударения с действием в настоящей работе к анализу привлекается в основном стихотворная речь – удобная в том смысле, что ее ритмическая организация снижает вероятность разночтений в отношении логических акцентов, хотя и не исключает полностью.

Прямое акцентирование действия выражается смысловым ударением на самом глаголе; опосредованное – на неглагольных сегментах, от которых, как от нервных окончаний к мозгу, информация идет к глаголу. Например: *Я **памятник** себе **воздвиг** **нерукотворный**, / К нему **не зарастет** народная тропа...* (Акцентуруемые слова выделяются полужирным шрифтом). По нашей концепции, фиксированный (совершенный) вид, называя действие, одновременно указывает на переход действия к ситуации и/или наоборот, что и придает динамичность изображаемому фрагменту действительности. Поэтому логическое ударение на глаголе прямо подчеркивает утверждение или отрицание э т о г о п е р е х о д а ,

¹ Впрочем, описание того, как именно акустически меняется сложный акцент, невозможно без специального, инструментального исследования, – зато возможна его содержательная интерпретация – методом контекстного анализа. Подобный опыт анализа поэтического текста см.: [Карпухин 2016: 46, 49].

но не самого действия. Так, в приведенных стихах Пушкина отрицается не само действие (тропа, возможно, и будет зарастать), а именно его переход к ситуации (тропа не будет заросшей). В первом же стихе логическое ударение актуализирует дополнение *памятник*, то есть ситуацию, переход к которой действия *воздвиг* – событие неординарное (себе памятники не воздвигают), следовательно, заслуживающее особого внимания, – это опосредованная характеристика действия.

Нефиксированный (несовершенный) вид называет экзистенциональное действие – действие в его существовании. Возьмем следующий фрагмент из сказки А.С.Пушкина «Сказка о мертвой царевне...»: *Старший молвил: «Что за диво! / Все так чисто и красиво. / Кто-то терем **прибирал**, / Да **хозяев** поджидал»*. Логический акцент на глаголе *прибирал* означает исчерпывающую квалификацию самим глаголом экзистенционального действия. Выделение голосом какого-либо распространителя глагола сообщает дополнительную, но необходимую квалификацию экзистенциональному действию; в нашем примере *поджидал* кого? – *хозяев*).

Контекстный анализ показывает, что логическое ударение разного ранга способно реализовывать тончайшие смысловые оттенки, соответствующие семантическому инварианту каждого вида. Так, на первый взгляд не различаются по смыслу фразы: *Кто-то терем **прибирал*** – *Кто-то терем **прибрал***, поскольку глаголы обоих видов называют здесь результативное действие. Но глагол фиксированного действия означал бы не просто возникший и сохраняющийся результат, а – изменение ситуации: замену беспорядка порядком. Между тем в ситуации, предшествующей действию, беспорядка не было; выше говорится: *И царевна очутилась / В светлой горнице; кругом / Лавки, крытые ковром, / Под святыми стол дубовый...* Выходит, что мужскому порядку недоставало домашней уютиности, создать который способна только женская рука. Далее. В последнее строке фрагмента *Да **хозяев** поджидал*, полагаем, интонировать следует дополнение. Дело в том, что если логическим ударением выделять здесь сказуемое – так же, как сказуемое в предыдущей синтагме – то, одинаково произносимые, они будут называть два самостоятельных, не связанных друг с другом действия: и *прибирал*, и *поджидал*; тогда как второе действие лишь каузирует первое (естественно, через прямое дополнение *хозяев*, без которого переходный глагол непол-

нозначен). Таким образом, интонирование дополнения *хозяев* призвано дважды опосредованно характеризовать действие *прибирал*: *прибирал* почему? с какой целью? – *поджидая* (1) *хозяев* (2).

Примечательно, что логическим ударением могут выделяться даже компоненты предложения, грамматически не связанные с глаголом-сказуемым, но, тем не менее, характеризующие его видовое значение. Речь идет прежде всего о компонентах, формально зависимых от подлежащего, а по смыслу входящих в состав сказуемого. А.Н.Гвоздев [1961: 74] приводит такой пример: *А иногда он проснется такой добрый, свежий, веселый* (выделение Гвоздева. – С.К.). Автор справедливо считает, что такие компоненты содержат более важную информацию, чем опорный глагол. Действительно, выделенные прилагательные характеризуют особенную постситуацию, на которую перешло действие, – они поэтому и интонируются логическим ударением. В предложении из Пушкинского «Памятника» *Нет, весь я не умру*...логическое ударение не совпадает с фразовым, на сказуемом *умру*: оно актуализирует компонент сказуемого *весь* для подчеркивания исключительности ситуации, в которую перейдет действие *умру*. Опосредованно могут характеризовать действие и компоненты, не только не зависящие от глагола-сказуемого формально, но и не входящие в его состав по смыслу, в отличие от только что прокомментированных случаев, – например подлежащее (см. пример ниже).

Далее. Смысловые акценты, прямо или опосредованно актуализирующие вид глагола-сказуемого, нередко бывают маркированы специализированными средствами. Из них отметим прежде всего некоторые синтаксические маркеры:

а) повторы глагола-сказуемого несовершенного вида всегда выделяются голосом для подчеркивания длительности экзистенциального действия: *Но невеста молодая, / До зари в лесу блуждая, / Между тем все шла да шла*... (А.Пушкин); *Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль*... (А.Блок).

б) при зависимом инфинитиве нефиксированного вида акцентируется опорное отрицательное местоимение или местоименное наречие, указывающие на отсутствие соответствующей субстанции, в силу чего действие представляется как невыполнимое – отрицается самая возможность существования действия: *Нечего вам тут делать; Ехать некуда* и т.п.

в) в сочетании глагола фиксированного вида (в форме будущего времени) с восклицательной частицей *как* акцентируется сам глагол для выражения ситуативной непредсказуемости и внезапности действия, обычно краткого: *Как царица отпрыгнет*, / *Да как ручку замахнет*, / *Да по зеркальцу как хлопнет*, / *Каблучком-то как притопнет!*... (А.Пушкин).

Возможна специализация акцентного выделения видовой семантики средствами других уровней языка, например семантическими. Так, при глаголе фиксированного вида акцентируется субъект действия, если он возникает в момент перехода действия на ситуацию, которая и заключается в наличии возникшего субъекта: *И жених сыскался ей*, / *Королевич Елисей*. Смысл здесь такой: женихом становится тот, на ком действие-поиск останавливается. При глаголе иной семантики тот же субъект может акцентироваться для выражения другого видового оттенка: *Наконец-то приехал сам жених!* или: *Жених приехал!* – в обоих случаях ситуация заключается не в возникновении жениха как такового, а в изменении его местоположения.

Поскольку конечной составляющей смыслового наполнения каждого компонента предложения является контекст достаточного объема, будет правильным проследить за логическим ударением в таких – контекстных – условиях. Для анализа возьмем начало сказки А.С.Пушкина «Сказка о царе Салтане», где выделим только логические акценты, совпадающие или не совпадающие с фразовыми и ритмическими ударениями в конце каждого стиха:

- 1 *Три девицы под окном*
- 2 *Пряли поздно **вечерком**.*
- 3 *«Кабы я была **царица**, –*
- 4 *Говорит одна **девица**, –*
- 5 *То на весь крещеный мир*
- 6 *Приготовила б я **пир**».*
- 7 *– «Кабы **я** была царица, –*
- 8 *Говорит ее **сестрица**, –*
- 9 *То на весь бы мир одна*
- 10 *Наткала я **полотна**».*
- 11 *– «Кабы **я** была царица, –*
- 12 ***Третья** молвила сестрица, –*
- 13 *Я б для батюшки-царя*
- 14 *Родила **богатыря**».*

- 15 *Только вымолвить успела,*
16 *Дверь тихонько заскрыпела,*
17 *И в светлицу входит царь,*
18 *Стороны той государь.*

Итак:

В первом предложении (1 и 2 строки) глагол НВ *пряли* называется квалифицированное действие в его существовании; но логическое ударение стоит на опорном слове обстоятельства времени *поздно* **вечерком**. Этот словесно-интонационный агрегат (сказуемое + обстоятельство) и содержит новую информацию: «коротали вечер за привычным занятием». Другие интонационные варианты маловероятны, например – с логическим ударением на сказуемом *пряли...*, то есть не *вышивали*, не *гадали* и т.п. – возникает неоправданный оттенок специальной, отличной от других видов деятельности, квалификации действия.

Второе предложение (строки 3-6), с прямой речью, состоит из трех предикативных частей.

а) *Кабы я была царица*. Глагольная связка НВ *была* выражает гипотетическое существование признака субъекта: *я – царица*. Отсюда – интонирование данного компонента, выступающего в позиции именной, следовательно – информативной части сказуемого. Вариант с ударением на *я* означал бы противопоставленность субъекта (в данном звании) другому субъекту, оснований к чему предшествующий контекст не дает.

б) – *Говорит одна девица* – авторский текст, вводящий прямую речь, представляет читателю субъекта этого речевого действия (*говорит*) – *девица*, который и выделяется среди других участников беседы логическим ударением (совпадающим здесь и с фразовым, и с ритмическим ударением). Но субъект этот интересен не сам по себе, а тем, что он говорит, то есть тем, что является содержанием этого действия.

Чем эта речь продолжается? См. строки 5 и 6. Последнее слово 6-ой строки *пир* занимает позицию и ритмического и фразового ударения, но оно должно выделяться и по смыслу: *пир* – это та новая ситуация, которая возникла бы в результате действия, выраженного глаголом фиксированного вида *приготовила*.

Следующие два предложения – аналогичные конструкции с прямой речью. Первое из них (7-10 строки) отличается от предыдущего только одним смысловым акцентом – на первой предикативной части: *Кабы я была царица...* Если в предыдущем придаточном условном предложении логически выделяется признак субъекта *царица*, то здесь актуальность переходит на субъект *я*, альтернативный ранее объявленному субъекту – первой девице. Общий смысл этого противопоставления выявляется опять же через глагол НВ *была*: «если бы я, а не кто-либо иной существовала бы в этом качестве и имела бы неограниченные возможности...».

Кроме того, видимо, требует также смыслового (а не только ритмического) акцентирования слова *мир* в строке 5 и *одна* в строке 9 – в качестве логического ударения более низкого ранга (в приведенном отрывке эти слова шрифтом не выделены). Дело в том, оба слова дополнительно характеризуют соответственно действия *приготовила* и *наткала* через небывалую, сказочную ситуацию, на которую действия переходят: *приготовила бы пир* → *на весь крещеный мир*; *наткала бы полотна* → *на весь мир одна*.

Наконец, последнее предложение с прямой речью (11-14 строки) отличается от только что разобранных логическим ударением на определении *третья* – на компоненте, непосредственно не связанном со сказуемым ни грамматически, ни по смыслу. Однако опосредованно и данный логический акцент характеризует действие – он указывает на завершение ряда последовательно действующих субъектов.

Прокомментируем еще одно предложение, также сложное и также состоящее из трех предикативных частей (15-18 строки). В каждой из них логически выделяется последнее слово; значит, смысловый акцент поддерживается и ритмом, и обычной повествовательной (нейтральной) интонацией. Интересны интонация и синтаксическая структура первой части – с инверсивным словосочетанием *вымолвить успела*. Логически здесь выделяется модальный глагол СВ *успела* – для чего, собственно, он и занял позицию после инфинитива. Но этот глагол называет не действие, а лишь авторскую оценку связи действия *вымолвить* с постситуацией. Действия второй и третьей предикативных частей по времени обусловлены действием первой части: *Только вымолвила, дверь закричала и...* Почему же акцентируется оценка действия, а не самое действие? Несомненно потому, что здесь актуализиру-

ется не временная последовательность действий, а иной – нравственный – смысл. Третья сестрица сказала вслух о сокровенном, не предназначенном ни для кого (кроме сестер), тем более царя-батюшки, естественно, не ведая о том, что объект ее фантазии находится за дверью. Отсюда и такая оценка сказочника (благо-нравно переживающего за персонажа!): слава богу, что никто из посторонних ее как будто не слышал.

Непредвиденность последующего действия, вызвавшая эту оценку, выражается логическим выделением глагола *заскрипела* во второй предикативной части. Но это действие, в свою очередь, лишь предваряет главное – и еще более неожиданное событие: *И в светлицу входит царь...* Царь – это субъект действия *входит*. Для чего непродолжительное действие выражено глаголом НВ? В данном случае определения «настоящее историческое», «настоящее живописное» мало что объясняют. Здесь глагольная форма называет действие, в процессе осуществления которого происходит восприятие и узнавание присутствующими объекта. Эту задержку восприятия происходящего вполне оправдывает название объекта – царь. Недостигаемый предмет только что состоявшейся легкой мечтательной беседы вдруг материализуется на глазах у всех! Об этом действительно не скажешь просто: *Вошел царь* и тем более: *Легок на помине*. Вспомним, как иронически обыгрывается сходная ситуация в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»: *Ну царь, ну Иван Грозный... Ну что тут особенного!?* Таким образом, именно компонент *царь* (который вдруг появляется, *входит*) содержит главную информацию всего сложного предложения.

Анализ текста, вроде только что проведенного на фрагменте Пушкинской сказки, в принципе приложим к любым речевым произведениям, в том числе прозаическим. При этом отнюдь не исключаются колебания и расхождения в результатах, полученных разными исследователями при анализе одного и того же материала, – так же, как естественны расхождения у разных читателей в восприятии содержания художественного текста. Тем не менее изложенные предварительные наблюдения позволяют сделать самый общий вывод – о существовании мотивирующей связи вида глагола-сказуемого с логической структурой высказывания. Для более углубленного изучения этой связи необходимо более систематическое исследование.

ОБ ОДНОЙ «НЕПРАВИЛЬНОЙ» ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЕ*

Жемчужной россыпью украшает русская народная речь сказку П.П.Ершова «Конек-горбунок». Сколько мудрости, доброты, а подчас и веселой шутки, иронии, хранит она для нас! Обратим внимание только на одну такую «жемчужину».

После грубых, настойчивых, но безуспешных понуканий старших братьев, пытавшихся отправить Ивана на очередную «вахту» по охране поля, к младшему сыну подошел отец и говорит ему: «*Послушай, Побегай в дозор, Ванюша; Я куплю тебе дубков, Дам гороху и бобов*»¹. Иван без промедления отзывается на этот призыв. Почему? Очевидно, не только из-за обещанных даров, но и потому, что его отношения с отцом совсем иные, чем с братьями. Ласка отца к Ивану в данном случае выразилась как в обращении «Ванюша», так и в императивной форме глагола *побегай*: это не приказ, не повеление, не требование, а – мягкая просьба, увещевание, совет. (Обратим внимание на выделение ударением в глаголе конечного слога – жестко обусловленное ритмом стиха!).

Что же представляет собой эта «незаконная» с точки зрения современной морфологии глагола форма? Она, несомненно, есть результат вторичной имперфективации. Вторичная имперфективация – суффиксальное образование глаголов несовершенного вида (далее – НВ) от приставочных глаголов совершенного вида (далее – СВ) – производных, в свою очередь, от исходных, то есть первичных бесприставочных имперфективов. По этой трехступенчатой схеме в современном русском языке образованы многие глаголы: *есть* → *доест* → *доедать*; *плыть* → *отплыть* → *отплывать*; *бежать* → *прибежать* → *прибегать*; *петь* → *запеть* → *запевать*; *белить* → *забелить* → *забеливать* и т.д. Однако вто-

* Эта статья была написана для научно-популярного издания; однако редакция научно-методического журнала «Русский язык в школе» приняла решение опубликовать ее на своих страницах. См.: РЯШ. – 2007. – № 1. – С. 78-80.

¹ Русская поэзия XIX века. Т. 1 // Библиотека всемирной литературы: В 200 т. Т. 105. М.: Художественная литература, 1974. С. 529-530.

ричные имперфективы невозможны от глаголов СВ, у которых приставка изменяет только вид исходного глагола НВ, но не его лексическое значение (такие соотношения глаголов в русской грамматике называют видовыми парами), например: *делать* → *сделать*, но нет *сделывать*; *петь* → *спеть*, но нет *спевать*; *белить* → *побелить*, но нет *побеливать*. Что же касается глагола *побегай*, то он как раз вписывается в указанную схему на последней ступени: *беги* → *побеги* → *побегай* (в форме инфинитива: *бежать* → *побежать* → *побегать*). Но дело в том, что в нормативных толковых словарях современного русского языка глагол *побегать* отсутствует. Это объясняется общим правилом: приставка *по-* в данном глаголе унаследовала у глагола СВ *побежать* значение начала действия, а «от начинательных глаголов с префиксом *по-* вторичные имперфективы не образуются», – специально для этой приставочной модели оговаривается академическая «Русская грамматика»². Можно, впрочем, отметить «попытки» проникновения подобных образований в литературный, то есть нормативный язык, но при этом так или иначе трансформируется видовая семантика и даже разрушается видовое противопоставление. Например, современные нормативные толковые словари включают глагол *поспешать* – правда, с ограничительными пометами: БАС – «устаревшее, просторечное»; МАС – «разговорное»³. Он, понятно, образован от начинательного глагола *поспешить*, но не сохраняет этого префиксального значения. Ср. толкование этого глагола в БАС: «Спешить, торопиться»; в МАС: «Торопливо, быстро идти, двигаться, спешить». Еще один случай. Форма повелительно-наклонения *поезжай* соотносится по значению с глаголами *поехать* (СВ) и *ехать* (НВ): *поезжай* – то же, что просторечное *езжай*; значит, общее видовое значение у нее оказалось затемненным – ведь неясно, на какой из вопросов для определения вида она отвечает: что сделай? или что делай? К тому же в современном литературном языке она является изолированной – без опорного инфинитива

² [Русская 1980: 597].

³ БАС (Большой академический словарь) – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 10. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР («Наука»), 1960. С. 1512; МАС (Малый академический словарь) – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. Изд. 3-е. М.: Русский язык? 1987. С. 320.

(*поезжать* в нормативных словарях не зафиксирован) и остальных личных форм, в которых системно реализуется видовое противопоставление; ср. неупотребляемые формы: *поезжаю – езжаю, поезжаешь – езжаешь* и т.д.

Итак, форма *побегай* не является литературной (нормативной); все же остальные формы этого глагола: *побегать, побегаю, побегаешь* и др. – вряд ли употребительны и за пределами литературного языка. Форма же *побегай* в народном языке отнюдь не случайна, как не случайно встретилась она и в сказке П.П.Ершова. В тексте она употреблена дважды. Вспомним, как нечестные братья задумали погубить Ивана с целью завладеть его конями: они посылают младшего брата на таинственный свет в поле, надеясь, что он попадет в руки разбойников. Данило усвоил, что только ласковым обращением можно добиться чего-либо от Ивана. «*А послушай, – говорит он, – побега'й-ка, брат Ванюша*». И, конечно, Иван-дурак не почуял в этом братском тоне вероломства...

Самое интересное здесь то, каким образом данная форма оказалась связанной со значением ласкового побуждения, мягкой просьбы? Ведь у «законных» вторичных имперфективов форма повелительного наклонения этого значения не имеет. Даже наоборот – она выражает более категоричное побуждение: *набегай, прекращай, отплывай, запевай* (ср.: *отплыви, запой*). Дело в том, что вследствие несочетаемости значений фиксации начала действия (СВ) и процессности (НВ) они нейтрализуют друг друга. Нейтрализация указанных значений и сделала возможным закрепление формы *побегай* за каким-то третьим значением, в данном случае – значением ослабленного побуждения. У «законных» же вторичных имперфективов, в том числе и с другими начинательными приставками вроде приведенного *запевай*, ситуация иная: они сохраняют основное значение несовершенного вида – процесса в его осуществяемости. При этом НВ противопоставлен совершенному виду всей парадигмой (совокупностью) личных форм: *запеваю – запою, запеваешь – запоешь* и т.д.

Иначе образован аналогичный глагол *поберегать* с формой *поберегай*, встретившиеся в речи другого литературного персонажа и, очевидно, также «заимствованные» автором из русской народной речи. В романе В.Я.Шишкова «Емельян Пугачев» полковник Бибиков говорит молодому офицеру Михельсону, который в одном из боев получил рану:

– *То-то же... Поберегайт* себя надо, дружок. Который тебе год?

– *Девятнадцать скоро.*

– *Юн, юн. Поберегайт* себя-то, на рожон не лезь. Храбрость без ума недорого стоит⁴.

В отличие от глагола *побегай*, префикс в *поберегайт* первоначально – то есть в исходном совершенном виде *побереги* – означает не начало, а ограничение интенсивности или длительности действия. Это значение, как и фиксация начала действия, тоже не сочетается с процессом в его существовании, выражаемым несовершенным видом, но при этом значение ограничения логически однородно значению ослабленности, то есть тоже ограниченности, побуждения. В результате форма *поберегайт* весьма выразительно передает дружеский совет, отеческую заботу старого солдата о юном воине. Параллельно с формой императива здесь употреблен и инфинитив *поберегать*, который в сочетании с наречием *надо* также выражает значение, близкое императиву: необходимость → совет → участие.

Как видим, роль приставки в формировании значения ослабленного побуждения неоднозначна: в одном случае это стало возможным благодаря нейтрализации начинательного значения приставки из-за его несовместимости с общим видовым – процессным – значением; в другом – самая семантика приставки (значение ограничения) способствовала формированию этого побудительного оттенка.

Вероятно, свою роль сыграла модель, по которой производятся вторичные имперфективы, – с суффиксами, оканчивающимися гласным *-а* (*-я*). Судя по материалам Обратного словаря русского языка (М., 1974), глаголы с основой на *-а* (*-я*) образуют самый многочисленный разряд, львиную долю которого составляют глаголы несовершенного вида. По одной из гипотез, эта модель НВ восходит к древнейшим глагольным основам на *-а*, выражавшим в индоевропейском праязыке действие-состояние, то есть статичное действие, противопоставленное действию конкретному, то есть динамичному, выражаемому основами другой структуры и послужившему в ряде славянских языков семантической базой для

⁴ Шишков В.Я. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.: Правда, 1983. С. 56.

формирования СВ. Возможно, данное прототипическое противопоставление (состояние – действие) и нашло дальний отголосок в выражении соответственно оттенков мягкости – резкости побуждения некоторыми формами императива в современном русском языке. Любопытно, что если форма императива (даже, заметим, в пределах одного – несовершенного – вида!) образуется двояко: а) с сохранением основы инфинитива на *-а* б) без этого форманта, – то в первом случае императив с отрицанием выражает более мягкий запрет, чем во втором. Например, одна женщина, вполне образованная, упрекая малолетнего сына, употребила форму по первому способу, хотя и просторечную: **Не брехай, пожалуйста!** Более резкая грамматическая норма *не бреши* здесь явно уступила материнским эмоциям. Ср. безапелляционное требование: *Орион!* (Телекомпания в Самаре) **Не трожь толстушек!** – произведение «заборного» творчества. Литературное *не трогай* было бы менее выразительно.

В заключение хотелось бы посоветовать ценителю русского языка: далеко не всегда надо свысока относиться к народной русской речи с ее разнообразными отклонениями от норм литературного языка. Среди этих отклонений встречаются не только чисто формальные ошибки типа: *километр, кран текет, работаю в заводе* и т.п., – во многих из них содержится бесценное богатство выразительных красок.

РУССКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД КАК ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ БЫТИЯ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ, В КОНТИНУАЛЬНОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ

В русской аспектологии в определениях значения вида чаще всего в качестве ключевого присутствует понятие времени. Именно через это понятие определяет вид в целом А.М.Пешковский: «Вид показывает, как протекает или распределяется действие во времени» [Пешковский 1938: 122] Примерно такие же формулировки предлагали Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов, позднее А.Н.Гвоздев и другие классики русского языкознания. ИмPLICITНО семантический компонент «время» имеется практически во всех дефинициях общего значения каждого вида и в большинстве интерпретаций их многочисленных семантических вариантов – лексикализованных, словообразовательных, контекстных: протекаемость и повторяемость действия; начало, возобновление и завершенность действия; длительность, краткость и мгновенность действия; предел и результат действия; причинно-следственные отношения и перспективность действия, приписываемые иногда совершенному виду; одновременность и последовательность действия и т.д. Однако в арсенале определений, представленном в литературе, нередко встречаются и термины статичной и, на первый взгляд, вневременной семантики: отношение, состояние, суммарность действия и др. Известны здесь также некоторые математические понятия, привлекаемые для объяснения видовой семантики: отрезок прямой, сплошная или пунктирная линия, вектор, точка и т.п. Все «неподвижные» дефиниции в характеристике аспектуальных значений также не случайны, о чем речь будет идти ниже.

В аспектологии давно уже стали различать временное содержание у двух тесно связанных между собой грамматических категорий – вида и времени. Категория времени отражает темпоральную структуру высказывания, в котором время действия, выраженного глаголом-сказуемым, устанавливается относительно какого-либо речевого ориентира, в первую очередь – момента речи, – то есть дейктически. Категория вида русского глагола

выражает восприятие носителем языка реального, то есть абсолютного времени. Но это восприятие опосредовано русскоязычным менталитетом: русские виды или задерживают внимание субъекта речи на наблюдаемом явлении (несов. вид – НВ) или представляют его как одно из необратимой череды событий, изменений (сов. вид – СВ)¹.

Двоюкость восприятия человеком времени, очевидно, свойственна сознанию как таковому и не обязательно связана с наличием в конкретном языке бинарной категории вида. Естественно, что мимо данного свойства сознания не могли пройти и философы. Еще в начале 20 столетия его специально рассматривал, например, английский философ Мак-Таггарт². Суть его рассуждений такова: человек измеряет время по двум шкалам, условно называемым А-ряд и В-ряд. На первой шкале (А-ряд) отмечаются значения типа «вчера – сегодня – завтра», то есть прошлое – настоящее – будущее; на второй (В-ряд) – «раньше чем» или «позже чем». Временная характеристика событий по первой шкале изменчива, относительна: то, что сначала оценивается как «завтра», на следующий день будет уже «сегодня», а еще через день окажется во «вчера». Оценка времени по второй шкале, напротив, неизменна: если событие М произошло раньше, чем событие N, например Иван Грозный умер раньше Петра Первого, то это соотношение останется таким навсегда. Мак-Таггарт полагал, что первая, изменчивая шкала важнее второй для понимания времени, так как именно она отражает изменение материального мира. Поддерживает этот взгляд, оставляя приоритет за А-рядом, наш соотечественник Э.Ф.Караваев, считавший, что если бы время состояло только из В-ряда, то изменений не было бы [Караваев 1970: 93-94]. На мой взгляд, в данном утверждении Мак-Таггарта – Караваева имеет место скрытая подмена понятий, что в результате все ставит с ног на голову. И з м е н я ю щ а я с я характеристика событий с позиции субъекта восприятия (настоящее было будущим и станет прошлым) здесь объявляется причиной изменения материального мира; тогда как временной характеристике событий типа «раньше – позже» отводится несущественная роль потому, что она н е и з -

¹ О статике – динамике в семантике русского глагольного вида см. также: [Карпухин 2002: 65-69].

² См.: [Караваев 1970: 90-100].

меняется в отношении двух конкретных событий и не зависит от субъекта. Получается как у субъективного идеализма: если бы не было человека с его сознанием, то не было бы никаких изменений в мире, да и самого мира тоже. То, что отношение между двумя событиями «раньше – позже» неизменно, – бесспорно, но эта неизменность говорит только об однонаправленности времени и более ни о чем. Само же отношение «раньше – позже», отражая в сознании энный отрезок времени, фактически и означает изменение материального мира, через которое только и можно определить понятие времени³.

Какое отношение имеет этот философский экскурс к русскому глагольному виду? Объяснение находим в интерпретации... польского глагольного вида Э.Кошмидера⁴. Для понимания сущности видового противопоставления Э.Кошмидер привлекает объективную двузначную шкалу восприятия времени, состоящую из прошлого и будущего (ср. шкалу «раньше – позже»), а не субъективную трехзначную. В его концепции объективное (а не грамматическое) время воспринимается сознанием также двойко: человек или двигается синхронно с временем и, следовательно, с событиями, и тогда воспринимает действия-события в статике, покое; или как бы пропускает его мимо себя, и тогда наблюдает проходящие мимо него действия-события в движении, в динамике. Первый аспект Э.Кошмидер называет «направительной отнесенностью из прошлого в будущее» и считает выражением его в языке несовершенство. Второй аспект – «направительной отнесенностью из будущего в прошлое», которую реализует категория совершенности.

Если не слишком буквально понимать формулы Кошмидера – как отраженное в категории вида производное перемещение субъекта во времени вперед – к будущему и особенно назад – в прошлое (поскольку машина времени еще не изобретена), то по сути эта идея представляется весьма плодотворной, и не только для польских, но и для русских глаголов. Эта идея лежит в основе новой модели семантического инварианта русского глагольного вида (задуманной автором настоящей статьи, к слову сказать, еще

³ Между прочим, точку зрения философов на соотношение временных рядов разделяют некоторые лингвисты; см., например: [Авдеев 1975: 140].

⁴ [Кошмидер 1962: 135-138].

до знакомства с работами Кошмидера). Подробно новая концепция изложена в моей книге «Семантика русского глагольного вида» [Карпухин 2011], – здесь изложу ее только в самых общих чертах.

Исходное положение заключается в том, что универсальное семантическое противопоставление между видами глагола нельзя обнаружить, как уже показала вся история аспектологии, в характеристике действия как такового: поиск должен базироваться на более масштабном представлении – об отношении действия к объективному времени. В связи с чем данную концепцию можно назвать двухкомпонентной: действие + объективное время. Глаголы СВ обозначают действие, фиксируемое на векторе объективного времени; глаголы НВ соответственно – действие нефиксированное. СВ как бы привязывает действие к конкретному моменту или временному отрезку какой-либо точкой его протяженности (*запел* – начальной точкой; *прилетел* – конечной точкой) или целиком (*пропел*, *бросил*). Смысл фиксации действия на векторе времени – его (действия) сопряженность с ситуативным фоном. Фиксированное действие уже не просто действие как таковое, а действие, в которое перешла определенная ситуация (*за шумел дождь*) или действие, которое перешло в известную ситуацию (*отшумела гроза*) или, наконец, действие, которое последовательно сменило одну ситуацию и перешло в другую ситуацию (*прогулял урок*). Переход действия в ситуацию и/или наоборот и составляет самое общее, или инвариантное, значение СВ – изображение действительности в развитии, в динамике. В литературе, как исследовательского, так и описательного, в том числе учебного, характера, свойство динамичности приписывается совершенному виду только при его употреблении в контексте, в составе цепочки глаголов того же вида⁵. С моей точки зрения, динамичность – принципиальное, общее свойство совершенного вида как грамматической категории. Возьмем текст: *Вышел из дому, постоял, прислушиваясь, посмотрел на небо и вернулся в комнату*. Динамичным делают изображаемый фрагмент не сами действия (особенно *постоял*) и не их чередование, а погруженность каждого из них в ситуацию. В частности, динамичны уже крайние действия в этом ряду: первое из них сменяет одну ситуацию («в доме») на

⁵ См., например: [Русская 1980: 605-606].

другую («вне дома»); последнее – соответственно наоборот. Кроме того, третье действие не обязательно следует за вторым – они могут частично или полностью совпадать, и тем не менее они динамичны. Впрочем, нельзя отрицать, что цепочка глаголов СВ усиливает впечатление динамичности. Но и одиночные глаголы СВ называют действие, особенно связанные с осязательным изменением действительности, всегда динамичнее, чем их корреляты НВ, например: *Тучи прошли*, ср.: *Тучи идут*.

Свой общий смысл и свои приоритеты у НВ, обозначающего действие, не фиксированное на векторе объективного времени, следовательно – отвлеченно от ситуации. Признак отвлеченности действия от объективного времени и ситуации, естественно, не значит, что действие протекает в некоем идеальном пустом пространстве и в ахронии, а только отличает нефиксированное действие от фиксированного: в сознании носителя языка глагол НВ называет действие в его собственном существовании – в экзистенции. Это и есть семантический инвариант НВ⁶.

Экзистенциональное действие, в противоположность фиксированному, динамичному действию, статично. Данное свойство – отнюдь не чисто умозрительное впечатление, – оно реально подтверждается нашими ощущениями. Например, перемещение часто воспринимается субъектом как покой при отсутствии ориентира – ситуативного фона: вращение Земли вокруг своей оси, вокруг Солнца; полет в космическом корабле; ср., также ощущения

⁶ Разумеется, говорить о **существовании действия** вообще можно лишь в переносном, метонимическом смысле, поскольку действие есть форма существования субстанции, отдельно от которой не существует. В связи с этим может показаться более точным, более «процессным» для формулировки семантического инварианта НВ выражение «действие в его осуществляемости». Однако оно еще менее подходит для действий, обозначаемых глаголами, но не связанных с видимым изменением действительности, таких как: постоянные отношения, свойства предметов, наличие/отсутствие и т.д. С другой стороны, выражение «существование действия» допустимо хотя бы потому, что от глаголов регулярно образуются существительные (*бег, чтение* и т.п.), вызывающие устойчивое представление о **существовании** самих действий.

пассажира речного парохода в спокойную погоду: с одной стороны, в каюте (особенно ночью) – то ли плывем, то ли стоим; с другой стороны – наблюдающего с борта берег. Экзистенция действия, как инвариант НВ, разнообразно варьируется при функционировании глагола. Укажу здесь только на две главные, противоположные друг другу функции, каждая из которых, в свою очередь, варьируется в принципе неограниченно: 1) функция сосуществующего действия и 2) функция отвлеченно существующего действия. Их коренное различие – в наблюдаемости / ненаблюдаемости действия. Покажу это на сравнении следующих текстов:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво И моет берега...
(А.Блок).

Река текла, когда ребятишек еще не было на свете, и она будет течь, когда их снова не будет (В.Солоухин).

В первом высказывании глагол *течь* называет действие, длящееся во времени с точки зрения участников речевого акта, в данном случае – автора и читателя. Это – действие, переживаемое и созерцаемое ими синхронно с его осуществлением. (Само собой подразумевается, что отношение действия к реальному времени его протекания опосредовано творческим актом – для автора и восприятием произведения – для читателя. Но для конкретного содержания текста это не имеет значения). Цель изображения действия в его сосуществовании и в сопричастности к нему участников речевого акта – осмысление действия как такового, в его качестве, в общем – его собственная квалификация: река не *стоит*, не *бурлит*, не *несется*, а – *течет*. Во второй иллюстрации глагол не акцентирует внимание на самом действии – здесь он характеризует *реку* как явление, существующее отстраненно от момента речевого акта и его участников: «река была и будет».

Другая сторона статичности/динамики – непрерывность/прерывистость бытия, отражающаяся в русскоязычном сознании так же, как и первая антиномия, прежде всего в категории вида. Изменение бытия никогда не останавливается, как и время, вне которого бытие невозможно. Вместе с тем это изменение реализуется в бесконечном разнообразии форм движения материи, чередование и частичное совмещение которых в сознании человека делает его (изменение) прерывистым. Аналогично помогает нашему сознанию дискретно воспринимать окружающие предметы цветовой контраст, например белые облака, плывущие по синему небу над зеленым лесом. Чередование действия и ситуации,

выражаемое глаголами СВ, по большому счету тоже есть контраст разных форм движения материи. Так, во фразе *Прошел в вагоне вперед* глагол по сути означает не просто замену перемещения на покой (допустим, на переднем сиденье), не прекращение всякого движения, а только по отношению к салону трамвая, который, в свою очередь, *остановился* вскоре лишь по отношению к поверхности Земли, а не вообще, и т.д. Известно каждому, что различные превращения вещества или, скажем, мыслительные акты, фиксируемые глаголами СВ (*вода замерзла, листья пожелтели, он вспомнил* и т.п.) в принципе тоже представляют собой чередование контрастных форм движения материи. Понятно, что носители языка вовсе не всегда строят свои высказывания с оглядкой на непреложные законы природы, напротив – с помощью глаголов СВ они свободно вычлениют во времени то, что весьма отдаленно связано с этими законами: общественные отношения (*заслужить благодарность*), умонастроение (*полюбить поэзию*), мироощущение (*раскинулось море широко*) и т.д. Даже время и пространство, сами по себе непрерывные и статичные вне изменений и контрастов, говорящие делят, измеряют и представляют в движении глаголами СВ: *Прошло два часа; Между нами легли сотни километров*. Что, собственно, изменится, если в последней фразе опустить глагол? Исчезнет элемент развития, событийности данного содержания: переход от преситуации (неразлучности) через действие к постситуации (разъединенность).

Глаголы НВ, базируясь на общем представлении о непрерывности времени, способны изображать любые фрагменты бытия в их длительности – от непосредственного ощущения фатальной безысходности времени (*ждать, существовать, хранить, тянуть время* и т.п.) до искусственно растянутых мгновенных и вообще непроцессных событий: *Наконец, ровно в 9 часов включается свет; Мяч влетает в ворота; Бери и помни* и т.д. Более того, действия прерывистые, повторяющиеся, многоактные, происходящие время от времени и т.д. – одним словом, расчлененные во времени – несовершенный вид представляет в нашем сознании сплошными, непрерывными, нивелируя, сливая в единый поток отдельные акты, циклы, операции, явления, – отменяя, во всяком случае, их актуальность. Например: *Постоянно работаю в первую смену; За стеной целый день стучат, не умолкая; Непрерывно гремел гром; Этот дом строили три года; Летом солнце заходит вон за ту гору*.

Итак, категория глагольного вида в русском языке, опирается в своей сущности на объективные и взаимообусловленные свойства бытия. С одной стороны – это движение и покой, с другой – прерывистость и непрерывность изменения мира. Эти свойства позволяют русскоязычному сознанию воспринимать любое явление в каждой из противоположных ипостасей, нередко при этом вступая в противоречие с нашими простейшими ощущениями и представлениями, с нашим опытом. Указанная категориальная специфика русского вида дает основание предположить, что исторически современный глагольный вид сформировался под влиянием диалектического единства черт русского национального характера: склонности к покою и созерцанию / стремления к переменам и новизне.

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о природе категории вида в русской аспектологии остается дискуссионным. Известны две противостоящие позиции. Одна из них – онтологическая (отражательная): виды преимущественно отражают объективное деление действий на предельные и неопредельные [Маслов 2004: 29; Бондарко 1986 и др.]. Вторая позиция – гносеологическая (интерпретационная): противопоставление видов, в частности по признаку предельности / неопредельности действия, различает в принципе угол преломления действия в русско-язычном сознании [Степанов 1976: 443; Кравченко 1995: 50 и др.]. Автор настоящей статьи разделяет эту точку зрения и неоднократно высказывался соответственно в публикациях и на конференциях [Карпухин 2002: 69; 2004: 101-108 и др.]. Но сегодня к ее обоснованию можно добавить новые соображения, аргументы и понятия.

Размышления о природе видов неизбежно приводят к центральной проблеме русской аспектологии, которая также не имеет до сих пор единого решения, – к проблеме семантического инварианта видов, поскольку, как известно, типологический характер грамматической категории и ее содержание нераздельно связаны между собой. Из всех версий видового инварианта, знакомых аспектологам, по крайней мере три имеют прямое отношение именно к когнитивной роли глагольных видов. Сформулируем их в ключевых словах:

1. Глаголы совершенного вида (далее – СВ) означают действие «реальное», несовершенного вида (НВ) – «мнимое». Эта формула принадлежит японскому русисту М. Того [Того 1972: 32].

2. СВ представляет действие «извне», НВ – «изнутри». Данной версии придерживается американский исследователь А. Тимберлейк [Тимберлейк 1985: 269].

3. Наше определение: СВ изображает действие в динамике, НВ – в статике.

В рамках теории семантического инварианта каждая из этих версий достаточно оригинальна и может быть по-разному оценена в отношении точности и полноты отражения сути видového противопоставления. Вместе с тем все они включают, возможно подсознательно, и когнитивный компонент. Действительно, что могут подразумевать приведенные дефиниции НВ? «Мнимый» значит не только ‘ложный’, ‘иллюзорный’, но и ‘воображаемый’, ‘представляемый’, ‘абстрактный’. Метафора «изнутри» – искусственный взгляд на действие наблюдателя, как бы «движущегося» синхронно с ним. С этим же метафорическим представлением согласуется и свойство статичности действия, выраженного глаголом НВ, ибо всякое движение, наблюдаемое вне ситуативного фона, вне каких-либо внешних ориентиров, воспринимается как покой, неподвижность (ощущаемые, например, пассажиром лайнера в ночном полете). А далее предложенные интерпретации логично порождают общий вопрос о цели: зачем называть действие как несуществующее, а только воображаемое, зачем наблюдать его «изнутри», зачем «останавливать» его и воображать в покое? Ответ, кажется, напрашивается один: НВ дает возможность осмыслить каждое действие как таковое – в отличие от всех других действий; а изменчивость бытия в целом – в ее глубине, в ее сущности.

Подобный общий знаменатель есть также у дефиниций СВ рассматриваемых теорий: 1) это действие «реальное», 2) это взгляд на действие «извне», 3) это действие, изображаемое в динамике. Все три интерпретации нетрудно свести к одному принципиальному свойству СВ: возможности изображения и восприятия действия как конкретного события, произошедшего в конкретный момент в конкретной ситуации – т. е. как явления, или феномена.

Итак, современная аспектуальная мысль близка, как никогда ранее, к когнитивному пониманию видového противопоставления русского глагола: познавательная функция видовой оппозиции заключается в двойном представлении в языковом сознании действия: или в его сущности, или как явления.

Познавательная роль видов в современном русском языке многое определяет в системе этой категории, в ее функционировании и в структуре высказывания.

Одна из важнейших функциональных особенностей глагола заключается, как известно, в способности глагола выражать в речи различное отношение действия к реальному времени. Проследим

это различие, сопоставляя варианты высказывания с лексически тождественными глаголами противоположных видов:

Вчера плотник *вставил* (*вставлял*) новые стекла в раму.

Оба глагола размещают действие во времени по-разному (фиксированно или нефиксированно), но в обоих случаях – это действие, данное нам в ощущениях, т. е. осуществленное в конкретный момент или осуществлявшееся на определенном отрезке реального времени и потому доступное восприятию говорящего, адресата речи или третьего лица. Сравним эти же глаголы в других контекстах:

Я *вставил* батарейки, и фонарь загорелся. – Батарейки *вставляют* в прибор, соблюдая полярность. (Из инструкции).

Здесь СВ также обозначает действие ощущаемое (сенсорное); тогда как НВ представляет действие отвлеченно от реального времени и поэтому воспринимаемое не ощущениями, а только языковым опытом. Будем называть такой способ представления действия ментальным. Как же соотносится различие, показанное в последней паре высказываний, с когнитивной оппозицией: сущность / явление? ¹

Наши наблюдения показывают устойчивую приоритетность изображения в речевой практике сенсорных действий – глаголами СВ, ментальных – глаголами НВ. В частности, это демонстрирует иллюстративный материал к видовым парам в толковых словарях. Возьмем пару многозначных глаголов из [БАС 1951: 956-959]: *выбрасывать* – *выбросить*. На глагол СВ (в разных значениях) – 12 цитат, во всех – действие сонорное². Например:

• *Высокая волна выбросила на камни колхозный бот. Кукушк.*

¹ Философы, в зависимости от умозрения, вкладывают различный смысл в эти термины. Мы привлекаем их в общенаучном значении: *сущность* – это внутреннее, самое существенное содержание предмета, постигаемое только рассудком; *явление* – это внешние формы существования предмета, обнаруживаемые чувствами и опытом [НЭС 2008: 1419; БЭС 1998: 1168].

² Здесь и далее для чистоты эксперимента учитываем только цитаты с глаголом-сказуемым в форме изъявительного наклонения и в свободном (не связанном) употреблении.

• *Я выбросил [из поэмы] то, что цензура выбросила б и без меня.* Пушкин.

На глагол НВ – 13 цитат: в четырех действие сенсорное, в девяти – ментальное. Цитаты на сенсорное действие:

• *[Воспитанники] быстро приседают, выбрасывают руки, поднимаются на носки.* В. Катаев.

• *Чугунная печка с продырявленным коленом сердито гудела и выбрасывала черный дым.* Астафьев.

Цитаты на ментальное действие:

• *Вчера из-за шторма рыбаки не выбрасывали сетей.* С. Никит. (О чувственном восприятии не состоявшегося действия речи, естественно, не может быть).

• *Я никак не могу избавиться от мысли, что меня выбрасывают из семьи.* Паустовский. (Действие абстрактное и в принципе не наблюдаемое).

• *Весною ключи выбрасывают из недр земли лучшие, могучие струи свои.* Салт. Щ. (Глагол называет природное цикличное свойство Земли, а не отдельное его проявление).

Как объяснить эту асимметрию? Возможно, она связана с направлением производности от СВ к НВ (в нашем случае – от перфектива *выбросить* к вторичному имперфективу *выбрасывать*)? Можно предположить, например, что именно при таком направлении производности показанное соотношение сенсорной и ментальной вербализации действий согласуется с естественным законом восхождения знания от конкретного к абстрактному. Проверим эту гипотезу на паре глаголов с противоположным направлением производности – *делать* > *сделать*. Сравним иллюстрации из [БАС 1962: 528-532]:

Совершенный вид:

• *Сема смотрел на меня с испугом в глазах, потому подмигнул и **сделал** знак: беги!* Гладк. (Сенсорное действие).

• *Горячая женщина скоро **сделает** глупость, скоро и одумается.* А. Островский. (Ментальное действие).

Несовершенный вид:

*Марков **делал** портрет Шушу: он всматривался, рисовал, перемарывал.* Станкев. (Сенсорное действие).

Я гайки делаю, а ты Для гайки делаешь винты. Маяк.
(Обе формы называют ментальное действие).

Общее соотношение в Словаре иллюстраций к этой паре, включающих сенсорные и ментальные действия: для *сделать* – 22/15; для *делать* – 6/16. Как видим, асимметричность «пристрастий» видов к сенсорному или ментальному изображению действий здесь несколько выровнялась, но в целом ее устойчивость и в этой паре глаголов сомнений не вызывает. Указанное соотношение подтверждают данные по выборке из Словаря еще нескольких видовых пар, представляющих наиболее регулярные словообразовательные модели противоположных направлений производности (*прикоснуться* – *прикастаться*; *проговорить* – *проговаривать*; *мыть* – *помыть*, *вымыть* и др.).

Таким образом, выявленная тенденция дает основание признать, что НВ в целом более приспособлен, более удобен для умозрительного осмысления действия в его сущности, в то время как СВ – для представления и восприятия действия в реальности – как явления.

Еще одну характерную асимметрию демонстрируют вторичные имперфективы. Вторичные имперфективы, соотносительные (парные) по виду с исходным перфективом, обращают на себя внимание тем, как они разрабатываются в БАС. Здесь, в соответствии с принятым принципом подачи видовых пар, имперфектив открывает словарную статью, описывающую оба члена видовой пары. В частности, оба члена, как правило, бывают подтверждены иллюстративным материалом; тогда как глагол СВ, расположенный на своем алфавитном месте, снабжается только отсылкой к глаголу НВ. Асимметрия заключается в том, что среди пар, образованных вторичным имперфективом, регулярно встречаются пары, в которых цитатами подтвержден только глагол отсылочный, то есть исходный глагол СВ. Для примера приведем только несколько таких глаголов:

вскольхивать, вымазываться, заинтересовываться, продавать 'заключать предварительное условие о продаже', заравнивать, обмякать 'становиться мягким', ополячивать 'уподоблять поляку', перекрахмаливать, перелавливать, полузасыпать 'почти засыпать (снегом, песком и т. д.)', проторговывать 'терпеть убыток от торговли', протрясывать.

Наверное, было бы слишком просто объяснить данное «зависание» целого пласта глаголов случайным отсутствием в базовой для Словаря картотеке фактов их употребления. Более основательной кажется когнитивная мотивация. На наш взгляд, самый принцип подачи видовых пар в БАС – через глагол НВ – призван более масштабно и более глубоко представить категорию вида в ее сущностном потенциале³. Отсюда и обилие потенциальных (т.е. похожих на потенциальные слова) имперфективов: они как бы доукомплектовывают видовую пару незарегистрированным в речевой практике, но системно опорным членом, называющим действие в его сущности.

Это системно-языковое «доукомплектовывание» наблюдается и в речевой практике, но уже не по лингвистическим соображениям, как в словаре, а по требованию возникшей у говорящего мысли. Так, от префиксальных глаголов СВ нередко образуются окказиональные глаголы НВ:

Хозяйства стали не смогут платить за электроэнергию, за корма... (Из телеинтервью с фермером); [Мать кормит ребенка кашей:] *Ну как, накушиваешься?* (Из устн. речи). *Намеченные мероприятия не всегда составляются.* (Из устн. речи). И т.д.

Теперь обратимся к глаголам одновидовым, т.е. не имеющим видовых коррелятов. Они рассматриваются нередко как периферия видовой системы; в то же время в современной русской грамматике к этой периферии принято относить большие массивы глаголов. В каждый из двух разрядов одновидовых глаголов – совершенного и несовершенного видов – традиционно включаются, помимо отдельных лексем, глаголы ряда так называемых способов глагольного действия (СГД) и лексико-семантических групп (ЛСГ). Например, в разряд СВ – глаголы начинательного способа (*побежать*), ограниченной деятельности (*побегать*) и др. В разряд НВ – глаголы ослабленного действия (*посматривать*), отношения (*зависеть*) и др.

Когнитивная функция категории вида расставляет иные акценты в понятии одновидовых глаголов. Прежде всего, здесь не имеет никакого значения критерий, которым дифференцируют

³ В толковых словарях применяются и другие принципы представления видовых пар, например в [МАС 1985-1988].

производные глаголы по отношению к исходному глаголу противоположного вида. А именно: если производный глагол сохраняет лексическое тождество, он признается парным к исходному по виду; если лексическое значение изменено, то производный глагол считается несоотнесительным (непарным) с производящим по виду. Например: *спеть* – парный к *петь*, *запеть* – непарный⁴. Дело в том, что совершенно независимо от лексической модификации все префиксальные глаголы СВ одного словообразовательного гнезда разнообразно являют нашему чувственному восприятию одну и ту же сущность:

- *петь* – *спеть*, *запеть*, *попеть*, *перепеть*, *донпеть*, *напеть* и т. д.;
- *писать* – *написать*, *дописать*, *переписать*, *подписать*, *записать* и др.

Каждый такой ряд объединяется единым вещественным значением корня. Изменение этого значения означает уже другую, производную сущность, которая является нам уже своим рядом. Например (картину можно): *написать*, *дописать*, *переписать* и другие глаголы, объединяемые общим значением ‘изображать что-либо красками’. Но глаголы *подписать*, *записать* к этому ряду не относятся: у них корень сохраняет первичное значение – фиксировать графическими средствами речь. Таким же образом глаголы СВ всех СГД и ЛСГ, относимые по теории видовой парности к разряду одновидовых, для языкового сознания означают различное проявление действия, называемого производящим глаголом НВ:

- *побегать*, *поговорить*... – ослабленные действия ограниченной деятельности;
- *проспать* (до обеда), *пропеть* (лето красное)... – действия длительно-ограничительные;
- *прыгнуть*, *мигнуть*... – однократные действия;

⁴ В литературе по русской аспектологии неоднократно отмечалась противоречивость этого критерия и невозможность его последовательного применения к фактам языка. Действительно, трудно понять, почему считается, например, что значение завершения действия не нарушает лексического тождества (*петь* и *спеть*), а начало действия изменяет лексическое значение производящего (*запеть*).

• *прихворнуть, сполоснуть...* – действия уменьшенной интенсивности;

• *дожарить, додумать...* – завершительные действия и т. д.

В этом смысле, повторяем, они ничем не отличаются от префиксальных производных глаголов СВ, признаваемых парными к первичному глаголу НВ, типа *писать > написать*.

Что касается одновидовых глаголов НВ – как производных, так и первичных – то, на первый взгляд, они скорее демонстрируют объективное существование неопредельных действий, чем участие в когнитивном представлении действия в его сущности. Дело в том, что глаголы целого ряда ЛСГ и СГД, в полном или почти полном их составе, называют действия, которые, кажется, не предусматривают естественного завершения (как, например, глаголы *таять > растаять, решать > решить*) и, следовательно, не могут быть обозначены глаголами СВ. Но это впечатление и его основание все-таки обманчивы. Контраргументы таковы.

Во-первых, на самом деле нет ни одной ЛСГ или СГД, которая бы абсолютно исключала бы глаголы СВ. Если, например, сопроводительные действия обычно называются только глаголами НВ: *приготовивать, пришептывать, подбивать, подплясывать* и т. д., то наряду с ними есть и *подпеть, и подыграть*. Группа взаимно-многократных глаголов обычно – НВ: *пересмеиваться, перестреливаться, переговариваться*, но допускает и глаголы СВ: *перемигнуться, перешепнуться*. И т.д.

Во-вторых, состав одновидовых глаголов НВ преувеличен искусственно теорией видовой парности. Так, по этой теории к одновидовым относятся глаголы бытия: *быть, присутствовать, жить, существовать* и т. д. Но, как уже говорилось, реально такие действия как раз про-являются в перфективах и даже разнообразно: *быть – побыть, прибыть, отбыть; жить – зажить, пожить, прожить* и т.п.

В-третьих, про-явление действий, называемых одновидовыми глаголами НВ, нередко бывает востребовано конкретными высказываниями и реализуется окказиональными глаголами СВ, например: *поприсутствовать* (газета «Будни»), *порыцарствовать* (Сервантес, рус. пер.), *впечатлить* («Самарская газета»).

В-четвертых, при отсутствии в нормативном словаре глагола СВ, однокоренного с глаголом НВ, потребность в обозначении

проявления действия путем его фиксации начальным предлогом легко удовлетворяется аналитической формой СВ – вспомогательным глаголом *стать*:

Самочувствие стало зависеть от погоды; Стал учительствовать на селе; Услуги няни стали стоить тысячу рублей в день.

Не представляют собой некий абсолютный императив и глаголы СВ, у которых нет и кажутся невозможными однокоренные формы НВ: *очнуться, хлынуть* и др. Отсутствие этих форм также компенсируется в речи, хотя и другими средствами, например синонимами противоположного вида:

Утром он очнулся (ср. просыпается) в незнакомой комнате; с трансформацией фразы:

*Я выхожу из дома, и вдруг **хлынул** ливень. Ср.: Выхожу из дома, и в этот самый момент на меня **обрушивается** ливень.*

Итак, в целом можно резюмировать, что системные ограничения представления действия глагольными видами частью формалистичны (они установлены теорией видовой парности), а частью (санкционированные традицией) условны: они определяются потребностями мышления. Они не только при необходимости преодолеваются речевыми средствами (окказионализмами, синонимами и др.), но и напротив – могут формироваться заново; если, например, падает ментальный «спрос» на один из видовых коррелятов, то он устаревает, выпадает из системы. Много таких глаголов сохраняется в произведениях русских классиков XIX в., например у Гоголя: *вопросить, прислужиться, наблюсти, заключиться* – от них остались только корреляты НВ (*вопрошадь..*). И наоборот: НВ *надобиться* выпал – остался СВ *понадобиться*. У Достоевского: *возмочь; нудиться, счастливить* и др., ныне неактуальные видовые корреляты. Все «осиротевшие» глаголы в БАС сопровождаются пометой «устаревшее».

В заключение несколько слов о когнитивной роли видов в структуре высказывания. Эта роль в русской аспектологии представляется отнюдь не последней, не эпизодической. Но в данном сообщении предлагается только постановка проблемы, поскольку только специальное исследование ее может оказаться продуктивным для преподавания русского языка. Проблема в том, что в русской речи функционирует много конструкций с жестким (или

предпочтительным) выбором одного из видов глагола. В грамматиках, а также в работах о функционировании видов, такое употребление глагольных видов, как правило, сводится к описательности и к выявлению контекстных ограничителей, а если и объясняется, то лишь в русле теории видовой парности. Причем состав уже описанных структур весьма далек от завершения. А между тем когнитивная функция глагольных видов может стать мощным стимулом исследований в данном направлении. Вот, например, лишь некоторые из инфинитивных конструкций, актуализирующих когнитивную функцию глагола:

- Предложение со значением тождества: *Курить – здоровью вредить.*

- Предложение со значением противопоставления: *ЛЕЧИТЬСЯ, а не ходить по врачам.* (Реклама частной клиники).

- Вопросительно-восклицательное предложение со значением нецелесообразности или негативной оценки действия: *Можно, я перепрыгну через эту канаву? - Ну, зачем прыгать, зачем рисковать? Ведь рядом мостик!*

На наш взгляд, во всех этих и подобных высказываниях НВ не допускает замены на СВ не в силу ограничений, накладываемых контекстом или теорией видовой парности, а потому, что внимание фокусируется на действиях в их сущности – в полной отвлеченности от их конкретного проявления.

О ПРОЕКТЕ ТОЛКОВО-АСПЕКТУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

В современной русской лексикографии значительное место занимают словари, в которых лексика описывается по какому-либо грамматическому признаку¹ или лексическая семантика характеризуется во взаимодействии с грамматической². В этом, втором ряду видится и задуманный толково-аспектуальный словарь.

Социальный заказ на пособие такого рода назрел давно. Озабоченность положением с преподаванием русского глагольного вида разным категориям обучаемых, с труднодоступностью этой категории для усвоения иноязычными гражданами выражали многие отечественные и зарубежные специалисты по русской аспектологии и методисты, см., напр.: [Борисова: 146; Караванов: 166-167; Ласорса-Сьедина: 175; Чвани: 216; Шатуновский: 225-22; Барентсен: 44; Васильева: 498; Карпухин 2013: 41-44]. Систематическое обозрение глагольной лексики в аспектуальном плане может, как минимум, ослабить указанную напряженность.

К сожалению, современная аспектологическая теория, включающая самые разнообразные взгляды на семантику видов, не благоприятствует созданию такого обозрения. Дело в том, что в любой из известных классификаций видовых вариантов, разнообразно именуемых в литературе (подвиды, частные значения видов, способы глагольного действия и др.), выделяются как варианты, более или менее жестко связаны с лексическими значениями, так и варианты, не обнаруживающие никаких предпочтений. Так, глаголы однократного действия (с суффиксом *-ну-*) избирают в основном названия конкретных действий (*стукнуть, тряхнуть*) и физиологических актов (*глотнуть, мигнуть*), тогда как, например,

¹ См., напр.: Демидова А.К. Управление наиболее употребительных глаголов в современном русском языке. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1969.

² См., напр.: Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. – М.: Русский язык, 1989.

физиологические состояния (*спать, сидеть, чувствовать* и т.п.) или отношения (*принадлежать, ненавидеть*), а также другие типовые лексические значения таким видовым вариантом не выражаются. Здесь связь с лексикой очевидна. Большая же часть из широко известных видовых вариантов, впрочем как и инварианты каждого из двух видов, практически не коррелируют регулярно с лексической семантикой. Среди них наглядно демонстрируют лексическую «всеядность», например, такие видовые значения, как многократность и результативность.

Между тем именно в лексических значениях глаголов – как типовых, так и индивидуальных – реализуются разнообразные аспектуальные варианты и оттенки, что, собственно, и делает принципиально возможным системно-аспектуальное описание глагольной лексики. Остается только выбрать теоретическую базу осмысления семантического потенциала вида, которая позволила бы систематически проследить взаимодействие аспектуальной и лексической семантики.

На мой взгляд, эту роль способна исполнить **двухкомпонентная семантическая модель русского глагольного вида** [Карпухин 2002: 65-69]. Отличительная черта данной модели заключается в том, что видовые варианты и их оттенки представляют собой последовательную речевую реализацию общих (инвариантных) значений каждого из видов, а именно: совершенного – действие, сопряженное с ситуацией в объективном времени; несовершенного – действие, отвлеченное от ситуации в объективном времени и квалифицируемое как таковое [Карпухин 2005: 81-86; 2006: 63-69]. Понятно, что априори нельзя судить о степени взаимодействия категории вида и лексики, выявленного на указанной теоретической основе, – глубину и регулярность этого взаимодействия проект может только прогнозировать. Во всяком случае, автору этих строк прогноз представляется перспективным.

К обсуждению могут быть предложены следующие основные параметры проектируемого словаря.

1. **Предмет словаря.** Единицей словаря считается не глагольная лексема в общепринятом понимании, а ее аспектуально-лексическое значение (далее также АЛЗ). Различие между этими единицами проявляется, в частности, в том, что у многих глаголов

состав АЛЗ не совпадает по количеству и структуре с составом собственно лексических значений, объединяемых в толковом словаре лексемой. Это означает, что одно лексическое значение может быть разведено по разным аспектуальным рубрикам или наоборот: два или более лексических значений многозначного глагола объединено аспектуальным значением. Так, у глагола *вставить* Большой академический словарь различает: 1) 'включить слово, замечание, реплику и т.п. в речь собеседника' и 2) 'внести в письменный текст слово, ремарку, пропущенные буквы и т.д.' [БАС 1991: 605]. В аспектуальном смысле то и другое интерпретируется одинаково – как 'акт, фиксирующий изменение коммуникативной ситуации'.

2. **Объем словаря.** Поскольку толково-аспектуальный словарь (далее также ТАС) для русской лексикографии – дело новое, то в качестве первого опыта произведение данного типа целесообразно ограничить по объему наиболее употребительными глаголами. Если взять, например, выборку глаголов из частотного словаря с частотностью не менее 10, то таких глаголов обоих видов (по Частотному словарю под ред. Л.Н.Засориной) будет около 2,5 тысяч [Частотный 1977: 933]. А если при этом учитывать не словарные единицы, а АЛЗ, на которые распадаются глаголы, особенно многозначные (а доля последних прямо пропорциональна их частотному рангу!), то объем толково-аспектуального словаря (ТАС) возрастет вдвое или втрое.

3. **Структура словаря.** Категория вида взаимодействует с лексической семантикой с разной степенью глубины, что проявляется в иерархическом строении обеих систем³. Данное обстоятельство предопределяет структуру словаря: расположение глаголов в нем может быть только смешанным – алфавитно-типовым, и, так же, как и указанные исходные системы, – многоступенчатым.

На первой ступени словарь делится на две самостоятельные части – 1) глаголы совершенного вида и 2) глаголы несовершенного вида. Данное решение основывается на следующем представле-

³ Глагольная лексика описана, например, в формате 6-ступенчатой иерархии в «Русском семантическом словаре» (М., 2007. Т. IV). Видовая семантика русского глагола сегодня рассматривается в теоретической литературе, как минимум, на трех уровнях.

нии автора о взаимоотношениях между видами. Категория вида в современном русском языке представляет собой бинарную систему из двух противопоставленных видов, различающихся своим общим, или инвариантным, значением (см. выше). При этом данная оппозиция, охватывая все глаголы без изъятия, имеет сугубо грамматический характер. Так, любой глагол одного вида отличается инвариантным значением от любого глагола противочлена – в принципе так же, как любой переходный глагол отличается от всякого непереходного (напр. *любить* и *стоять*). Таким образом, виды – это следует подчеркнуть – взаимно противопоставлены в целом, а не отдельными лексическими коррелятами типа антонимов⁴. Еще убедительнее демонстрирует категориальный характер видовой оппозиции функционирование видов. В речи семантический инвариант каждого вида реализуется своими вариантами, которые не связаны никакими отношениями с вариантами противочлена, иначе говоря, составляют у каждого вида подсистемы, не пересекающиеся одна с другой. Например, начинательные глаголы, как вариант СВ, не соотносятся ни с одним из вариантов НВ; а глаголы со значением качества, свойства, склонности, как вариант НВ (*эта ткань выгорает, собака кусается*), не имеют логической соотносительности ни с какими вариантами СВ. Или взять такую традиционную оппозицию вариантов, как однократность – многократность действия (*мигнуть – мигать, двинуть – двигать*). Казалось бы, она наглядно демонстрирует, как противопоставленность видов в целом проявляется на уровне их вариантов. Но – увы! Никто еще не показал и не объяснил, модификацией какой именно оппозиции семантических инвариантов видов выступают эти варианты: а) завершенность / незавершенность, б) предельность / неопредельность, в) целостность / процессность и др.? Не в том ли причина, что корреляции, вроде приведенных выше, демонстрируют типовые лексические отношения, но не аспектуально-грамматические? Кроме того, признаки однократности и многократности отнюдь не связаны жестко с видами, ср.: *Мигнул пять раз подряд* – многократность у СВ; *И вдруг он прыгает!* – однократность у НВ.

⁴ О распространенном в отечественной русистике с середины прошлого столетия учении о видовой парности см. [Карпухин 1999: 108-114].

Деление словаря на две части по видам глаголов выражает самую общую, универсальную связь грамматической категории вида с лексической системой. Эта связь заключается в том, что любой фрагмент мысли, представленный в высказывании как действие и относящийся к классу глаголов, может быть выражен как одним, так и другим видом. Не подрывают этого универсального свойства и так называемые одновидовые (непарные) глаголы, типа *очутиться, зависеть* и др.: их «абсолютная» видовая непарность не имеет денотатной предопределенности. Это только ограничение нормативного языка. Тогда как система языка употребление в речи видового коррелята у таких глаголов не запрещает. Ср. засвидетельствованные в речевой практике высказывания: *Намеченные мероприятия не всегда **составляются**; Наш корреспондент **присутствовал** на собрании.*

Все вышесказанное убеждает в том, что деление глагола на два подкласса – СВ и НВ – по существу не отличается от противопоставления глаголов и отглагольных существительных (*поставить – постановление*), прилагательных и отадективных существительных (*смелый – смелость*), прилагательных и наречий (*далекый – далеко*) и др. Представляется, что все подобные словообразовательные корреляции, в том числе и соотношение противоположных видов, должны иметь более общее, а не раздельное объяснение – в плане знаковой природы языковой системы.

Таким образом, опора на видовую оппозицию (или ее отсутствие) на лексическом уровне, в частности – прием взаимной отсылки к парному глаголу, используемый в толковых словарях, – окажется, по крайней мере, малопродуктивной в толково-аспектуальном словаре для восприятия аспектуальной специфики того или иного действия. Раздельная же подача глагольной лексики – по видам – позволит компактно-наглядно осмыслить каждую из этих двух систем (с их подсистемами), что, в свою очередь, облегчит читателю восприятие интересующих его словарных статей.

На второй ступени глаголы каждого вида объединяются в видовых вариантах. Глаголы совершенного вида, точнее их лексические значения, подразделяются на пять разрядов – по способу фиксации действия на векторе объективного времени: 1) фиксация действия начальным пределом, 2) конечным пределом, 3) промежуточной точкой, 4) начальным и конечным пределами одновременно, 5) фиксация действия в полном объеме как целостного, не-

членного события. Глаголы НВ, называющие действие не фиксированное в объективном времени, выполняют две общие, противопоставленные функции: 1) *наблюдаемого действия* – это обозначение действия в его протекании для его собственной квалификации; 2) *отвлеченно-существующего действия*, посредством которого характеризуется субъект-носитель действия. Ср.: *Жена сидела в гостиной и плакала. – Она легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ее привычки.* В первом высказывании оба глагола называют действия наблюдаемые. Во втором – все три выделенные глагола, в том числе – *плакала*, обозначают свойства психики субъекта. Тогда как время (и грамматическое, и объективное) проявления всех трех названных действий неопределенно.

Существуют ли какие-нибудь лексические предпочтения и ограничения на данном уровне аспектуального членения? Промонстрирую это только на одном примере – дейктических глаголов СВ: *сделать, совершить, осуществить, произвести, поступить, оказаться, ввести* и др.⁵ Действия, обозначаемые такими глаголами, как правило, фиксируются в объективном времени только одним способом – как целостное событие: *ввести в строй, ...в состав, ...в работу, ...в оборот* и т.д. И напротив: они не способны фиксироваться начальным пределом (нет глаголов *заосуществлять, запроизводить, заводить* и т.д.); одновременно обоими пределами (нет *поосуществлять, попроизводить, повводить* и т.д.) и другими способами, кроме указанного выше. Если же подобные образования и употребляются, то в суженном значении, то есть уже за рамками дейктического разряда: *поделать уроки, поделать гимнастику* и т.д. Но нельзя: *поделать вид, поделать шаги*, а можно только: *сделать вид, сделать несколько шагов навстречу* и т.д. Предварительные наблюдения показывают, что другие лексико-семантические разряды также могут обнаруживать то более, то менее свободную избирательность способов фиксации действия.

⁵ Выделение лексического разряда дейктических глаголов, выражающих наиболее общие понятия о действиях, состояниях и отношениях, заимствовано в настоящей работе из Русского семантического словаря [Русский 2007: 4-6].

На третьей ступени взаимодействие вида с лексикой углубляется. Опытные словарные статьи по описанию глаголов СВ (в количестве более 200) уже позволили выявить в рамках всех способов фиксации действия 22 лексических подмножества, релевантных аспектуальным значениям и оттенкам. Так, в составе начинательного способа различаются: а) активные действия человека (*заспорить, поплыть*), б) непроизвольные состояния человека (*заболеть, возмутиться*), в) действия, производимые предметами, животными, стихийными явлениями (*закапать, зацвести*). Аспектуальная специфика каждой из этих разновидностей – в характере ситуации, в которую действие погружено (подробнее см.: [Карпухин 2005]). Следует ожидать, что по мере формирования Словаря состав аспектуально-лексических подмножеств глаголов СВ будет пополняться.

На следующих уровнях (ступенях) дифференциации глаголов обоих видовых подклассов должно отражаться все более тесное взаимодействие лексического и аспектуального значения. Собственно, это и показал первый опыт описания совмещенной семантики глаголов СВ.

Что касается Словаря глаголов НВ, то, по-видимому, он потребует иных принципов строения. Дело в том, что, в отличие от глаголов СВ, глаголы НВ более тесно взаимодействуют с контекстом и, соответственно, их семантика в меньшей степени лексикализована (подробнее см.: [Карпухин 2006]).

1. **Структура словарной статьи.** За основу словарной статьи берется одноименная статья в БАС и перерабатывается в соответствии с профилем проектируемого словаря. Собственно, переработке подвергаются три основных компонента исходной статьи: истолкование глагола, иллюстративная часть и семантическая структура глагола – чаще многозначного, реже однозначного. Необходимость в Словаре остальных компонентов: грамматической и стилистической характеристики, оттенков значения и проч. – отпадает уже в силу специализации словаря, тем более при его сокращенном объеме.

Изменение лексического толкования сводится в основном к усилению аспектуального акцента, то есть к подчеркиванию соотношения действия и ситуации. (Замечу, что толкование не всех глаголов, которые войдут в словник, будет нуждаться в такой трансформации). Например:

- **Взвыть.** 2. 'Начать кричать, выть'. [БАС 1991: 196].

ТАС – 'Резко начать выть, кричать вследствие неожиданно-го и чрезвычайного события' (о людях). *Кто-то заметил, что село горит, ... и толпа зашумела, качнулась, взвыли бабы и послышался плач детей.* Проскур.

- **Возненавидеть.** – 'Почувствовать ненависть, проникнуться ненавистью к кому-, чему-л.' [БАС 1991: 399];

ТАС – 'Начать испытывать по отношению к кому-, чему-л. крайне отрицательные эмоции, обычно вызванные какой-л. субъективной причиной'. *Лицо его [Чичикова] вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальнику, ... – и он возненавидел его насмерть.* Гоголь.

В иллюстративной части ТАС использует: а) цитатный материал, отобранный из одноименной статьи БАС как наиболее показательный для принятой в Словаре аспектологической концепции (см. выше); б) цитатный материал из авторской картотеки; в) авторские речения.

Различие между лексико-семантической и аспектуальной структурой глагола в наибольшей степени отражает специфику проектируемого Словаря. Внешне это выражается в значительном удельном весе в словнике глаголов, которые требуют объединения или расчленения лексических значений с учетом аспектуального компонента. Выше (п.1. Предмет словаря) проиллюстрирована интеграция в одной лексико-аспектуальной единице двух лексических значений глагола *вставить*. Приведу примеры дифференциации:

- **Забегать.** 'Начать бегать' [БАС 1955: 220]. – Только одно значение.

ТАС – 1) 'Начать бегать' (о действиях человека). *Засуетились чернецы, Забегали во все концы, И свод нередко повторял Слова: «бежал! кто? как бежал?».* Лерм. Боярин Орша. [Маша] села за фортепьяно; пальцы ее торопливо и трепетно забегали по клавишам. Тург. Бреттер. В данных текстах описываемый глагол называет целенаправленное действие человека, обусловленное предшествующим импульсом. 2) 'Начать частое беспорядочное движение (о бликах, о пузырях на воде, о насекомых и т.п.)'. *Струйки света На потолке забегали; с двора Последняя отъехала карета.* А.К.Толст. Портрет. [Мальчик] если что-нибудь встретит: букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают.

Гог. Мертв. души. В этой лексико-аспектуальной единице глагол означает превращение в предметном мире, произвольное изменение в организме человека и т.п.

В данном случае расчленению подверглось лексическое значение в рамках одного и того же способа фиксации действия – начинательного. В результате расчленения выделяются также лексико-аспектуальные единицы, относящиеся к разным способам. Обратимся еще раз к глаголу *взвыть* (см. выше). БАС в пункте 1 этого глагола объединяет: а) ‘Издать вой, начать выть’. *Совсем неожиданно вечернюю тишину потряс выстрел. Взвыли собаки.* Федосеев, Последн. костер.; б) в качестве оттенка: ‘Произвести звук, подобный вою животных’. *Во второе мгновение пуля ударила рядом в колонну театра, взвыла и как бы повернула обратно.* Паустов. Пов. о жизни. В аспектуальном плане значение а) относится к начинательному способу (то же, что *завыли*); значение б) к способу фиксации действия как целостного, нечленимого события, переводящего преситуацию в постситуацию.

В заключение замечу, что границы между разными способами фиксации действия далеко не всегда прозрачны, что представляет собой одну из наиболее трудных проблем Словаря. Но это не основание признать аспектуальный словарь невозможным в принципе: ведь сущность грамматики есть не что иное, как расчлененное и обобщенное осмысление непрерывной действительности.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ

Материал настоящего исследования представляет собой разночтения, извлеченные из ПССиП И.С.Тургенева в 30 томах (2-е изд., М.: Наука), точнее – из томов 2 – 10, в которых размещены пьесы и художественная проза писателя (вышли в свет в 1979-82 гг.). Данное издание – научное, из чего следует, что оно включает, помимо авторских произведений, подробный литературоведческий и текстологический комментарий к каждому из них. Комментарий включает, в частности, перечень разночтений, обнаруженных в тексте по предшествующим изданиям, по автографам и другим источникам, – а также обоснование выбора варианта для нового издания.

Из перечней были отобраны глагольные видовые разночтения, а именно – корреляции совершенного и несовершенного видов однокоренных глаголов, типа *помолчал – молчал*. Зафиксированы они в 29 произведениях; всего их оказалось 51 случай, что составляет около 5 процентов от совокупного количества разночтений в указанной части издания (в 9 томах), то есть в пьесах, рассказах, повестях и романах¹. Как оценить эту долю? Если обратить внимание на чрезвычайную пестроту всех разночтений по их форме и содержанию, то придется признать, что категория русского глагольного вида представляет одну из главных трудностей в работе над текстом как самого автора, так и сотрудников издательства. Среди прочего отметим примерный паритет видов, на которых остановило свой выбор издание: 27 глаголов совершенного и 24 глагола несовершенного вида. Здесь, по-видимому, ни о какой другой тенденции речь не может идти.

¹ Факты разночтений реже встречаются в сочинениях И.С.Тургенева другого рода – поэтических, публицистических, в переводах и т.п.; видовые корреляции среди них единичны; «для чистоты эксперимента» мы их оставляем за рамками настоящего исследования.

Наша цель – на основе семантической теории глагольного вида² и на описанном выше материале выявить и показать роль глагольных видов в качестве художественного средства.

Значительная часть установленных нами видовых различий, очевидно, не представляла особых сложностей в процессе подготовки текстов к изданию. Это случаи, когда тот или иной вид естественно вписывается в контекст, поскольку его аспектуальная семантика однозначно подтверждается содержанием контекста, структурой предложения или синтагматическими связями. Это, так сказать, штатный режим функционирования глагольных видов в русской речи, когда вид глагола не заменишь противоположным, как «из песни слова не выкинешь». Противоположный вид в подобных различиях является просто опiskой или опечаткой. Художественная значимость вида в таком, связанном употреблении может быть выявлена через формально-конструктивную трансформацию текста.

Например, в рассказе «Смерть» в сцене расставания с жизнью работника, случайно раздавленного срубленным деревом, умирающий прощается с окружающими. Говорит тяжело, задыхаясь, с остановками... Просит позвать попа... Потом *Он помолчал*, после чего осилил еще несколько слов...

Мы нагнулись к нему. Он узнал Ардалиона Михайлыча.

– Батюшка, – заговорил он едва внятно, – за попом... посылать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил.

Он помолчал [вместо *молчал*]. Дыханье ему спирало.

– Да деньги мои... жене... жене... жене дайте... за вычетом... вот Онисим знает... кому я... что должен...

Здесь только глагол совершенного вида может выразить паузу фиксированной длительности; тогда как несовершенный вид (далее НВ; сов. вид – СВ) *молчал* в данном контексте невозможен. ...Тем не менее, для сравнения видов, изменим конструкцию предложения *Он помолчал*, сохраняя его основной смысл: *Он некоторое время молчал*. НВ, в отличие от СВ, не выражает фикси-

² Имеется в виду теория, изложенная в наших публикациях: К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке; Семантика совершенного вида; Семантика несовершенного вида [Карпухин 2002; 2005; 2006].

рованности действия во времени, хотя описательно (а не грамматически) ограниченность его длительности передается обстоятельством *некоторое время*. Между тем фиксированность действия во времени, как прерогатива СВ, означает последовательную сопряженность действия с преситуацией и постситуацией и тем самым – динамичное изображение действительности. Таким образом, аспектуально-художественный смысл глагола СВ *помолчал* в анализируемом тексте можно истолковать как изображение печального события в его угасающем темпе.

В рассмотренном примере действие, названное глаголом СВ, выступает в рассказе лишь деталью ключевой сцены, хотя – деталью реалистически точной и характерной. Обратимся к другому случаю связанного употребления видового варианта, принятого в издании (рассказ «Отчаянный»):

*Старый слуга... нашел Мишу сидевшим на земле между надгробными плитами, попросил у него, по старой памяти, ручку и даже прослезился, глядя на лохмотья, которыми облекались некогда выхоленные члены его воспитанника. Миша долго, молча, **смотрел** [вместо посмотрел] на старика. «Тимофей!» – сказал он наконец. Тимофей встрепенулся. «Чего изволите?» – «Есть у тебя лопата?» – «Достать можно... А на что вам лопата, сударь Михайло Андреич?» – «Хочу себе тут могилку вырыть, Тимофей, – да и лечь тут на веки вечные, между родителями. Ведь только одно местечко и осталось у меня на свете. Принеси лопату!» – «Слушаю», – сказал Тимофей; пошел и принес. И Миша тотчас начал рыть землю, а Тимофей стоял возле, подперши рукою подбородок и повторяя: «Только и осталось нам с тобою, барин!» А Миша рыл да рыл, от времени до времени спрашивая: «Ведь не стоит жить, Тимофей?»*

Глагол НВ здесь маркирован наречием *долго*, которое альтернативный СВ *посмотрел* исключает конструктивно. (По сравнению с предыдущим разночтением, виды поменялись местами). Но нас интересует, главным образом, художественная нагрузка вида. В данном случае, на наш взгляд, она еще весомее, чем в примере с глаголом *помолчал*. И вот почему.

В предложении, взятом вне контекста, глагол-сказуемое *смотрел* называет процессуальное действие, не фиксированное временными границами, то есть в его существовании (протекании). Но истолкование этого аспектуального значения в данном контексте

широко распространенным определением: «действие, не ограниченное во времени» – будет неточным. Дело в том, что реально действие это не совсем длительно: его непродолжительность и, следовательно, ограниченность легко демонстрируется заменой сочетания *долго смотрел* синонимичной конструкцией с глаголом СВ: *внимательно, изучающе посмотрел*³. Следовательно, суть не в продолжительности действия – за глаголом НВ стоит нечто большее. Что означал бы СВ? Изображение события в развитии: преситуация (‘подошедший старик’) переходит в действие как реакцию на нее (*посмотрел на него*); действие, в свою очередь, переходит в постситуацию как его следствие (например *и сказал..., и заговорил...*). Однако иная художественная задача возложена на НВ *смотрел*. И подводят к этой задаче все предшествующие события.

Миша Полтев, еще молодой человек, отпрыск дворянского рода, ведя бесшабашный образ жизни, дошел до крайне плачевного состояния. В безвыходном положении, является в бывшее свое родовое поместье, где его никто не ждет, кроме... родителей на церковном кладбище. Он сидит у их могилы, как у последнего пристанища. Узнав о прибытии прежнего барина, на погост приходит старый слуга Полтевых, чтобы хотя бы выразить сострадание когда-то изнеженному барчуку. Здесь звучит приведенная выше фраза: *Миша долго, молча, смотрел на старика*. Думается, внимательный читатель чувствует за глаголом *смотрел*, то есть за мгновениями, пока длится действие, целую гамму тяжелых пере-

³ Любопытно, что сочетание этого же глагола СВ с наречием *долго* употреблено в романе «Рудин» и, несмотря на долгую издательскую биографию романа, никакому исправлению не подвергалось. Вот эта фраза: *Волынцев приподнялся, оперся на локоть, долго, долго посмотрел своему приятелю в лицо и тут же передал ему весь свой разговор с Рудиным, от слова до слова* (т. 5, с. 275). Ср. мнение А.П.Чехова, писавшего начинающему автору в отзыве на его рукопись: «Начать с того, что то и дело попадают фразы, тяжелые, как булыжник. ...Так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочем, это пустяки...» (Чехов А.П. Н.А.Хлопову // СС в 12 т. Т. 12. Избранные письма. – М.: Правда, 1985. – С. 93). На наш взгляд, в приведенной фразе Тургенева глагол СВ занял свое законное, хотя и через компромисс с обстоятельством, место – как называющий звено в цепи последовательных действий; уступая этой аспектуальной функции, удвоенное обстоятельство *долго* передает необходимый признак продолжительности действия.

живаний Миши. Возможно, это было раскаяние или – не менее горькое воспоминание о безоблачном детстве и т.п. Именно в эти, трагические мгновения, и родилось в его сознании весьма необычное решение: сейчас же, на глазах у бывшего слуги, похоронить себя заживо – рядом с родителями. Увы, это была не поза! Не таков был Миша, который не знал меры своим сумасбродным выходкам. Читатель верит, что он и в самом деле закопал бы себя, если бы событие неожиданно не получило бы исход в другом направлении. Таким образом, аспектуальная интерпретация данного примера – через существование (протекание) действия *смотрел* передать читателю сложное психическое состояние персонажа в данной ситуации.

Рассмотрим еще один случай выбора художественно значимого, и при этом синтаксически связанного, несовершенного вида, но – с другой, по сравнению с предыдущим примером, аспектуальной семантикой (из повести «Ася»).

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял [вместо изъявил] желание иметь ее при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шелковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был ее учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал ее, то есть не нянчился с нею; но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин ее отец; но она так же скоро поняла свое ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла.

Итак, *изъявлял* вместо *изъявил*. Отклоненный СВ, очевидно, не сочетается с обстоятельственным комплексом *и прежде*. Но чтобы понять аспектуально-художественное содержание глагола НВ – *изъявлял*, надо вникнуть в суть повести. «Отец» – это родитель Гагина, одного из центральных героев повести. Гагин рассказывает своему знакомому об Асе, упоминая, в частности, отца в связи с тем, что Ася является его внебрачной дочерью и, следовательно, приходится ему, Гагину, сестрой. По словам Гагина, вдовый отец очень любил свою незаконнорожденную дочь, как и ее мать – крепостную Татьяну. Но, из-за своей мягкотелости, смог

взять к себе в дом Асю, еще ребенком, лишь после смерти Татьяны. Предосудительное происхождение, двусмысленное положение в доме, особенно когда не стало и отца, отразились на формировании личности Аси, к чему, собственно, и сводился рассказ Гагина. Таким образом, отец Гагина и Аси – фигура в сюжете повести вспомогательная; он даже не называется по имени. Он, а точнее – его нерешительное отношение к дочери, нужен повествователю только как штрих, хотя и существенный, в картине развития характера Аси.

Аспектуальное значение глагола *изъявлял* в данном контексте мы называем **экзистенциально-фактическим**, поскольку внимание здесь акцентируется на факте существования действия в прошлом⁴. При этом не конкретизируется: однократным было действие или многократным, кратким или процессным. Здесь важен другой смысл несовершенного вида, который выступает совместно с экзистенциально-фактическим и который в аспектологии называют **конативным**⁵: важно то, что прежние попытки (или – попытка) остались без последствий. Отсюда, собственно, и вытекает возможность реализации высказанного ранее намерения взять Асю в дом – уже при изменившейся ситуации. Тогда как совершенный вид (если его допустить в текст без комплекса *и прежде*, например: *Отец изъявил желание...*) означал бы скорее употребление барской власти, чем сердечное отношение к крепостной Татьяне и ее дочери, и предполагал бы не повторение волеизъявления, а какое-то иное развитие ситуации.

Перейдем к разночтениям, определенным выше как сложная текстологическая проблема. Имеется в виду столкновение тех видовых вариантов, которые не связаны однозначно ни содержанием ближайшего контекста, ни структурой предложения или сверхфразового единства. Или вместе оказываются взаимоисключающие показания – как для одного, так и для другого вида. И тогда оба вида возможны в принципе, но читателю их одновременно не предложишь – выбор неизбежен!

⁴ Общепринятое в русской аспектологии определение данной функциональной разновидности несовершенного вида – обобщенно-фактическое значение – нам кажется не вполне точным, поскольку **обобщение** у этой разновидности не составляет обязательного семантического компонента.

⁵ От лат. *conatus* – попытка, стремление; см. [Русская 1980: 606].

В аспектологии известно явление под названием «конкуренция видов». Означает оно обычно «взаимозаменяемость видов, не сопровождаемую изменением основного смысла высказывания (изменяются лишь оттенки выражения этого смысла)» [Бондарко 1971: 36]. Считается также, что конкурируют между собой только члены видовой пары: «...замене одного вида другим часто препятствует видовая несоотнесенность...» (Бондарко, там же). Слабое место, на наш взгляд, толкования в литературе понятия «конкуренция видов» то, что оно почти неизменно демонстрируется языковым экспериментом – заменой вида в каком-либо придуманном предложении, типа: *Вчера смотрел* (↔ *посмотрел*) *интересную телепередачу*.

Исследуемый нами материал содержит не умозрительную, а действительную, даже насущную конкуренцию видов – как неотъемлемую часть творческого процесса. И он не вписывается в распространенные ныне представления об этом явлении. Во-первых, наш материал явно не ограничивается вариантами парных по виду глаголов, среди них оказалось немало несоотнесенных (одновидовых) или, во всяком случае, спорных в этом отношении глаголов. Например: *выбрали* – *брали*; *поговорю* – *говорю*; *удержаться* – *держаться*; *позаботиться* – *заботиться*; *покачала* – *покачивала*; *подумать* – *думать*; *переночуете* – *ночуете* и др. Но важнее другая особенность. Отнюдь не только «оттенками» различаются видовые варианты в тургеневских разночтениях.

В следующем эпизоде, из рассказа «Андрей Колосов», глагол СВ, «победивший» альтернативный НВ, называет действие, оказавшееся кульминационным поворотом в сюжете.

В течение того же утра я опять уверил [вместо уверял] себя, что я блаженнейший из смертных, Я поехал за город, к Ивану Семенычу. Он меня принял весьма радостно; хотел было пойти к соседу, но я сам его остановил. Я боялся остаться наедине с Варей. Этот вечер прошел весело, но не отрадно. Варя была ни то ни се, ни любезна, ни грустна... ни хороша собой, ни дурна. Я взирал на нее, как говорят философы, объективным оком, то есть как сытый человек смотрит на кушанья. Я нашел, что у ней руки немного красны...

«Что ж? вы говорили с папенькой?» – сказала мне Варя, когда мы с ней остались наедине. Этот вопрос мне ужасно не понравился... я подумал про себя: «Больно изволите торопиться,

Варвара Ивановна. «Нет еще-с, – отвечал я довольно сухо, – но поговорю». Вообще я обходился с ней несколько небрежно.

В первом приближении аспектуальное значение глагола СВ – переход от действия к ситуации, от размышления к соответствующему настроению. Формально приемлемый НВ *уверял* означал бы нефиксируемый во времени процесс размышления. Но заглянем поглубже.

Заглавный герой, Андрей Колосов, – личность примечательная: видная внешность, открытый и общительный характер, ясный и практичный взгляд на вещи и другие привлекательные черты украшают молодого человека. Он увлекся было барышней Варей и даже решил, что любит ее, но вскоре понял, что ошибся, и решительно прекратил дружеские отношения с ней. На свою беду Варя успела влюбиться в Колосова так, как влюбляются все тургеневские героини, то есть беззаветно. Естественно, ей остается только страдать. Друг Колосова обвиняет его в жестокости, низости и предательстве, но вдруг понимает, что... сам любит Варю. После страстного объяснения, Варя – может быть, от отчаяния – соглашается на то, что влюбленный будет просить ее руки у ее отца. Остаток этого дня осчастливленный герой, однако, испытывает сомнения в связи с легкой победой; а на следующее утро «герой романа» окончательно (!) отбросил недостойные колебания, *уверил* себя в своем чувстве и поспешил к возлюбленной, чтобы исполнить свой долг и обещание.

Этот рассудочный акт – *уверил* – и стал тем роковым шагом, за которым последовало нравственное падение героя. Последовала неожиданно для него самого холодная встреча с Варей и – позорное уклонение от разговора с ее отцом. Вместо того чтобы выдернуть нож, который судьба вонзила в сердце бедной девушки рукою Колосова, он садистски повернул его там. Примерно так оценивает свой поступок сам герой, от лица которого и ведется рассказ. Не случайно рассказ этот заканчивается упоминанием о мимолетной встрече героя с Вариным отцом, который, не замечая несостоявшегося жениха, кому-то говорил явно о нем: «Ведь вот бывают же такие широмыжники!».

Художественный смысл глагола СВ *уверил* видится в том, что герой доверил свои чувства холодному рассудку, чтобы прид-

ти к какому-либо решению; тогда как о блаженном состоянии любви может говорить только сердце, а не голова. Лишь много лет спустя, рассказывая свой роман, герой стал понимать, что сердцем должен был почувствовать «невьтанцевавшуюся» любовь, – так, Гоголевским словом, выразил он запоздалое сожаление.

Еще один пример непростого выбора – из комедии «Нахлебник»: *изъясняюсь* вместо *изъяснюсь*.

«Комедией» это произведение назвал сам автор, однако содержание его – отнюдь не из веселых. Предлагаем наше прочтение пьесы и ее кульминационной сцены.

Обедневший дворянин Кузовкин, приживальщик в поместье богатого помещика, петербургского чиновника Елецкого, рассказывает случайно собравшимся соседям хозяина историю многолетней тяжбы за небольшое село Ветрово. Вся сцена по существу представляет собой унижительное издевательство над бесправным и бесхарактерным человеком. Драматизм в том, что Кузовкин, сознававший в начале сцены, что его хотят выставить в роли шута, коварно напаивая шампанским, постепенно теряет контроль над собой. Вследствие этого в своей затянувшейся повести он, понуждаемый развеселившейся компанией, погрязает в таких ненужных подробностях, из которых ему, кажется, уже и не выбраться.

*Кузовкин (продолжает рассказ о тяжбе). Э! Эти все перемерли. Полькин сын даже сгорел – в постоялом дворе, в пьяном виде, на большой дороге, по случаю пожара. (К Иванову.) Да полно тебе меня за полу дергать. Я перед господами как следует **изъясняюсь** [вместо *изъяснюсь*]. Они сами того требуют. Что ж тут худого... а?*

Репликой, обращенной к Иванову (единственному, кто ему сочувствует), бедняга не столько оправдывается перед ним или перед собой, сколько смиряется с мучительной и постыдной для него пыткой, отдавшись во власть злой воли. Это тягостное состояние персонажа и фокусируется в глаголе НВ *изъясняюсь*. Представить на его месте отклоненный СВ *изъяснюсь* в принципе возможно, но он означал бы речь, которую говорящий намерен вскоре результативно завершить. А это не согласуется с ситуацией и лишило бы психологический портрет персонажа характерной черты.

Рассмотрим последний пример выбора названным выше изданием видового варианта, – это тоже глагол несовершенного вида: *раздается* (голос) вместо *раздался*⁶. Этот глагол интересен тем, что останавливает внимание не на характеристике своей речи самим говорящим, как *изъясняюсь*, а на восприятии чужой речи. Чтобы убедиться в его глубоком художественном смысле, в отличие от СВ, вспомним в нескольких словах фабулу рассказа «Три встречи».

Рассказчик, от лица которого ведется повествование, некоторое время проживал в Италии. Однажды, прогуливаясь по ночному Сорренто, он услышал песню на итальянском языке, доносившуюся из раскрытого и освещенного окна какого-то дома. Страсть, которой был проникнут красивый женский голос, усиливалась призывными словами по-итальянски: *Перейди через эти холмы и приходи ко мне...* Далее рассказчик вспоминает, что когда он, невольно увлекаемый этой песней, приблизился к окну и вдруг увидел прямо перед собой поющую женщину, то поразился прекрасным лицом и всей ее неотразимой красотой. «Я тогда же почувствовал, – говорит он, – что этого лица я ввек не забуду».

Прошло много времени; итальянское приключение стало забываться нашим героем, живущим теперь в своем поместье, в степном российском захолустье. И вдруг... возвращаясь как-то с охоты и проходя мимо соседней полузаброшенной усадьбы, он опять услышал ту же итальянскую песню, которую с той же страстью пел тот же голос! Это было уже нечто мистическое! И желание раскрыть тайну охватило героя. Кто эта итальянка? Как она здесь оказалась? Кого она призывает? Расспросы соседей, дворовых людей таинственной усадьбы ничего не дают и даже еще более запутывают дело. Но чем мучительнее становится неизвестность, тем сильнее герой ощущает необъяснимое влечение к таинственной незнакомке. И далее герой рассказывает свой сон...

⁶ Всего, таким образом, в настоящей статье представлено 6 случаев выбора видового варианта из 51 проанализированных (см. выше). В числе 6-ти – четыре на глаголы несовершенного вида. Этот перевес – в известной степени произволен: отобраны наиболее показательные примеры. В то же время он (перевес) отражает более богатую функционально-семантическую палитру НВ в русской речи, по сравнению с СВ. (См. об этом: [Карпухин 2006: 63].

...Мне чудилось, что я иду по узкой, горной тропинке... Я спешу: мне надо дойти поскорей куда-то, меня ждет какое-то неслыханное счастье; вдруг громадная скала воздвигается передо мной. Я ищу прохода: иду направо, иду налево – нет прохода! И вот за скалой внезапно **раздается** [вместо раздался] голос: *Passa, passa quei colli...* Он завет меня, этот голос, он повторяет свой грустный призыв. Я мечусь в тоске, ищу хоть малейшей расселины... увы! Отвесная стена, гранит повсюду... *Passa quei colli* – жалобно повторяет голос. Сердце во мне ноет, я бросаюсь грудью на гладкий камень, я в исступлении царапаю его ногтями...

Тайна раскрылась во время последней, тоже случайной, встречи, состоявшейся уже в Петербурге. Итальянка оказалась русской, и она действительно тайно встречалась со своим возлюбленным и в Италии, и в России, в том числе – в степном поместье, принадлежащем ее подруге. Но вернемся к альтернативе: почему *раздается*, а не *раздался* голос во сне? Чем НВ лучше с точки зрения аспектуальности? Ведь формальные основания есть как у того, так и у другого вида! НВ легко укладывается в грамматическую структуру нарративного изложения – с цепочкой форм настоящего исторического времени. Зато СВ более предпочтителен в сочетании с наречием *внезапно*.

Очевидно, что НВ мотивирован здесь более существенным фактором, чем структура текста. Глагол СВ *раздался*, называющий действие краткое, как бы разрывающее тишину, означал бы, прежде всего, восприятие субъектом голоса, звучания, а уж потом, возможно, смысла короткой фразы. Но все переживания героя по поводу предшествующих необычных событий ведут к тому напряженному вниманию, с которым он – пусть и во сне! – вслушивается именно в смысл итальянских слов, к нему обращающих желанный призыв – призыв, вновь и вновь повторяемый. Передать это, томительно-чарующее состояние в его протекании, и есть задача несовершенного вида.

Подведем некоторые итоги наших наблюдений.

1. Аспектуальная семантика русского глагола может играть роль выразительного художественного средства – при изображении как частных деталей повествования, так и сюжетно значимых его моментов. Ярko демонстрирует эту роль творчество гениального русского писателя И.С.Тургенева.

2. Художественная функция глагольного вида базируется на семантическом инварианте этой категории в нашем понимании (см. ссылку на наши работы в сноске 2). В речи (но не в глагольном словаре!) виды русского глагола противопоставлены по способу представления действительности: СВ реализует ее изображение в динамике; НВ задерживает внимание участников речевого акта на протекании действия, то есть представляет действительность в статике.

3. Движение – конституирующий признак глагола СВ. Но его художественное преломление бывает разнообразным в зависимости от частного видового, лексического и контекстного значения глагола. Так, движение может быть не только поступательным, но и регрессивным; не только развивающимся, но и затухающим (см. пример из рассказа «Смерть»). Оно может вызывать у субъекта не только удовлетворение, но и разочарование (см. пример из рассказа «Андрей Колосов») и т.д.

4. Фокусирование внимания на протекании действия, как общий аспектуальный признак глаголов НВ, означает в принципе углубленную характеристику субстанции, связанной с действием. В творчестве И.С.Тургенева – это прежде всего характеристика персонажей – через их психику, умонастроение, поведение, отношение к окружающим, через их восприятие бытия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авдеев, Ф.Ф. О месте настоящего исторического в системе грамматических значений времен современного русского языка / Ф.Ф. Авдеев // Вопросы русской аспектологии. – Воронеж, 1975. – Т. 146.

Бабайцева, В.В. Русский язык: Теория 5-9 кл. / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. – 10-е изд. – М., 2001.

Барентсен, А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке / А. Барентсен // Типология вида: проблемы, поиски, решения. – М., 1998.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Наука, 1950-1965.

Бойко, А.А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке / А.А. Бойко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.

Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971.

Бондарко, А. В. Семантика предела / А.В. Бондарко // ВЯ. – 1986. – №1.

Борисова, Е. Г. Ответы на вопросы анкеты / Е.Г. Борисова // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2.

Булыгина, Т.В. Грамматические оппозиции / Т.В. Булыгина // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968.

Валгина, Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Цапукевич. – М., 1962.

Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. II / А.Н. Гвоздев. – 2-е изд. – М.: Госучпедгиз, 1961.

Гловинская, М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского языка / М.Я. Гловинская. – М., 1982.

Гуревич, В.В. Глагольный вид в аспекте актуального членения / В.В. Гуревич // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – Т. 1.

Гуревич, В.В. Глагольный вид в русском языке / В.В. Гуревич. – М., 1994.

Демидова, А.К. Управление наиболее употребительных глаголов в современном русском языке / А.К. Демидова. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1969.

Исаченко, А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II / А.В. Исаченко. – Братислава, 1960.

Йогендра, К. Употребление в современном русском языке видов глагола при отрицании в изъявительном наклонении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Йогендра. – М., 1974.

Караваев, Э.Ф. Некоторые вопросы развития временной логики / Э.Ф. Караваев // Философские науки. – М.: Высшая школа, 1970. – № 1.

Караванов, А. А. Ответы на вопросы анкеты / А.А.Караванов // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2.

Карпухин, С.А. О сочетаемости глаголов разных видов с наречием *никогда* / С.А. Карпухин // Семантическая системность языковых единиц. Сб. научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997.

Карпухин, С.А. К вопросу о видовых парах глаголов в русском языке / С.А. Карпухин // Вестник Самарского гос. университета. – 1999. – № 3.

Карпухин, С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2002. – № 1.

Карпухин, С.А. Глаголы «бегущие» и «застывшие» на месте / С.А. Карпухин // Наука и жизнь. – 2004б. – № 6.

Карпухин, С.А. К проблеме глагольного вида в русском языке / С.А. Карпухин // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во Московского университета, 2004а. – Т. 4.

Карпухин, С.А. Русский глагольный вид в языковом сознании / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2004. – № 3.

Карпухин, С.А. Семантика совершенного вида / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2005. – № 3.

Карпухин, С. А. Семантика несовершенного вида / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2006. – № 2.

Карпухин, С.А. Русский глагольный вид как отражение в языковом сознании непрерывности и членимости бытия / С.А. Карпухин // Континуальность и дискретность в языке и речи:

материалы Межд. научной конференции. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2007.

Карпухин, С.А. Как в учебниках русского языка представлен вид глагола / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2009. – № 1.

Карпухин, С.А. Употребление глагольных видов в отрицательных предложениях / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2011а. – № 10.

Карпухин, С.А. Семантика русского глагольного вида / С.А. Карпухин. – Электронный ресурс:
<http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpu.htmhin>. – 2011.

Карпухин, С.А. Рифма и смысл / С.А. Карпухин // РЯШ. – 2016. – № 4.

Книгина, С.А. Тесты по русскому языку. 6 кл. / С.А. Книгина. – Саратов, 2003.

Кошмидер, Э. Очерк науки о видах польского глагола / Э. Кошмидер // Вопросы глагольного вида. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

Кравченко, А.В. Глагольный вид и картина мира / А.В. Кравченко // Изв РАН. Сер. лит. и яз. – 1995. – Т. 54, № 1.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Лукин, М.Ф. Морфология современного русского языка / М.Ф. Лукин. – М.: Просвещение, 1973.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. – Изд. 3-е. – М., 1985-1988.

Маслов, Ю.С. Статья «Вид глагольный» / Ю.С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Маслов, Ю.С. Избранные труды: аспектология, общее языкознание / Ю.С. Маслов. – М., 2004.

Милославский, И.Г. К определению основных понятий аспектологии / И.Г. Милославский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1987. – Т. 46.

Николаева, Т.М. Фразовое ударение / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 561.

Нурен, А. Наш язык: вид (в извлечениях) / А. Нурен // Вопросы глагольного вида. – М., 1962.

Обратный словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1938.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV, вып. II / А.А. Потебня. – М.: Просвещение, 1977.

Русская грамматика: В 2 т. Т.1. – М.: Наука, 1980.

Русский язык: учеб. для 5 кл. / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос [и др.]; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – М., 2000.

Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979.

Сазонова, И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь / И.К.Сазонова. – М.: Русский язык, 1989.

Сборник упражнений по современному русскому языку / под ред. С.Г. Ильенко. – М.: Просвещение, 1977.

Сейфулин, М. Г. Проблема значения в современной аспектологии: автореф. дис.... канд. филол. наук / М.Г.Сейфулин. – Алма-Ата, 1968.

Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. – М., 1982.

Современный русский язык: В 3. Ч.2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981.

Современный русский язык / под ред. Д.Э.Розенталя. – М., 1971.

Современный русский язык. Ч.2 / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во МГУ, 1964.

Степанов, Ю.С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема) / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – Т. 35, №5.

Тесты к школьному учебнику: Русский язык. 6 класс / сост. О.В. Репина. – М., 1999.

Тимберлейк, А. Инвариантность и синтаксические свойства видов в русском языке / А. Тимберлейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 15.

Того, М. Мнимое и действительное / М. Того // Гэндай ро-сиа-го (Современный русский язык). – Токио, 1972.

Холодович, А. А. О предельных и неопредельных глаголах / А.А. Холодович // Филология стран Востока. – Л., 1963.

Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977.

Шатуновский, И. Б. Ответы на вопросы анкеты / И.Б. Шатуновский // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2.

Шатуновский, И. Б. Императив и вид / И.Б. Шатуновский // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – Т. 4.

Шелякин, М.А. Справочник по русской грамматике / М.А. Шелякин. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 2000.

Forsyth, J. A. Grammar of Aspect / *J. A. Forsyth.* – Cambridge University Press, 1970.

Galton, H. Aorist und Aspekt im Slavischen. Eine Studie zur funktionellen und historischen Syntax / *H. Galton.* – Wiesbaden, 1962.

Научное издание

Карпухин Сергей Александрович

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 9,5.

Тираж 500 экз. Заказ № .

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени академика С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

Изд-во Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.